КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXI.

1903 г.

МАЙ.

КІЕВЪ
Типографія Императорскаго университета св. Владиміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1903.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 1 апрѣля 1903 года.

Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія [1].

Экономическія отношенія.

Окончаніе.

Въ планъ настоящей статьи не входитъ исторія проведенія крестьянской реформы. Я старался только дать нѣкоторыя указанія, поясняющія народную точку зрѣнія на исторически слагавшіяся земельныя отношенія. При оцѣнкѣ ихъ народной мыслью не дѣлается ни малѣйшаго намека на осложненія жизни, вызываемыя усиливающейся интенсивностью культуры, но для тѣхъ, кто помнитъ общій типъ дореформеннаго помѣщичьяго хозяйства, это вполнѣ понятно. Исторически слагавшійся аграрный строй представлялся какъ результатъ борьбы, не имѣвшей ничего общаго съ прогрессирующей земледѣльческой техникой, борьбы, въ которой крестьянская масса оказалась фактически побѣжденной, но въ глубинѣ своего сознанія не сдавшейся, не отказавшейся и

---

1) См. Кіев. Ст. 1903, № 4.

среди тяжелыхъ условій крѣпостного быта отъ надежды на лучшее будущее. Этими вѣковыми усиліями работы народной мысли объясняется и то ограниченное пониманіе существующаго аграрнаго строя, на которое я указалъ въ началѣ статьи.

Но какъ бы то ни было, освобожденіе крестьянъ съ землею стало дѣйствительностью, крестьяне сами стали свободными владѣльцами земли. Современемъ проведено и надѣленіе чиншевиковъ землею, да кромѣ того бóльшее или меньшее количество помѣщичьей земли перешло въ руки крестьянъ путемъ частныхъ сдѣлокъ безъ помощи или же съ помощью крестьянскаго банка. Конечно, эти факты не могли остаться безъ вліянія на развитіе народной мысли. Существующій аграрный строй пересталъ быть исключительно предметомъ отрицанія: онъ принимается за солидную точку опоры текущей хозяйственной жизни съ тою только оговоркою, что на него не смотрятъ, какъ на послѣдній, какой то абсолютно неподвижный фазисъ ея эволюціи. Такое значеніе, мнѣ кажется, имѣетъ то ограничительное пониманіе даннаго ея момента, о которомъ здѣсь была рѣчь, если только мы постараемся различить общій смыслъ сюда относящагося народнаго міровоззрѣнія отъ нѣсколько наивныхъ формъ его проявленія. Такимъ образомъ этотъ ограничительный взглядъ на данный аграрный строй составляетъ предметъ теоретическаго мышленія, старающагося предугадать общее направленіе сюда относящейся законодательной дѣятельности. Для текущей практической жизни этотъ строй принимается за точку отправленія хозяйственной дѣятельности не только въ силу внѣшней необходимости, но и въ силу внутренняго сознанія о необходимости для этой жизни опираться на опредѣленномъ основаніи. Въ виду этого то, что добыто усиліями людскими при данныхъ условіяхъ хозяйственной жизни, т. е. движимая собственность, вообще въ міровоззрѣніи сельскаго люда считается неприкосновенною. Для иллюстраціи этого положенія я хочу обратить вниманіе на явленіе, въ которомъ внѣшнія гарантіи этой неприкосновенности очень слабы и дѣйствительное ея охраненіе опирается почти всегда на правовомъ воззрѣніи крестьянской массы.

Во время сбора хлѣбовъ милліонныя цѣнности спокойно лежатъ на поляхъ въ формѣ копъ хлѣба, но увозъ чужихъ копъ съ поля никогда почти не случается. Между тѣмъ всякій, сколько-нибудь знакомый съ нашею сельско-хозяйственной жизнью, знаетъ, что никакіе «полевые» не могутъ въ этомъ отношеніи составлять серіознаго препятствія. Возка хлѣба крестьянскаго и помѣщичьяго идетъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ; одни крестьяне везутъ свой хлѣбъ, другіе помѣщичій, часто хозяинъ, везшій одинъ разъ свой хлѣбъ, другой разъ везетъ чужой по найму; услѣдить за всѣми крестьянскими «обмирками» не въ состояніи никакой «полевый», а при преобладающей въ юго-западномъ краѣ черезполосицѣ крестьянскихъ и частно-владѣльческихъ земель это относится и къ частновладѣльческимъ межамъ; рядомъ съ хозяевами, везущими свой хлѣбъ, везутъ и «зажонщики» заработанныя копы съ полей болѣе зажиточныхъ крестьянъ и частновладѣльцевъ; возка крестьянскаго хлѣба часто совершается и ночью. Очевидно, контроль полевыхъ сторожей при такихъ условіяхъ сводится почти къ нулю. Очень многимъ своего и заработаннаго хлѣба далеко не хватаетъ до новаго—и тѣмъ не менѣе не только крестьянскія, но и панскія копы достаются ихъ владѣльцамъ. Собственность оберегается здѣсь въ сущности правовымъ воззрѣніемъ крестьянской массы. Вообще, во взглядѣ на движимую собственность крестьянское міровоззрѣніе сходится съ міровоззрѣніемъ болѣе культурныхъ классовъ, и здѣсь по этому поводу можно бы объ этомъ вопросѣ и не говорить, если бы не нѣкоторыя особенности во взглядѣ на извѣстные продукты земли. Но прежде, чѣмъ я перейду къ указанію этихъ особенностей, я долженъ сдѣлать маленькую оговорку.

Оговорка эта необходима потому, что раздражительность, диктуемая классовыми интересами отдѣльныхъ группъ, слишкомъ часто вызываетъ склонность смотрѣть на объективное изложеніе побужденій дѣятельности людей, стоящихъ внѣ данной среды, какъ на идеализацію міровоззрѣнія этихъ людей, апологію à tout prix и т. д., а также предвзятый взглядъ на попытки изученія народной среды, конечно, далеко не способствуетъ этому изученію.

Итакъ, я долженъ прибавить: говоря о томъ или иномъ народномъ взглядѣ на тотъ или иной видъ собственности, на то или иное проявленіе хозяйственной дѣятельности, я имѣю въ виду то отношеніе къ даннымъ вопросамъ, которое одобряется или же не одобряется общественной совѣстью, не отрицая единичныхъ нарушеній ея постулатовъ, встрѣчающихся, конечно, въ народной средѣ точно такъ же, какъ и во всякой другой.

Нормы юридическаго міровоззрѣнія являются не какъ нѣчто данное извнѣ, а вырабатываются въ тѣсной связи съ условіями жизни того или иного общества. Въ средѣ, въ которой экономическое благосостояніе тѣсно связано съ условіями труда, принципъ труда естественно является главной санкціей права собственности. Вслѣдствіе этого ненарушимость и видъ собственности на тѣ или иные предметы расходятся по народному міровоззрѣнію въ тѣсной зависимости отъ вопроса, насколько трудъ участвовалъ въ ихъ созданіи. Я только что указывалъ на общую ненарушимость собственности, выражающейся въ хлѣбѣ. Но хлѣбъ и есть главный продуктъ земледѣльческаго труда, и этотъ видъ собственности уважается независимо отъ того, непосредственно ли или посредственно собственникъ участвуетъ въ его производствѣ. Другое дѣло получаемые безъ примѣненія человѣческой работы дары природы: лѣсъ, естественный лугъ и т. п. Никто своимъ трудомъ не участвовалъ въ ихъ созданіи, а потому и не могутъ они по народному міровоззрѣнію, носить той печати личной собственности, которую сообщаетъ другимъ предметамъ вложенный въ ихъ производство трудъ. Правда, историческія условія сдѣлали и эти предметы объектомъ частной собственности, но это только фактъ, а не принципъ, а потому и нарушенія даннаго вида собственности не представляются, по народному міровоззрѣнію предосудительными.

Вотъ нѣсколько примѣровъ этого взгляда. Когда то въ корчмѣ на кіево-житомирскомъ шоссе я обратился къ встрѣченному тамъ крестьянину съ разспросами о дорогѣ въ одно изъ ближайшихъ селъ.—«Не знаю я добре, я, бачте, не тутешній, я

прыйихавъ сюды трохы казённого лису вкрасты»,—и это разсказывалось откровенно совсѣмъ незнакомому человѣку.

Въ дни моей ранней молодости у меня былъ значительно старшій меня пріятель, крестьянинъ д. Маковищъ (кіевскаго у.). Его задержали съ фурою дровъ, нарубленныхъ въ лѣсу, принадлежавшемъ моему отцу. «Отаке несчастя, панычу», говорилъ мнѣ мой пріятель, «и скилькы вже я того лису попокравъ— ничого не було, а теперъ скортило въ недилю рубать—отъ и попався».

Другой разъ съ этимъ же пріятелемъ я отправился на его поле жать. Мы ѣхали «бычкамы», чтобы къ вечеру какую-нибудь копу и привезти домой. По дорогѣ лежало бревно дерева: «Знаете»,—сказалъ мнѣ мой пріятель, «вашому батькови ця деревына непотрибна, а въ тимъ у його есть чымало лиса, а мени такъ бы то вона здалася затягты окладыну у клуни. Що, якъ бы мы положылы іи на визъ и пидъ снопомъ прывезлы до-дому». Признаюсь—прошло уже нѣсколько давностей съ того времени—аргументы моего пріятеля мнѣ показались убѣдительными и на обратномъ пути съ поля мы привезли въ клуню не одни снопы.

Время шло, и въ свою очередь я сталъ владѣльцемъ куска лѣса въ сквирскомъ уѣздѣ. Моя жена, гуляя въ лѣсу, встрѣтила женщину, собиравшую въ немъ дрова. Она начала говорить ей о томъ, что не слѣдуетъ обламывать вѣтвей, что для того, чтобы собирать дрова, нужно бы имѣть разрѣшеніе владѣльца лѣса и т. п. Баба тѣмъ временемъ укладывала свою «вязку», разсказывала о своихъ недостаткахъ, о томъ, что у нея нѣтъ худобы, чтобы ѣздить въ болѣе далекій лѣсъ покупать дрова и т. п.

Разговаривая на эти темы, онѣ шли рядомъ, при чемъ «баба» несла свою вязку. Баба была «старенька» и перелѣзть черезъ канаву съ вязкой дровъ ей было трудно. Она положила вязку, сама перелѣзла и обратилась къ моей женѣ съ просьбой подать ей ея вязку.

Разъ я обратился въ волостной судъ съ жалобою на порубку лѣса. Отвѣтчикъ старался въ началѣ доказать, что находя-

щееся у него дерево куплено имъ въ другомъ лѣсу, но когда ему была доказана невѣрность его показанія, онъ обратился къ суду: «Ну, нема чого таить, тутъ сорома не мае, усяке вкраде лисъ, якъ ёму треба». Это откровенное объясненіе заставило насъ всѣхъ: и судцивъ, и меня, и публику разсмѣяться, тѣмъ болѣе, что мы всѣ чувствовали, что онъ правъ (съ точки зрѣнія обычаевъ и правовыхъ нормъ народнаго міровоззрѣнія). «Це вже треба готуваты насиння»,—говорилъ мнѣ одинъ сосѣдъ—«тилькы ще на ципыльно и быяка треба буде у васъ вкрасты». Я читалъ записку о нуждахъ крестьянства, составленную однимъ крестьяниномъ сквирскаго уѣзда. Записка была вручена мировому посреднику и предназначалась для представленія ея высшему начальству. По стилю, по пріемамъ аргументаціи авторъ представляетъ собою мыслящаго, толковаго, довольно грамотнаго крестьянина, нѣсколько ознакомленнаго съ законоположеніями, относящимися къ устройству мѣстнаго крестьянства, такъ сказать звено, связанное во всѣхъ отношеніяхъ съ данной средой. Мысль о томъ, что крестьянство нуждается въ томъ то (потребуйе того), онъ формулируетъ обыкновенно словами: крестьянство требуетъ отъ правительства, но при этомъ онъ желаетъ твердо стоять на почвѣ закона. На первомъ планѣ онъ указываетъ на необходимость назначенія для всякой волости человѣка, на обязанности котораго лежало бы ознакомленіе крестьянъ съ ихъ правами и обязанностями на основаніи положительнаго закона. Людей этихъ онъ называетъ законоучителями. Переходя къ занимающему насъ въ данномъ мѣстѣ вопросу, онъ выражаетъ желаніе, чтобы правительство запретило владѣльцамъ лѣсовъ всякую ихъ продажу въ стороннія руки, такъ какъ мѣстные крестьяне нуждаются въ лѣсномъ матеріалѣ для своихъ построекъ и орудій. Въ дальнѣйшія подробности по вопросу объ организаціи этого участія крестьянъ въ лѣсномъ хозяйствѣ онъ не входитъ: онъ ограничивается только подчеркиваніемъ нужды крестьянъ въ лѣсномъ матеріалѣ. Когда нужно устроить или исправить то или иное орудіе, необходимое въ крестьянскомъ хозяйствѣ, то крестьянинъ, конечно, старается добыть нужный матеріалъ порубкою въ панскомъ лѣсу и «самъ

законоучитель»,—добавляетъ авторъ записки,—поступилъ бы при такой нуждѣ не иначе.

Но самородная трава на естественныхъ лугахъ, въ лѣсахъ, стерняхъ произрастаетъ также безъ участія людского труда, а потому и къ данному виду произведеній почвы примѣняется тотъ же взглядъ, что и къ лѣсамъ. Когда то я держалъ воловъ на подножномъ корму. Такъ какъ волы выглядѣли хорошо, то я выразилъ благодарность наймиту, пасшему ихъ.—«А то жъ хиба я для васъ не стараюсь,—и синожать (сосѣдней владѣлицы), думаете, чыи волы спаслы, якъ не наши».

Понятіе о томъ, что потрава естественныхъ пастбищъ не представляетъ сама по себѣ ничего предосудительнаго, выражается при всякомъ случаѣ. Когда то, проѣзжая черезъ Пятыгоры (таращанскаго уѣзда), я остановился въ корчмѣ, гдѣ два словоохотливые «диды» разсказывали разныя «прыгоды» изъ ихъ хозяйской жизни. Одному изъ нихъ пришлось пахать поле, находившееся на далекомъ разстояніи отъ обычнаго мѣста выпаса. Работы оставалось немного, и для того, чтобы ее кончить, онъ «прыпизнывся» съ оранкою. Волы и такъ томлены, гнать ихъ на свое пастбище далеко, а тутъ вблизи «въ панськимъ гаю така то вже славна паша». Бѣда только въ томъ, что небольшой упругъ засѣяннаго поля отдѣлялъ его отъ гаю, и все-таки въ гай нужно гнать черезъ посѣвы. «Що тутъ робыть? Чы такъ грихъ, чы такъ? Гей волы!»—и дидъ погналъ ихъ въ гай. Въ этой дилеммѣ «грихъ» состоялъ въ одномъ случаѣ въ томъ, что приходилось гнать часть дороги черезъ посѣвъ, въ другомъ—оставить усталые волы безъ паши. «А не дбать» про интересы «худобы», конечно грихъ—«воно жъ нимый языкъ».

Конечно, хозяинъ въ своихъ интересахъ можетъ оберегать свое пастбище, но если постороннему удается «вкрастысь» —это дѣло его удачи, и никому не придетъ въ голову считать это предосудительнымъ. Вотъ почему, несмотря на то, что я, въ качествѣ частнаго владѣльца, заинтересованъ въ охраненіи пастбищъ отъ потравъ, многіе сосѣди-крестьяне разсказывали

мнѣ при случаѣ о томъ, какъ они пасли скотъ на пастбищѣ той или иной сосѣдней экономіи.

Но говоря о данномъ направленіи народнаго міровоззрѣнія, нельзя не упомянуть и о томъ, что въ дѣйствительной жизни замѣчается въ значительной мѣрѣ приспособленіе къ ея текущимъ условіямъ. Такъ, лѣсныя порубки имѣютъ своимъ объектомъ болѣе или менѣе крупное дерево въ зависимости отъ большей или меньшей лѣсистости даннаго мѣста, а большая или меньшая значительность потравъ на естественныхъ пастбищахъ находится въ связи съ большимъ или меньшимъ обиліемъ ихъ въ данной мѣстности. Искусственные луга, если они разводятся безъ нарушенія пастбищныхъ правъ крестьянъ, довольно рѣдко подвергаются потравамъ. По крайней мѣрѣ я замѣчалъ это въ своемъ личномъ хозяйствѣ.

Эта способность къ приспособленію взглядовъ и обычаевъ къ условіямъ текущей хозяйственной жизни указываетъ косвеннымъ образомъ, съ одной стороны, на историческія условія этой жизни, благопріятствовавшія ихъ укрѣпленію, съ другой—на возможность эволюціи народнаго міровоззрѣнія параллельно съ эволюціей хозяйственной культуры при наличности, впрочемъ, условій, дѣлающихъ полезность ея процесса доступною болѣе широкимъ слоямъ населенія.

Правовое міровоззрѣніе въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, не является, какъ нѣчто данное извнѣ, законченное само по себѣ, но развивается подъ вліяніемъ дѣйствительной хозяйственной жизни. Чѣмъ больше мы будемъ удаляться отъ даннаго момента въ прошедшее, тѣмъ яснѣе будетъ выступать относительное обиліе лѣсовъ и естественныхъ пастбищъ. Конечно, то и другое составляло уже давнымъ давно предметъ частной собственности, но собственникъ менѣе скупился на какой-нибудь дубокъ или выпасъ.

Одинъ мой пріятель, уроженецъ бѣлорусскаго полѣсья, былъ крайне удивленъ тѣмъ, что мѣстные чиншевики просили у меня разрѣшенія на какую-нибудь фуру-другую хвороста. «Что у васъ разумѣется подъ словомъ хворостъ?»—спрашивалъ онъ меня.

«И для порубки такого матеріала у васъ нужно имѣть разрѣшеніе владѣльца лѣса»? За мою память въ нашей мѣстности (сквирскій уѣздъ) не трудно было «выпросить» у того или иного владѣльца нѣсколько столбовъ на хату, хотя бы владѣлецъ и не отличался особенной мягкостью въ сосѣдскихъ отношеніяхъ. Право сборки валежника принадлежало крестьянамъ во многихъ мѣстахъ, а пастбищный сервитутъ прислуживаетъ еще до сихъ поръ огромному большинству крестьянскихъ обществъ юго-запад. края.

Но съ теченіемъ времени условія хозяйственной жизни осложняются; общественныя пастбища въ открытыхъ мѣстахъ исчезаютъ; въ стерняхъ, при болѣе интенсивной культурѣ, все болѣе и болѣе исчезаетъ самородная растительность; искуственное травосѣяніе является необходимой потребностью сельскаго хозяйства, начинается искусственное лѣсонасажденіе.

При такихъ условіяхъ неизбѣженъ конфликтъ между понятіями, выросшими на почвѣ отживающихъ хозяйственныхъ условій и позднѣйшимъ ихъ видоизмѣненіемъ. Указанная здѣсь способность приспособленія народнаго міровоззрѣнія указываетъ на возможность устраненія, или по крайней мѣрѣ значительнаго смягченія, этого конфликта, но для этого является необходимымъ такой складъ хозяйственныхъ условій, при которомъ и народная масса могла бы участвовать въ положительныхъ результатахъ земледѣльческаго прогресса въ данномъ отношеніи. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе тѣхъ предварительныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ возможность такого хода дѣлъ, мы должны однако замѣтить, что ожидать полнаго примиренія народнаго міровоззрѣнія съ ходомъ дѣлъ, при которомъ на долю народной массы достаются почти исключительно отрицательныя его стороны, невозможно, а къ сожалѣнію таковъ до сихъ поръ ходъ агрикультурнаго прогресса въ данномъ отношеніи. Не удивительно поэтому, что народная масса относится къ нему отрицательно, что традиціонное міровоззрѣніе, несмотря на нѣкоторыя его смягченія, держится упорно. Характерны въ этомъ отношеніи слова одного ихъ крестьянскихъ представителей на первомъ львовскомъ

сеймѣ (1860 г.). «Згода, кажете панове, згода—а лисъ де? а де пасовысько»?

«Тисно стало жыть на свити»—говорятъ крестьяне, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе увеличивается эта «тиснота»; «земля людей не здержыть». Очень часто повторяется фраза «теперъ куркы не можно выпустыть», такъ какъ кругомъ «все шкода».

Это понятіе тѣсноты имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду не только малоземелье, но и систему хозяйства. Въ послѣдніе годы въ сквирскомъ уѣздѣ развилось было довольно сильное переселенческое движеніе въ южно-уссурійскій край, на «зеленый клынъ», или на «сирый клынъ», какъ стали потомъ говорить. Такъ какъ для того, чтобы получить разрѣшеніе на переселеніе, нужно было представить сравнительно довольно значительную сумму денегъ на переѣздъ, то переселялись главнымъ образомъ хозяева средней зажиточности; болѣе малоземельные и безземельные остались на мѣстѣ, не получая притомъ возможности скупать оставляемыя переселенцами земли, которыя переходили въ руки болѣе зажиточныхъ односельчанъ. Такимъ образомъ переселеніе въ крайне слабой степени противодѣйствовало малоземелью и въ значительной мѣрѣ являлось протестомъ противъ той «тисноты», которая обусловливалась усиливающеюся системою болѣе интенсивнаго хозяйства. Довольно зажиточный хозяинъ, собиравшійся на «зеленый клынъ», на замѣчаніе, что въ его положеніи можно устроиться довольно удобно и на мѣстѣ, говорилъ мнѣ: «та що зъ того? тутъ тиснота»,—и повторялъ онъ стереотипную фразу о куркѣ, которой здѣсь «не можно выпустыть». Понятно, что никакой трактатъ о земледѣліи не имѣетъ той обаятельной силы, какъ мысль о 100 десятинахъ посѣва, да къ тому «лисъ, пасовысько, вси выгоды». И въ самомъ дѣлѣ, такъ ли ужъ ошибаются переселенцы, какъ нѣкоторые предполагаютъ? Конечно, и здѣсь желательны нѣкоторыя усовершенствованія въ организаціи дѣла, но эти вопросы не входятъ въ программу настоящей статьи.

До сихъ поръ я говорилъ, главнымъ образомъ, объ ограничительномъ взглядѣ крестьянъ на право внѣкрестьянской собственности, теперь я хочу указать на тѣ ограничительныя поня-

тія о ней, которыя относятся къ внутреннему быту крестьянства. И здѣсь, конечно, они являются продуктомъ общихъ жизненныхъ условій и данной системы полеводства. Впрочемъ я долженъ прибавить, что въ данномъ отношеніи я имѣю въ виду главнымъ образомъ юго-западный край и, болѣе спеціально, среднюю полосу кіевской губерніи, къ которой преимущественно относятся мои наблюденія.

Начнемъ съ главной основы крестьянскаго хозяйства: крестьянскаго земельнаго надѣла.

Въ средѣ внѣкрестьянской выработался подъ вліяніемъ ея жизненныхъ условій взглядъ на главу семейства, какъ на исключительнаго носителя права собственности, при сохраненіи, впрочемъ, правъ имущественной самостоятельности мужа и жены. Законъ, правда, ограничиваетъ право завѣщанія такъ называемыхъ родовыхъ имѣній въ пользу прямыхъ наслѣдниковъ, но не право распоряженія ими при жизни владѣльца. Если при отсутствіи завѣщанія законъ устанавливаетъ право наслѣдованія въ пользу остающихся въ живыхъ членовъ семьи, то мотивируется это предположеніемъ (въ огромномъ большинствѣ случаевъ вѣрнымъ), что эти члены семьи являются наиболѣе близкими сердцу собственника людьми и что признанная закономъ группа наслѣдниковъ совпадаетъ съ невыраженнымъ желаніемъ наслѣдодателя.

Въ крестьянскомъ быту хозяйственныя отношенія и, подъ вліяніемъ ихъ, взглядъ на право собственности внутри семьи слагаются нѣсколько иначе. Независимо отъ узъ родственнаго чувства, крестьянская семья представляетъ собою производительную экономическую ассоціацію, всѣ члены которой участвуютъ посильно въ ея производствѣ. Такъ какъ производительность труда членовъ семьи измѣняется съ теченіемъ времени, менѣе производительныя въ данный моментъ ея силы становятся современемъ болѣе производительными, и наоборотъ—трудоспособность болѣе производительныхъ въ данный моментъ ослабѣваетъ съ теченіемъ времени, то и права всѣхъ членовъ ассоціаціи признаются равными. Эту точку зрѣнія усвоило себѣ и мѣстное положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, признавая

крестьянскій земельный надѣлъ общей собственностью членовъ семьи. Этотъ принципъ глубоко проникаетъ весь строй семейно-экономической жизни крестьянъ. По мѣстному обычаю дочери вообще не участвуютъ въ наслѣдованіи земельнаго надѣла, хозяйственнаго живого и мертваго инвентаря, и получаютъ только приданое въ видѣ какой-нибудь телычки, овечокъ, кожуха, подушекъ и т. п., да «весилья» должно быть устроено «коштомъ» семьи. Сообразно съ этимъ и опредѣляется ихъ участіе въ семейномъ хозяйствѣ. Онѣ, конечно, помогаютъ матери въ уходѣ за огородомъ, плоды котораго онѣ потребляютъ вмѣстѣ съ другими членами семьи, въ сборѣ хлѣба, когда это нужно, въ уходѣ за младшими дѣтьми и т. п., но заработковъ, добываемыхъ на сторонѣ (на бурякахъ, при молотилкѣ, на разныхъ оплачиваемыхъ деньгами работахъ на чужомъ полѣ) онѣ не отдаютъ въ общую семейную кассу, употребляя ихъ по своему усмотрѣнію на наряды и т. п. Другое дѣло *хлопци*. Работаютъ ли они въ своемъ хозяйствѣ, зарабатываютъ ли на сторонѣ, работа ихъ должна имѣть въ виду тотъ общій фондъ семейнаго хозяйства, котораго они теперь и въ будущемъ соучастники. При постороннихъ заработкахъ заработанныя деньги поступаютъ въ общую кассу, и только какая-нибудь незначительная доля удерживается ими иногда на чарку, на тютюнъ и т. п., при молчаливомъ согласіи главы семейства. Но отдавая свои заработки въ общую кассу, они чувствуютъ себя въ правѣ и контролировать ходъ общаго хозяйства. Служащіе при моемъ хозяйствѣ сроковые рабочіе—хлопцы—обыкновенно сами получаютъ «до рукъ» заработанныя деньги, иногда поручаютъ выплатить ихъ «до рукъ батька», иногда прямо таки заявляютъ, чтобы «батькови» не давать заработанныхъ ими денегъ. Это случается тогда, когда они замѣчаютъ, что зарабатываемыя ими деньги не идутъ въ хозяйственное дѣло. Такой запретъ имѣетъ обыкновенно значеніе временной понудительной мѣры, и послѣ истеченія нѣкотораго срока сынъ или беретъ для врученія отцу деньги, или поручаетъ выплатить ихъ ему непосредственно. Но случалось иногда и такъ, что недоразумѣнія даннаго рода не улаживались дома, и отецъ въ моемъ присут-

ствіи мотивировалъ сыну расходъ заработанныхъ послѣднимъ денегъ на покупку лѣсного матеріала, для ремонта или постройки клуни, на пріобрѣтеніе лошади или бычковъ и т. п., находя, такимъ образомъ, неправильность не въ желаніи контролировать общій ходъ хозяйства, а въ ошибочности разсчета. Случалось и обратное: родители иногда просили нѣсколько затруднять полученіе сыномъ денегъ въ счетъ заработка, находя, что онъ слишкомъ много расходуетъ на личныя потребности и удовольствія, несмотря на насущныя потребности общаго хозяйства, далеко, впрочемъ, не претендуя на полное завладѣніе заработками сына.

Конечно, этими и имъ подобными случаями не исчерпываются проявленія значительной самостоятельности членовъ семьи, идущей рядомъ съ ея экономической солидарностью.

Мнѣ не разъ случалось слышать разсужденія младшаго поколѣнія, порицающаго способъ веденія хозяйственныхъ дѣлъ главою семьи и говорившаго о желаніи выдѣла, при чемъ, настаивая на своемъ правѣ на ту или иную часть хозяйственнаго инвентаря (построекъ, орудій, скота), они подчеркивали участіе своего личнаго труда непосредственно или посредственно въ постройкѣ какой-нибудь «повитки», пріобрѣтеніе лошади за заработанныя сыномъ деньги и т. п.

Въ виду жизненныхъ условій, на которыя опираются данныя экономическія отношенія членовъ семьи, имущественные семейные споры въ крестьянской средѣ имѣютъ значительно иной характеръ, чѣмъ такіе же споры въ семьяхъ, гдѣ случается встрѣчать имущественныя притязанія младшихъ членовъ семьи значительно раньше ихъ участія въ производствѣ. Этимъ объясняется и оправдывается снисходительное отношеніе волостныхъ судовъ къ спорамъ между младшимъ и старшимъ поколѣніемъ. Въ приговорахъ по подобнымъ дѣламъ волостной судъ говоритъ обыкновенно объ уваженіи, которое должно оказывать младшее поколѣніе старшему, напоминая, впрочемъ, въ случаѣ надобности и старшему о желательномъ хозяйственномъ направленіи его поведенія; иногда даже присуждаетъ рѣзко неуважительнаго сына къ какому-нибудь наказанію, но въ концѣ концовъ, при упор-

ствѣ, обязываетъ отца выдѣлить сыну припадающую на него часть земли (полагая на сыновей и на отца по равной части) и помогать ему въ извѣстныхъ предѣлахъ въ первоначальномъ обзаведеніи жильемъ, клунею и т. п. Вѣдь и онъ участвовалъ своимъ трудомъ въ созиданіи общаго семейнаго хозяйства.

Этотъ трудовой принципъ обнаруживается и при разсмотрѣніи семейно-имущественныхъ отношеній, болѣе выходящихъ изъ рамокъ обыкновеннаго теченія семейной жизни. Случается иногда фактическое расторженіе брака, при чемъ жена переходитъ на жительство или въ свою семью, или входитъ въ новое неузаконенное сожительство, и на этой почвѣ выростаетъ судебное дѣло. Мнѣ случалось перелистывать рѣшенія волостного суда въ подобныхъ случаяхъ. Судъ высказываетъ обыкновенно мнѣніе о похвальности и обязательности законнаго сожительства, прибавляетъ, однако, что если оно не состоится, то мужъ обязанъ выдать женѣ движимости, внесенныя ею въ имущественное хозяйство, а если дѣло идетъ о спорѣ, выросшемъ на почвѣ неузаконеннаго сожительства, то сюда же прибавляется обязанность уплаты за трудъ, вложенный въ хозяйство сожителя, оцѣнивая его, примѣняясь къ времени сельско-хозяйственнаго года и принимая во вниманіе общую его продолжительность. Случается иногда, что въ составъ хозяйственной семьи входитъ внѣбрачный сынъ. Это обыкновенно сынъ, прижитый женой до брака съ кѣмъ-нибудь другимъ. Мнѣ случилось видѣть духовное завѣщаніе отца, относящееся къ внѣнадѣльной землѣ. Большую часть земли онъ завѣщалъ своему законному сыну, но и внѣбрачный сынъ его жены не былъ обойденъ земельнымъ надѣломъ, такъ какъ онъ съ малыхъ лѣтъ трудился въ общемъ семейномъ хозяйствѣ. Въ случаяхъ, когда подобнаго рода дѣла доходятъ до волостного суда, онъ рѣшаетъ ихъ въ такомъ же направленіи, признавая за внѣбрачнымъ сыномъ или участокъ земли (меньшій впрочемъ, чѣмъ брачнымъ сыновьямъ) или опредѣленный списокъ правъ, пріобрѣтенныхъ его трудомъ, изъ общаго семейнаго имущества.

Имѣя въ виду очертить только общія экономически-правовыя тенденціи украинскаго народнаго міровоззрѣнія, я не буду

здѣсь входить въ болѣе детальную разработку семейно-имущественныхъ отношеній. Но эти общія замѣчанія о данной (семейной) экономически солидарной группѣ приводятъ насъ неизбѣжно къ посильному разсмотрѣнію общаго вопроса, настойчиво выдвигаемаго современнымъ теченіемъ экономической жизни. Я подразумѣваю здѣсь вопросъ о томъ: склоненъ ли украинецъ, въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ, подчинять свою индивидуальную независимость организаціи ассоціированнаго производства?

Есть по этому вопросу нѣсколько противорѣчивыхъ пословицъ. Съ одной стороны: «найкраща спилка—чоловикъ та жинка», «гуртове--чортове» и т. п., съ другой «громада—велыкій чоловикъ», «у гурти каша йистся», «якъ жыть у купи, не болыть у пупи», «гуртъ и въ Бога краде» и т. п. Въ этомъ, какъ и во многихъ иныхъ случаяхъ, на пословицы, значитъ, нельзя смотрѣть какъ на полную формулировку народнаго міровоззрѣнія; онѣ обыкновенно освѣщаютъ одну сторону вопроса, и популярность, доставшаяся на долю извѣстныхъ изреченій, объясняется, главнымъ образомъ, ихъ стилистическимъ достоинствомъ. Поэтому я оставляю пока въ сторонѣ этотъ, такъ называемый, кодексъ народной мудрости и постараюсь подойти къ вопросу на основаніи нѣкоторыхъ явленій дѣйствительной жизни. Группа, связанная между прочимъ тѣсной общностью экономическихъ интересовъ—это семья. Въ ней, вслѣдствіе кровныхъ, возрастныхъ и экономическихъ условій, дѣйствуютъ болѣе или менѣе продолжительное время, за исключеніемъ круглыхъ сиротъ, всѣ крестьяне, и потому, мнѣ кажется, наблюденіе надъ условіями ея существованія и распаденія должно лечь въ основаніе разсмотрѣнія поставленнаго выше вопроса.

Семья (здѣсь мы имѣемъ въ виду только экономическую ея сторону) представляетъ собой чрезвычайно тѣсную группу, обнимающую собою и производство, и потребленіе, при томъ группу авторитетно связанную значеніемъ главы семейства.

Чѣмъ обширнѣе хозяйство, тѣмъ болѣе выступаютъ на первый планъ производительныя стороны ассоціаціи, и тѣмъ менѣе

тяжелымъ кажется авторитетъ главы семьи, надъ волею котораго господствують техническія условія хозяйства. Обратно, по мѣрѣ уменьшенія размѣровъ хозяйства, значеніе производственной общности отступаетъ на болѣе далекій планъ, потребительная общность выдвигается на первый, и распоряженія главы семейства мотивируются болѣе его личными наклонностями и произволомъ, а не техническими потребностями хозяйства. Участіе въ производительной дѣятельности, выражающейся въ заработкахъ на сторонѣ, косвеннымъ только образомъ можетъ быть связано съ производственной организаціей семейной группы, а поступленіе заработковъ личнаго труда въ общую кассу дѣлаетъ результаты изолированнаго труда предметомъ солидарнаго потребленія. Конечно, всякая общность обязываетъ ея участниковъ поступиться въ извѣстной мѣрѣ своимъ личнымъ усмотрѣніемъ общимъ потребностямъ, въ виду болѣе полнаго удовлетворенія и своихъ личныхъ потребностей, но производственная и потребительская общность значительно различны въ этомъ отношеніи. Если даже допустить (въ чемъ можно сомнѣваться), что общность потребленія приноситъ относительно такую же долю экономической пользы, какъ и солидарная организація производства, то мѣра ограниченія личной самостоятельности въ первомъ случаѣ несравненно больше, чѣмъ во второмъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ формахъ экономической солидарности, которыя свойственны крестьянской семьѣ.

Такъ очевидно смотрятъ на дѣло люди, непосредственно въ немъ заинтересованные. Постниковъ (Южно-русское крестьянство) устанавливаетъ рядомъ цифръ, относящихся къ крестьянамъ таврической губерніи, что численность семейнаго состава увеличивается параллельно размѣрамъ площади посѣва и уменьшается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ этой площади. Иначе говоря, экономическая солидарность семьи усиливается и ослабѣваетъ въ зависимости отъ преобладанія въ семейно-хозяйственной организаціи производственной или потребительской общности,—и потому, при малоземельи семейные раздѣлы чаще, чѣмъ при болѣе обширномъ землепользованіи.

Въ болѣе мнѣ знакомой кіевской губ. рѣдко случаются крестьянскія хозяйства такихъ сравнительно значительныхъ размѣровъ, какъ въ таврической губ., да и данныхъ, аналогичныхъ съ данными Постникова, добытыми земской статистикой, у меня не имѣется, да ихъ и вовсе, кажется, не имѣется для кіевской губ.

Такимъ образомъ, предметомъ моихъ личныхъ наблюденій является такая группа, въ которой трудоспособность болѣе многочисленной семьи далеко не поглощается самостоятельнымъ ея хозяйствомъ, и потому организованная общность производства отступаетъ на болѣе далекій планъ, на первый же планъ выступаетъ общность потребленія.

Здѣсь уже было замѣчено, что въ такой группѣ сильно проявляется тенденція къ распаденію, и это общее замѣчаніе приходится только дополнить нѣкоторыми данными личнаго наблюденія относительно ближайшихъ причинъ ея. Мнѣ случалось, конечно, слышать со стороны соучастниковъ извѣстной семейной группы заявленія неудовольствія на нерегулярность жизни, недостаточное трудолюбіе, небрежность въ исполненіи хозяйственныхъ работъ и т. п. относительно того или другого члена семьи, но эти нареканія скорѣе носили характеръ временнаго неудовольствія, чѣмъ постоянно дѣйствующей причины. Если семейные раздѣлы и вырастаютъ иногда на этой почвѣ, то это случается относительно очень рѣдко. Значительно чаще причиною ихъ является расточительное отношеніе кого-нибудь изъ членовъ семьи къ результатамъ общаго труда, при чемъ старшее, болѣе властное, поколѣніе чаще бываетъ причиною разлада. «Батько» пропиваетъ зерно, деньги, вырученныя за отдачу въ аренду участка земли и т. п. На этой почвѣ выростаютъ споры, иногда и драки. Если дѣло доходитъ до волостного суда, то онъ, подвергая наказанію непокорнаго сына, обязываетъ обыкновенно отца выдѣлить сына. Но чаще всего случаются и не обращаютъ на себя ничьего особеннаго вниманія—раздѣлы, вызываемые общностью потребленія. Пока сынъ не женатъ, эти

вопросы никогда почти не выдвигаются; онъ рѣдко имѣетъ причину жаловаться на то, что къ нему во время работы въ полѣ «тепла страва не доходыть»; вопросъ о пользованіи жильемъ для него третьестепенный, семейная общность не стѣсняетъ его общественныхъ отношеній, такъ какъ съ товарищами, друзьями и дивчатами онъ встрѣчается, главнымъ образомъ, *на улыци*, въ хатѣ, гдѣ «збыраются досвиткы» и т. п., а въ мужской исключительно компаніи—въ былое время въ корчмѣ, а послѣ введенія водочной монополіи—въ разныхъ ея суррогатахъ. Здѣсь его не стѣсняетъ ничей авторитетъ («въ корчми вси ривни»), а веселый «жартъ», свободныя разсужденія, дружная пѣсня замѣняютъ будничные разговоры домашней жизни. Другое дѣло «жоначъ». На улыци, на досвиткы уже ёму «дорогы не выдно»; корчма, конечно, можетъ пріютить и его, но «не туда вже серце лежыть», онъ уже отсталъ отъ «товарыства» молодежи. «Оженывся—зажурывся». Не только «молодыця» зажурылась «и ложкою и мыскою, ще й третёю колыскою», но и его мысли сосредоточились на домашней жизни. А жизнь то эта осложнилась. Въ данную семью вошла «невистка», у сына образовались новыя общественныя отношенія, отношенія съ родомъ жены, расширился кругъ «кумивъ побратымивъ, и всѣ эти отношенія не могутъ уже ютиться гдѣ-нибудь у «жыдивочкы», а нуждаются въ хатнемъ общеніи. А хата то тѣсна, и запасовъ въ ней не Богъ вѣсть сколько. «Старимъ» кажется страннымъ появленіе новыхъ хозяевъ въ домашнихъ распорядкахъ; молодые косятся на стѣсненіе ихъ самостоятельности. Бываютъ, конечно, исключенія, но въ общемъ, неминуемо всплываетъ наружу извѣстный антагонизмъ свекрухи и невѣстки, совмѣстная жизнь становится все труднѣе, дѣло кончается выдѣленіемъ сына «щобъ отступыться одъ гриха». Не общность въ производительной дѣятельности лежитъ обыкновенно въ основѣ этого выдѣленія: случается не разъ, что наканунѣ еще раздѣла вся семья работаетъ дружно съ серпомъ, косою, но именно общность потребленія, стѣсняющая свободное распоряженіе результатами труда.

Придерживаясь принятаго мною метода, по которому общія тенденціи, способствующія экономической ассоціаціи или противодѣйствующія ей, нужно выводить на основаніи наблюденія надъ самой распространенной семейной группой,—я долженъ упомянуть вкратцѣ о нѣкоторыхъ чертахъ семейно-экономическихъ отношеній, о которыхъ здѣсь была уже рѣчь, по скольку эти черты могутъ освѣщать общій вопросъ о степени и условіяхъ склонности украинскаго народа къ экономической ассоціаціи. Раньше мы видѣли принципъ экономической равноправности, широкое право контроля всѣхъ членовъ группы, не останавливающееся и передъ родительскимъ авторитетомъ, право свободнаго выхода изъ ассоціонно-связанной группы. Если мы къ этому прибавимъ сравнительно большую легкость подчиненія индивидуальныхъ соображеній техническимъ потребностямъ производства и сильную нерасположенность къ обобщенію потребленія, о которомъ только что была рѣчь, то мы, кажется, исчерпаемъ тѣ указанія, которыя по данному вопросу мы можемъ получить изъ наблюденій надъ семейно-экономической группой. Мнѣ кажется, что эти указанія вполнѣ гармонируютъ съ результатами наблюденія надъ тѣми мелкими временными экономическими ассоціаціями, которыя въ значительной мѣрѣ распространены въ народной жизни, и о которыхъ какъ то принято забывать. О нихъ то я и хочу здѣсь сказать нѣсколько словъ.

Ассоціаціи эти обусловливаются потребностями производительной техники на томъ уровнѣ ея развитія, который присущъ крестьянской производительной дѣятельности въ данное время. 1) Самая распространенная изъ нихъ—это *сýпряга*. Она имѣетъ главнымъ образомъ въ виду оранку поля. Въ моей мѣстности (сквирскій уѣздъ, кіев. губ.) пашутъ обыкновенно Саковскимъ плугомъ при упряжкѣ въ 4 вола или 4 лошади (это послѣднее несравненно чаще). Конечно, лестно «орать своимъ плугомъ», подразумѣвая подъ словомъ плугъ не только орудіе, но и нужное для пахоты количество скота. Но для того, чтобы использовать работоспособность такого плуга, нужно имѣть въ своемъ распоряженіи значительно бóльшее количество земли, чѣмъ то, кото-

рымъ пользуется огромное большинство нашихъ крестьянъ. При малой площади земельнаго пользованія и незначительности сторонних заработковъ тягломъ, «свой плугъ» былъ бы нецѣлесообразной и разорительной роскошью. Этимъ и обусловливается возникновеніе супряги. «Спрягаются» обыкновенно 2 хозяина, изъ которыхъ каждый даетъ въ супрягу пару лошадей; нужные для пахоты *погонычъ* и *плугатырь* поставляются ими также въ равной мѣрѣ. Такъ они пашутъ свою и, если случится, чужую землю,—послѣднюю за часть сбора или за деньги. Сборомъ или деньгами, заработанными на чужой землѣ, они дѣлятся поровну. Если у супряжниковъ равный надѣлъ своей земли, то работа на полѣ одного погашается работой на полѣ другого; въ случаѣ неравномѣрности излишняя работа хозяина съ меньшимъ надѣломъ возвращается ему другимъ супряжникомъ натурою, при другихъ полевыхъ работахъ, или же оплачивается деньгами по текущимъ цѣнамъ работы. Чаще случается, что орудіе пахоты—собственный плугъ—имѣется только у одного изъ супряжниковъ (Саковскій плугъ для крестьянскаго хозяйства сравнительно дорогъ). Въ такомъ случаѣ неимѣющій плуга супряжникъ уплачиваетъ его владѣльцу за каждый свой моргъ [1]) по 20 коп. Оранка—главное дѣло супряги, и этой работой обыкновенно ограничивается ея дѣятельность. Но и при другихъ работахъ ея участіе было бы если и не такъ необходимо, то все же полезно. Такъ, при взрыхливаніи поля раломъ потеря почвенной влаги тѣмъ меньше, чѣмъ скорѣе взрыхленное поле будетъ забороновано (заскорожено или заволочено). Въ виду этого, «колы спилка добра», случается, что супряжники раломъ и волочатъ вмѣстѣ. Во время возки хлѣба, когда у одного изъ супряжниковъ некому подавать снопы на возъ, или когда это удобно по другимъ причинамъ (напр. при

---

[1]) Моргъ=1317 кв. саж.; десятина почти равна $1^3/_4$ м. На вспаханье морга требуется одинъ день, также и на „ралинння“; это же и средняя мѣра дня косьбы травы или средняго овса. Вотъ почему, несмотря на то, что покупки и аренды исчисляются обыкновенно подесятинно, въ хозяйственныхъ работахъ счетъ на морги держится твердо въ моей мѣстности.

кладкѣ «стижка» на открытомъ воздухѣ), случается, что перевозятъ хлѣбъ прежде одному, потомъ другому. Случается, что это дѣлается при подобныхъ условіяхъ сосѣдями, не находящимися въ супрягѣ. Супряга имѣетъ въ виду обѣ вспашки («на новь и на зябъ»), иногда только одну, но чаще всего она повторяется между супряжниками изъ года въ годъ довольно продолжительное время.

2) Значительныя преимущества молотьбы молотилкою передъ молотьбою цѣпомъ (бóльшая производительность труда, болѣе полный вымолотъ зерна, бóльшая возможность использовать благопріятные сухіе дни для молотьбы) вызвали все усиливающееся въ моей мѣстности среди крестьянъ стремленіе пользоваться молотилками. Держать молотилку для собственной только надобности не подъ силу и болѣе зажиточнымъ крестьянамъ (подразумѣвая не сословную, а экономическую категорію), такъ какъ они только въ весьма ограниченной мѣрѣ могутъ использовать работоспособность этой сравнительно дорогой машины. Случаевъ покупки молотилки товариществомъ крестьянъ въ моей мѣстности не бываетъ, но работаетъ довольно много молотилокъ, перевозимыхъ съ мѣста на мѣсто къ разнымъ хозяевамъ. Случается, что такія молотилки принадлежатъ крестьянамъ; случается, что и другимъ лицамъ, не ведущимъ сельскаго хозяйства. Въ томъ и другомъ случаѣ владѣлецъ молотилки отдаетъ обыкновенно въ наймы право пользованія его машиною, получая плату отъ копы молотьбы. Ни лошадей, нужныхъ для работы, ни рабочихъ онъ не даетъ, все это поставляютъ тѣ, которые молотятъ свой хлѣбъ. Молотилки эти обыкновенно 4-хконные. Болѣе богатые крестьяне впрягаютъ своихъ лошадей, и рабочія силы семьи дополняются нанятыми по текущимъ цѣнамъ (практикуемымъ въ экономіяхъ) рабочими. Но большинство среднихъ хозяевъ должны прибѣгать къ *спилкѣ*. Дѣлается это у насъ обыкновенно такимъ образомъ. Ассоціируются 2 хозяина, изъ которыхъ каждый даетъ по парѣ лошадей въ молотилку; рабочія силы ихъ семействъ дополняются наемными рабочими по текущимъ цѣнамъ. Такъ какъ число копъ, вымолачиваемыхъ каждымъ изъ товарищей, а также и число пѣшихъ

рабочихъ въ каждой изъ двухъ семей обыкновенно не одинаково и часто разнится значительно, то здѣсь представляется случай для нѣсколько сложнаго разсчета, производимаго однако временными товарищами вполнѣ раціонально. Товарищъ, у котораго перемолочено больше копъ хлѣба, платитъ другому за работу его лошадей при молотьбѣ даннаго излишка сообразно съ временемъ работы, потребовавшимся на этотъ излишекъ, и текущими цѣнами такой работы. Сторонніе (не принадлежащіе къ семьямъ товарищей) рабочіе получаютъ поденную плату; къ числу дней наемныхъ рабочихъ прибавляется число рабочихъ дней членовъ семьи, считая ихъ по той же цѣнѣ, и на этомъ основаніи исчисляется стоимость обмолотки копы хлѣба, падающая на пѣшую работу. Разсчетъ между товарищами производится на основаніи количества копъ, перемолоченныхъ у каждаго изъ нихъ, общей стоимости пѣшей работы, падающей на его долю, и стоимости рабочихъ дней, поставленныхъ имъ. При незначительной разницѣ въ количествѣ перемолоченныхъ копъ и рабочихъ силъ ассоціированныхъ семействъ, случается, что «сходятся такъ, по сусидськы», безъ подробнаго разсчета за лошадей и за рабочихъ. Случается иногда, что безлошадный сосѣдъ присоединяется къ товариществу для обмолота своего хлѣба, въ такомъ случаѣ онъ поставляетъ относительно бо́льшее число пѣшихъ рабочихъ. Если количество перемолачиваемаго у него хлѣба незначительно, то случается, что дѣло ведется «по сусидськы» безъ особенно строгаго разсчета.

3) Постройка хатъ и другихъ строеній, нуждающаяся въ одновременномъ сотрудничествѣ нѣсколькихъ лицъ, вызываетъ обыкновенно ассоціацію на слѣдующихъ основаніяхъ. Два или три «майстри» договариваются съ хозяиномъ оптомъ за постройку. Потомъ они добираютъ себѣ другихъ «майстривъ». Добираются обыкновенно болѣе или менѣе равные въ «майстерстви». Платою, получаемою отъ хозяина, дѣлятся всѣ поровну съ тѣмъ, однако, что принятые впослѣдствіи плотники уплачиваютъ въ пользу первоначально договорившихся (за те, що згодылысь) по 1 рублю. Обыкновенно, первые договорившіеся бываютъ и глав-

ными руководителями работы. На «простяцьки», не плотницкія, работы (копка ямъ для столбовъ и т. п.) *спилка* нанимаетъ поденныхъ.

4) При заготовкѣ дровъ на топливо плата бываетъ обыкновенно отъ кубическаго сажня (стоса). Потребность въ содѣйствіи двоихъ при работѣ пилою вызываетъ и соотвѣтствующую ассоціацію. Обыкновенно 2 рабочихъ вмѣстѣ рубятъ, пилятъ и раскалываютъ дрова, на общія средства покупаютъ и «пылку», а заработокъ дѣлятъ поровну. Иногда *спилка* принимаетъ въ свой составъ и 3-го рабочаго; тогда два пилятъ, а третій раскалываетъ и укладываетъ дрова. Платою съ нимъ дѣлятся поровну, если онъ равносильный работникъ.

5) При по-саженной копкѣ новыхъ или ремонтѣ давнихъ рвовъ ассоціируются два работника; одинъ копаетъ, другой выбрасываетъ землю изъ канавы. Платою дѣлятся поровну.

Кромѣ указанныхъ здѣсь, встрѣчаются и другія краткосрочныя ассоціаціи труда, напр., при покрываніи построекъ или скирдъ соломою, сооруженіе плетней, при корчовкѣ и т. п., вообще при работахъ, оплачиваемыхъ оптомъ или поштучно, особенно, если нанимателемъ требуется исполненіе работы къ опредѣленному недалекому сроку. Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ ассоціированіе труда не есть необходимое явленіе.

Я упомянулъ здѣсь о разныхъ видахъ *спилкы*, болѣе часто встрѣчающихся въ моей мѣстности; въ разныхъ мѣстностяхъ, въ зависимости отъ техники и объектовъ производства, размѣровъ крестьянскаго землепользованія и т. п., эти типы могутъ варьироваться, нѣкоторые виды *спилкы* могутъ исчезать, другіе развиваться болѣе сильно или вновь являться. Такъ напр., въ мѣстностяхъ, гдѣ паханье совершается одной парой рабочаго скота или же наоборотъ тремя парами,—описанчый здѣсь видъ супряги можетъ исчезать или же варьироваться; въ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе развитъ лѣсной промыселъ, возникаетъ *спилка* при ручной заготовкѣ досокъ и т. п.; въ иныхъ мѣстахъ наемъ молотилокъ крестьянами не въ ходу, съ другой же стороны въ херсонской губерніи встрѣчаются, какъ я слышалъ, покупки молотилокъ това-

рществами или обществами крестьянъ и даже паровыхъ молотилокъ. Впрочемъ, всѣ эти видоизмѣненія не нарушаютъ, кажется, принциповъ, лежащихъ въ основѣ описанныхъ здѣсь самобытныхъ крестьянскихъ ассоціацій. Но прежде чѣмъ перейти къ общей ихъ характеристикѣ, здѣсь, кажется, умѣстно будетъ упомянуть о нѣкоторыхъ видахъ помощи, которые косвеннымъ, впрочемъ, образомъ примыкаютъ къ явленіямъ экономическихъ ассоціацій. Я говорю *косвеннымъ образомъ*—потому, что хотя въ основѣ ихъ лежитъ потребность въ ассоціированіи труда, но въ нихъ отсутствуетъ тотъ элементъ строгаго экономическаго разсчета, который ясно выступаетъ въ описанныхъ здѣсь разныхъ видахъ *спилокъ*. Онъ замѣняется здѣсь элементомъ взаимнаго сосѣдскаго благоволенія.

При постройкѣ хатъ часто практикуется *закладщына*. Дѣло происходитъ такимъ образомъ. *Майстри* приготовляютъ и обдѣлываютъ столбы, а также верхнюю вязь и кроквы. Когда все это приготовлено и размѣряно, сосѣди и болѣе близкіе люди приглашаются *на закладщыну*. Прибывшіе на *закладщыну* устанавливаютъ общими усиліями, подъ руководствомъ *майстра*, столбы, заносятъ верхнюю вязь и кроквы, иногда «закидаютъ» нѣкоторую часть стѣнъ. Къ вечеру (закладщына продолжается одинъ день) остовъ хаты готовъ. Участвующіе въ закладщинѣ не получаютъ платы, но хозяинъ кормитъ ихъ по возможности сытно и угощаетъ ихъ водкой. Помощь *закладщыны* настолько существенна, что плотники требуютъ бóльшаго или меньшаго вознагражденія за свою работу въ зависимости отъ того, будетъ или не будетъ *закладщына*. Когда плотницкая работа окончена, и требуется облѣпить новую хату глиною, то эта работа тоже часто совершается *толокою*. Приходятъ сосѣдки и болѣе близкія знакомыя (въ противоположность закладкѣ, гдѣ работаютъ только мужчины, здѣсь работаютъ только женщины) и, обыкновенно при пѣсняхъ и веселыхъ разговорахъ, совершаютъ за день обмазку хаты, которая, такимъ образомъ, сохнетъ равномѣрно во всѣхъ своихъ частяхъ. Здѣсь также работницы не получаютъ платы, а только угощеніе *горилкою* и *стравою*.

Встрѣчаются до сихъ поръ, но больше какъ переживаніе, разные виды *толоки* при полевыхъ работахъ, особенно при сборкѣ сѣна и хлѣба; иногда бываютъ и случаи пахоты поля священника прихожанами. При толокахъ плату за трудъ замѣняетъ угощеніе (водка и яства). Въ иныхъ случаяхъ толоки имѣютъ характеръ общій съ закладщыною, т. е. взаимность сосѣдскихъ услугъ. Такъ, въ дни моей молодости я помню у крестьянъ д. Маковищъ (кіевскаго уѣзда) обычай косить траву толокою. Два, три сосѣда сходились и выкашивали поочередно свои сѣнокосы; хозяинъ, сѣнокосъ котораго косили, угощалъ сотоварищей. Получалось такимъ образомъ одновременное высыханіе сѣна. Не знаю, существуетъ ли тамъ до сихъ поръ этотъ обычай. Но за исключеніемъ обычныхъ случаевъ, толоки имѣли обыкновенно характеръ не взаимности услугъ, а услугъ со стороны болѣе зависимыхъ въ пользу болѣе вліятельныхъ и со стороны этихъ послѣднихъ характеръ спекуляціи, эксплоатирующей зависимость и слабость сельскаго населенія. Такой характеръ въ наиболѣе грубой степени имѣли толоки, устраиваемыя экономіями, начиная съ крѣпостного времени вплоть до довольно недавняго. Но толоки этого типа въ моей мѣстности или совсѣмъ исчезли, или очень рѣдко встрѣчаются, о чемъ, конечно, не приходится сожалѣть. Оставляя въ сторонѣ этотъ послѣдній видъ толокъ и имѣя въ виду тѣ, которыя основываются на осуществляемой непосредственно (напр. при сѣнокошеніи) или предполагаемой въ возможномъ будущемъ взаимности услугъ (напр, закладщына), нельзя не замѣтить въ нихъ въ примитивной формѣ принципа взаимнаго страхованія на случай работъ, превосходящихъ единичныя силы хозяина. Но данный принципъ представляется здѣсь въ очертаніяхъ, ускользающихъ по бо́льшей части отъ точнаго учета въ то время, когда въ разныхъ *спилкахъ*, о которыхъ здѣсь была рѣчь, разсчетъ между *спилныкамы* ведется очень строго. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что обычные разные виды помощи идутъ скорѣе на убыль, чѣмъ на возрастаніе. При возрастающей сложности хозяйственной жизни и ея трудностей, принципъ «нехай мое переходыть» отодвигается на задній планъ, уступая мѣсто строгому разсчету

между сотоварищами, присущему указаннымъ здѣсь болѣе или менѣе продолжительнымъ ассоціаціямъ. Обращаясь къ общей ихъ характеристикѣ, мы должны прежде всего признать, что ходячее мнѣніе о безусловномъ якобы отвращеніи украинца отъ ассоціированнаго труда не выдерживаетъ критики фактовъ. Не только болѣе давніе ихъ виды, при малыхъ измѣненіяхъ производительной техники, продолжаютъ существовать съ соотвѣтственными приспособленіями къ ея модификаціямъ (напр. супряга), но выростаютъ и новые параллельно съ появленіемъ новыхъ пріемовъ производства, напр.—ассоціаціи для пользованія молотилками. Дѣло въ томъ, что стремленіе пользоваться ими у крестьянъ среднезажиточныхъ—въ моей мѣстности дѣло совсѣмъ новое, считающее свою исторію единицами, а не десятками лѣтъ, тѣмъ не менѣе уже выработались, какъ мы видѣли, ясные, точно опредѣленные принципы данной временной ассоціаціи. Далѣе мы видимъ, что возникнувшія, количественныя и временныя границы труда опредѣляются потребностями производительной техники на томъ ея уровнѣ, который считается въ данный моментъ экономическаго развитія необходимымъ и цѣлесообразнымъ крестьянскимъ населеніемъ. Считающееся менѣе необходимымъ скорѣе остается внѣ сферы ассоціированнаго труда, чѣмъ наоборотъ (напр., спорадическое только проявленіе ассоціаціи супряжниковъ при ролянкѣ и бороновании).

Затѣмъ, въ ассоціаціи ведется строгій разсчетъ между сотоварищами соотвѣтственно суммѣ услугъ, оказываемыхъ каждымъ изъ нихъ (плата за пользованіе плугомъ въ супрягѣ, счетъ рабочихъ дней при молотьбѣ и т. п.)—или по энергическому формулированію Прудона (Système des contradictions économiques) «да, братья—сколько вамъ угодно, но отдайте мнѣ все мое и возьмите все ваше». Полная равноправность сторонъ, отсутствіе авторитетнаго руководства внѣ технической необходимости (значеніе руководящихъ *майстривъ* при постройкахъ), свободный выходъ изъ данной спилки и присоединенія къ новой, продолжительность существованія ея въ зависимости отъ технически необходимаго времени для достиженія даннаго опредѣленнаго результата (сфера

производства, какъ единственная сфера ихъ примѣненія)—дополняютъ характеристическія черты ассоціацій, о которыхъ здѣсь была рѣчь.

Принимая все сказанное во вниманіе, мы должны допустить, что, по мѣрѣ развитія производственной техники, будутъ развиваться и приспособленные къ ней виды ассоціаціи, при чемъ это развитіе (по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ времени) скорѣе выразится въ увеличеніи числа временныхъ ассоціацій *ad hoc*, къ которымъ будутъ примыкать самостоятельные производители, чѣмъ въ развитіи такихъ формъ ассоціаціи, которыя полно, или болѣе полно, поглощаютъ личную инициіативу. Свойства земледѣльческаго производства на данномъ его уровнѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ такому ходу дѣлъ.

Этотъ общій ходъ дѣлъ состоитъ въ томъ, что индивидуальное производство временно уступаетъ мѣсто ассоціированному въ границахъ *твердо* сознанной полезности этого ассоціированія. Я подчеркиваю слова—твердо сознанной полезности,—полезности, превосходящей удобства индивидуальной независимости.

Простого признанія, что ассоціированіе производства принесло бы нѣкоторую пользу—недостаточно. Довольно долгое время я велъ свое хозяйство, отдавая землю мѣстнымъ крестьянамъ исполу, оставляя за собой только нѣкоторый контроль относительно времени и качества обработки, выбора зерна для посѣва и т. п. Пока велось у меня трехпольное хозяйство, всякій плугъ (обыкновенно супряжный) обрабатывалъ свой участокъ, и дѣло шло относительно недурно. Рѣшившись ввести такъ называемую плодоперемѣнную систему, я составилъ ея планъ при участіи и съ одобренія тѣхъ же половинщиковъ. При переходѣ къ ней, явились участки, нуждавшіеся въ совмѣстной обработкѣ всѣми плугами, и хотя при посѣвѣ всякій половинщикъ выдѣлялъ свою часть, но нѣкоторыя работы приходилось производить совмѣстно. Работа на этихъ участкахъ шла значительно хуже, чѣмъ на остальныхъ: запаздываніе однихъ, непроизводительное ожиданіе другихъ съ лошадьми, привязанными къ возу, небрежность работы, нерѣдкіе взаимные споры по этимъ причинамъ вызывали

замѣчанія участниковъ о томъ, что «гуртове--чортове», и, признаюсь, вызывали во мнѣ одностороннее предположеніе не о томъ, что данныя формы производства не приспособлены къ пріемамъ, выработаннымъ мѣстнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ, но о томъ, что эти крестьяне вообще не способны къ ассоціированію труда. Можно указать и на многіе другіе случаи, въ которыхъ существующее признаніе полезности извѣстныхъ пріемовъ обработки, не достигло той интенсивности, которую зарождаетъ ассоціированное производство. Такъ преимущество запахиванія навоза одновременно съ вывозкою его признается очень многими, но не вызываетъ соотвѣтственной этому признанію ассоціаціи; то же самое замѣчается съ весьма распространеннымъ признаніемъ преимуществъ посѣва рядовою сѣялкой передъ ручнымъ, и т. д. Съ сѣялкою, вѣроятно, случится то, что случилось съ молотилкою: она явится современемъ, какъ орудіе нанимаемое, для эксплоатаціи котораго будутъ ассоціироваться отдѣльные хозяева. Если это маленькое уклоненіе въ область вѣроятностей будущаго и не входитъ въ рамки настоящей статьи, то, кажется, оно можетъ служить иллюстраціей общаго впечатлѣнія, производимаго наблюденіемъ надъ разными формами ассоціацій, о которыхъ здѣсь была рѣчь. Онѣ существуютъ и нарождаются, но въ общемъ ходѣ своемъ отстаютъ болѣе или менѣе отъ успѣховъ техники. Практическое усвоеніе успѣховъ техники легче, чѣмъ соотвѣтствующія ему модификаціи міровоззрѣнія: дерево и желѣзо болѣе податливый матеріалъ, чѣмъ людскіе нравы. Изъ этого вытекалъ и вытекаетъ, не только у насъ, цѣлый рядъ чувствительныхъ экономическихъ противорѣчій. Правда, есть школы, которыя въ крайнемъ развитіи ассоціацій видятъ залогъ будущей полной гармонизаціи экономической жизни; но едва ли возможенъ прогрессъ, который не имѣлъ бы предпосылкой умѣніе производителя приспособить формы общественной жизни къ сознательному веденію производства соотвѣтственно уровню производительной техники.

Съ этой точки зрѣнія наша общественная жизнь оставляетъ широкое поле для цѣлесознательной иниціативы въ данномъ на-

правленіи. Здѣсь нельзя не помянуть добрымъ словомъ преданнаго служителя кооперативной идеѣ на Украинѣ, Н. В. Левицкаго. Его удачи и неудачи, нарожденіе и распаденіе организуемыхъ при его участіи артелей могутъ служить богатымъ матеріаломъ для освѣщенія занимающаго насъ вопроса и указаніемъ практическихъ поправокъ дѣятельности въ томъ направленіи, которымъ онъ прокладываетъ новый путь среди нашихъ мѣстныхъ условій жизни.

Выраженіемъ пожеланія появленія объективнаго очерка исторіи этихъ артелей я и закончу этотъ отдѣлъ настоящей статьи.

Здѣсь я хочу сказать еще нѣсколько словъ о взглядѣ на договоръ. Нескончаемое число договорныхъ сдѣлокъ, заключаемыхъ крестьянами между собою и людьми иносословными, дѣлается въ огромномъ числѣ безъ скрѣпленія какими-либо формальными актами, особенно когда договоръ ограничивается крестьянской средой.—Это достаточно указываетъ на серьезное отношеніе къ правамъ и обязанностямъ, связаннымъ съ данною неизбѣжною формою житейскихъ отношеній, вырастающихъ на почвѣ современной экономической жизни. Но въ народномъ міровоззрѣніи изъ этого не вытекаетъ то поклоненіе фетишу—договорному праву, которое выработалось въ средѣ, извлекающей обыкновенно изъ него преимущественно полезные для нея результаты. Общая идея ненарушимости договора пріобрѣтаетъ въ теоріи свою санкцію въ предположеніи равнозначительности услугъ, оказываемыхъ договаривающимися сторонами. Дѣйствительная жизнь, какъ извѣстно, далеко не всегда оправдываетъ это предположеніе: болѣе слабыя экономическія единицы испытываютъ очень часто на себѣ отрицательныя стороны этого уклоненія дѣйствительности отъ идеала. На этой почвѣ и выростаетъ ограничительное, въ извѣстной мѣрѣ, толкованіе договорнаго права въ народной средѣ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи этой мысли.

Мой односельчанинъ А купилъ (какъ у насъ выражаются) на нѣсколько посѣвовъ землю другого крестьянина Б, уплативъ деньги впередъ. Сдѣлка, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ,

была очень выгодна для А. До истеченія срока сдѣлки Б засѣялъ приготовленную А землю и собралъ хлѣбъ въ свою пользу. Волостной судъ, къ которому обратился А, присудилъ съ Б въ пользу А плату за совершенныя имъ полевыя работы; что же касается сбора хлѣба въ данномъ году и продолженія сдѣлки до окончательнаго ея срока, то судъ отказалъ въ этомъ А, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что онъ уже и такъ получилъ въ предыдущихъ сборахъ достаточное вознагражденіе за данныя имъ впередъ деньги. А, недовольный этимъ рѣшеніемъ, обратился въ съѣздъ мировыхъ посредниковъ, но съѣздъ, не находя достаточныхъ кассаціонныхъ поводовъ, утвердилъ рѣшеніе волостного суда. Я былъ случайнымъ свидѣтелемъ объявленія А этого постановленія съѣзда мировыхъ посредниковъ и былъ крайне изумленъ тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ А отнесся къ нему. Въ глубинѣ души онъ очевидно признавалъ правоту рѣшенія волостного суда и болѣе налегалъ на то, что «нема що казаты», такъ какъ его работу оцѣнили добросовѣстно.

Другой «случай» въ сосѣднемъ селѣ. К. купилъ у М. его полевой надѣлъ на нѣсколько посѣвовъ; до истеченія срока этой сдѣлки сестра М. умираетъ. Онъ обращается къ К. съ просьбой ссудить ему нужныя на погребеніе деньги, но К. отказываетъ въ этомъ М. М. рѣшается отдать свою землю въ наемъ другому односельчанину П. на два, кажется, ближайшіе сбора, не дожидаясь срока истеченія сдѣлки съ К., и такимъ образомъ получить нужныя ему деньги. Возникаетъ дѣло въ волостномъ судѣ по жалобѣ К. Судъ рѣшаетъ, что П., въ удовлетвореніе послѣдней сдѣлки, долженъ приступить къ пользованію землею въ ближайшемъ времени, а К. додержать слѣдуемые ему годы послѣ П. Рѣшеніе это мотивируется тѣмъ, что К. зналъ стѣсненное положеніе М., зналъ ограниченную его кредитоспособность и, держа его землю въ своихъ рукахъ, все-таки отказался отъ ссуды, такъ что для М. не оставалось другого исхода, какъ нанять свою землю П.

И общественное мнѣніе несомнѣнно одобряетъ рѣшенія такого рода. Точно также оно не осудитъ наймита, плохо оплачи-

ваемаго (въ сравненіи съ текущими цѣнами) или стѣсняемаго инымъ образомъ, за оставленіе хозяина. Впрочемъ, при случаѣ нельзя не замѣтить, что шумъ, поднимаемый нѣкоторыми въ последнее время по поводу этого вопроса, полонъ преувеличеній, диктуемыхъ крайней экзальтаціей узко понимаемыхъ интересовъ и безцеремонныхъ аппетитовъ извѣстной категоріи нанимателей.

Заканчивая этимъ, конечно, далеко не исчерпывающій очеркъ, нельзя не упомянуть о томъ, что среди крестьянства идетъ подъ вліяніемъ общихъ условій хозяйственной жизни процессъ имущественной дифференціаціи. Въ зависимости отъ этого болѣе сильныя экономически группы крестьянъ примыкають въ большей или меньшей мѣрѣ къ экономическому міровоззрѣнію верхнихъ слоевъ общества, но тѣмъ не менѣе понятіе о крестьянскомъ юридически-экономическомъ міровоззрѣніи сохраняетъ свою силу, разъ мы будемъ здѣсь подразумѣвать историческую, а не юридически сословную категорію. Міровоззрѣніе это, конечно, далеко отъ совершенства и законченности; въ немъ мы встрѣчаемся иной разъ съ довольно наивной формулировкой, но не съ точки зрѣнія совершенства и законченности нужно оцѣнивать его значеніе. Мы уже привыкли къ тому, чтобы не смотрѣть на тѣ или иныя юридическія и бытовыя нормы экономической жизни, какъ на нѣчто абсолютное, мы привыкли въ нихъ видѣть видоизмѣняющійся продуктъ исторической жизни племени, но мы склонны еще забывать, что результаты этой жизни не одинаково отражаются на интересахъ отдѣльныхъ слоевъ населенія. Это и вызываетъ различіе въ ихъ міровоззрѣніи на вопросы, сюда относящіеся, и то, что мы привыкли считать наиболѣе совершенною для даннаго времени ихъ формулою,—не больше, какъ формула міровоззрѣнія слоевъ, всплывшихъ къ верху въ извѣстный моментъ исторической эволюціи. Формулы эти достигли относительной степени законченности, какъ извѣстно, не сразу, а постепенно. Такою же способностью къ совершенствованію обладаетъ, конечно, и міровоззрѣніе другихъ слоевъ населенія, и если только мы правы, предполагая въ будущемъ отведеніе болѣе широкаго мѣста ихъ интересамъ (а исторія оправдываетъ, кажется, это предположеніе), то мы должны смотрѣть на ихъ міровоззрѣніе, какъ на серьезное основаніе дальнѣйшей эволюціи понятій, сюда относящихся.

Ѳ. Рыльскій.

Украинскія колядки.[1)]

III.

Колядки-вирши.

Колядки-вирши примыкаютъ къ цѣлой особой области украинскаго творчества. Область «вирши» вообще очень обширна и далеко не вполнѣ обслѣдована; даже основные ея вопросы нельзя считать рѣшенными, такъ какъ относительно ихъ не сошлись во мнѣніяхъ наши спеціалисты, касавшіеся въ своихъ ученыхъ трудахъ изслѣдованія украинской виршевой словесности. М. П. Драгомановъ, помѣстивши въ сборникѣ «Ватра» (вышедшемъ въ Галиціи въ 1887 г.), пасхальную виршу изъ журн. Основы, а также имѣя въ виду нѣсколько виршей изъ имѣвшихся у него рукописныхъ сборниковъ, высказалъ предположеніе, что эти и подобныя имъ воскресныя и рождественскія вирши пошли отъ церковныхъ драмъ; ту же мысль высказалъ онъ и въ журналѣ «Життя и Слово» (1894 г. т. I), помѣщая тамъ рождественскія вирши; такое же мнѣніе поддерживалъ и галицкій ученый Миронъ. Но П. И. Житецкій былъ не согласенъ съ этими мнѣніями и высказалъ въ своей книгѣ («Энеида Котл.», гл. X) взглядъ, что прототиповъ рождественскихъ виршей нужно искать въ колядкахъ; «когда появилось на Украинѣ просвѣтительное движеніе, создавшее малорусскую школу, на почвѣ древнѣйшихъ колядокъ начали развиваться вирши-колядки, которыя тоже шли въ народъ и предназначались для пѣнія. Изъ нихъ то и выработались вирши-ораціи, предназначавшіяся для пѣнія»; оживляясь діалогомъ, «вирши-ора-

1) См. Кіев. Ст. 1903 г., № 4.

ціи сближались уже съ драмой и могли служить матеріаломъ для нея. Инымъ путемъ развивались тѣ изъ нихъ, которыя почерпали вдохновеніе въ украинскомъ юморѣ. Такія вирши не могли найти въ книжной рѣчи надлежащей поддержки. Составлялись онѣ на народномъ языкѣ съ большею или меньшею примѣсью книжныхъ элементовъ для стилистическихъ эффектовъ. Обычный художественный пріемъ въ нихъ—низведеніе религіозныхъ сюжетовъ въ кругъ обыдённыхъ представленій и, такъ сказать, реализація духовнаго міра посредствомъ внесенія въ него бытовыхъ подробностей мѣстной жизни. Иногда вирши игриваго, и праздничнаго тона спускались въ народъ и превращались въ вирши-колядки, но никогда не входили онѣ въ составъ серьёзной драмы».

Такимъ образомъ получилось большое несходство во мнѣніяхъ, такъ какъ тѣ вирши, которыя Драгомановъ и Миронъ выводили изъ драмъ, были въ добавокъ именно юмористическаго характера и составлены на языкѣ народномъ.

Быть можетъ, сравнительно небольшое количество извѣстныхъ списковъ виршей, подлежащихъ изученію, не даетъ возможности дать вполнѣ вѣрное опредѣленіе ихъ, такъ какъ не достаетъ порванныхъ звеньевъ, соединяющихъ одно съ другимъ. Быть можетъ, со временемъ получится болѣе полная картина въ этой спорной области, при чемъ лучше выяснятся отношенія вирши къ другимъ произведеніямъ украинскимъ, народнымъ и книжнымъ, а также чужимъ (таковымъ же). Каждый годъ, именно въ последнее время, приноситъ находки очень цѣннаго матеріала изъ этой области: его въ обиліи даютъ рукописные сборники, находящіеся въ столичныхъ, кіевскихъ, галицкихъ церковныхъ и библіотечныхъ хранилищахъ (а также въ «коморахъ» и другихъ случайныхъ «сховахъ»). На страницахъ Кіевской Стар. не мало появилось интереснѣйшихъ находокъ этого рода, сдѣланныхъ, иногда совершенно неожиданно, г.г. Левицкимъ, Науменкомъ, Франкомъ и многими другими. Драгоцѣнныя вещи открыты также въ самое послѣднее время г. г. Перетцемъ и Гнатюкомъ. Кто знаетъ, что сулятъ слѣдующіе еще болѣе энергичные поиски.

Но если смотрѣть, что будущія находки увеличатъ лишь количественно, а не качественно тѣ данныя, которыя уже и теперь имѣются для сужденія о нашей виршѣ и ея отношеніяхъ ко всякимъ другимъ произведеніямъ нашей и сосѣдней словесности, народной и искусственной, то и по тѣмъ характернымъ образцамъ, какіе теперь извѣстны, можно судить о типичныхъ чертахъ нашей вирши, а въ значительной мѣрѣ и о ея генетическихъ связяхъ.

Если же можетъ возникать несогласіе критическихъ мнѣній,—возможное и при найбольшемъ обиліи матерьяловъ, подлежащихъ критикѣ (чему есть не мало примѣровъ въ наукѣ),—то это не должно останавливать каждаго, положившаго извѣстный трудъ на добываніе новыхъ матеріаловъ и на изученіе даннаго предмета, высказать свое мнѣніе, при полномъ уваженіи авторитетности спеціалистовъ; тѣмъ болѣе, что можно не соглашаться въ одномъ пунктѣ, но при томъ не только согласиться, а даже поддержать своими наблюденіями чужіе выводы—въ другихъ пунктахъ; съ этой стороны самое скромное мнѣніе, опирающееся на извѣстныхъ фактахъ, можетъ имѣть свое значеніе. Во всякомъ же случаѣ, справедливо сказано, что—du choc des opinions jaillit la verité!

Выходя изъ этого положенія и, конечно, ничуть не претендуя на безошибочность моихъ выводовъ,—зная такъ сказать «свое мѣсто» по отношенію къ названнымъ, глубоко уважаемымъ мною ученымъ знатокамъ дѣла,—я рѣшаюсь высказать о предметѣ моего изслѣдованія въ данной части, о виршевомъ творчествѣ, поскольку оно имѣетъ отношеніе къ колядкамъ, мнѣніе—въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ расходящееся съ выводами достойныхъ критиковъ, что выяснится при дальнѣйшемъ послѣдовательномъ изложеніи.

При этомъ пусть читатель не посѣтуетъ на меня, если я начну съ періода, гораздо болѣе ранняго, чѣмъ тотъ, къ которому относится начало и расцвѣтъ собственно «виршей», тѣхъ произведеній, которыя получили свое названіе отъ латинскаго versus.

Возвратиться къ болѣе раннему періоду я должна уже и потому, что мнѣ вообще хотѣлось бы высказать не отрывочное мнѣніе о той или другой частности вопроса, а сдѣлать цѣльный очеркъ судьбы колядокъ, въ данной главѣ—колядокъ-виршей.

Отмѣтивъ, уже не разъ, невозможность ставить рѣзкія грани на эволюціонномъ пути пѣсни, я все же скажу, что колядки-вирши довольно существенно отличаются отъ предыдущихъ, какъ произведенія не чисто народныя, а *искусственныя*. Конечно, какъ самыя простонародныя пѣсни могутъ получить искусственную обработку, такъ и произведенія искусственныя могутъ быть въ значительной степени близки по содержанію и формѣ къ произведеніямъ народнымъ; но, если говорить о нашихъ старыхъ рождественскихъ виршахъ, — притомъ неюмористическихъ, а серьёзныхъ виршахъ иораціяхъ,—то приходится признать, что онѣ относятся къ той области творчества, которая не имѣла и даже не желала имѣть общности съ простонародной пѣсней, ни по содержанію, ни,—за очень малыми исключеніями,—по языку, вообще по формѣ. Это мой главный выводъ, къ которому я пришла, познакомившись съ довольно обширнымъ матеріаломъ, имѣющимъ отношеніе къ колядкамъ-виршамъ; выводъ этотъ я надѣюсь подтвердить фактическими данными.

Ставя же вопросъ такъ, считая рождеств. вирши исключительнымъ продуктомъ творчества искусственнаго, исходившаго отъ словесности письменной, интересно оглянуться и хотя бѣгло посмотрѣть какъ эта словесность письме́нная (употребляю это слово въ малороссійскомъ значеніи), относилась къ колядкѣ съ самаго начала и въ послѣдующіе періоды,—до нашихъ дней.

Итакъ, какой пріемъ встрѣтила пѣсня-колядка, вмѣстѣ съ своею обрядностью, отъ сколько-нибудь укрѣпившейся у насъ письменности, въ начальный періодъ, когда христіанство получило на Руси полное право гражданство? что́ получила старая обрядовая пѣсня, примкнувшая ко времени христіанскаго праздника,—отъ своихъ письме́нниковъ?

Первые лѣтописцы, они же представители просвѣщенія въ новомъ христіанскомъ духѣ, отнеслись вообще къ колядкѣ со

страстнымъ протестомъ и ненавистью. Достаточно вспомнить, какія выраженія употребляли они, говоря о колядованьи, которымъ занималась «простая чадь»: по ихъ мнѣнію «кликать коляду» значило «утѣшать дьявола», губить свою душу, «богомерзкія» пѣсни должны были быть только искореняемы. Конечно, такое отношеніе, даже самая страстность обличенія колядокъ первыми письме́нниками совершенно понятна: колядныя пѣсни слишкомъ шли въ разрѣзъ съ идейно-душевнымъ складомъ обличителей, съ ихъ отвлеченной религіозностью и отношеніемъ ко всему мірскому; имъ претило не только содержаніе колядокъ, въ которомъ обличители видѣли прославленіе не умершаго въ представленіяхъ «простой чади» языческаго «бѣса Коляды», но и самое настроеніе, выражавшееся въ колядованіи; аскетически настроеннымъ умамъ были противны всѣ вообще проявленія жизнерадости въ обрядностяхъ и забавахъ «простой чади»,— пляски, пѣсни сами по себѣ,—поэтому они говорили съ ненавистью не только о колядованіи, а вообще объ «игрищахъ», «выхляніи хребтомъ», «безчинныхъ кликахъ», имѣвшихъ мѣсто во всякихъ другихъ случаяхъ, во всѣхъ полуобрядовыхъ, полубытовыхъ забавахъ: всѣ эти мірскія утѣхи были «прелестью сатаны» и могли вызывать страстное порицаніе со стороны «письме́нниковъ».

Если же и они, эти «письме́нники», чествовали великій христіанскій праздникъ Рождества Христова, въ словѣ и пѣніи, то вѣдь это были славянскіе или даже греческіе тропари, которые совершенно были чужды и по содержанію и по формѣ, т. е. по языку, «простой чади».

Такимъ образомъ рознь между славословіемъ одними и другими Рождества и новолѣтія,—слившихся въ одинъ праздничный циклъ,—была полная. Колядка не давала ничего тропарю, а тропарь колядкѣ. Тропари пѣлись въ церквяхъ и келіяхъ, а колядки по стогнамъ, можетъ быть даже въ предсѣніяхъ княжескихъ свѣтлицъ, если благочестивые господари высокаго дому это позволяли. Возможно предположить нѣкоторое право гражданства колядованья въ тѣ времена, при наличности такого факта, доку-

ментально засвидѣтельствованнаго «Повѣстью временныхъ лѣтъ», когда въ Кіевѣ, для принесенія клятвы въ вѣрности договора, передъ греческими послами,—*одновременно* «...Игорь приде на холмъ кдѣ стояше Перунъ и покладоша оружье свое и щиты, и золото, а хрестеяную Русь водиша въ церкви святаго Ильи»,—то возможно предположить, что и позже, когда кіяне оплакали низвергнутыхъ языческихъ боговъ «Перуна, Стрыба, Мокоша, Волоса» и другихъ, (о чемъ подробно вспоминается еще въ житіи св. Владиміра, писанномъ въ 16 вѣкѣ),—хвала колядѣ могла раздаваться открыто на стогнахъ даже стольныхъ городовъ

Съ теченіемъ времени, когда двухъ-вѣрные алтары уже не стояли рядомъ, въ представленіи «простой чади»,—Перуна, метающаго громы, вытѣснилъ гремящій колесницею по небу Илья, но вытѣснилъ только замѣною по имени... (Впрочемъ, даже въ XX-мъ столѣтіи не совершенно умерло у насъ и самое имя Перуна: недавно мнѣ пришлось отъ уроженца черниговщины слышать поразившую меня пословицу,—«не бье Перунъ съ первой тучи-облачины»).

До «хрестеяныхъ» весей доходили имена новыхъ божествъ, отрывки евангельскаго разсказа, главнѣйшіе факты котораго узнавались по поводу важнѣйшихъ праздниковъ и передавались въ праздничной пѣснѣ колядкѣ, съ претвореніемъ однихъ образовъ въ другіе, сходные, понятные, съ прибавленіемъ чертъ реальной, своей обстановки и съ привычнымъ введеніемъ божествъ въ свою повседневную жизнь, съ привязываніемъ своихъ житейскихъ интересовъ къ именамъ божествъ, могущихъ карать и благопріятствовать. На этомъ мы остановились въ послѣднихъ образцахъ колядокъ. Чѣмъ же могла пополнить свои религіозныя пѣсни дальше—толпа, населявшая грады и особенно веси? Кто и что давалъ ей, понятное для нея?..

Духовно-умственная дѣятельность ея, такъ сказать, интеллигенціи—расширялась, но «не про нея», не про «чадь», писались ученыя сочиненія «зѣло ученыхъ мужѣй» на языкѣ греческомъ и на языкѣ далекой «словенской» вѣтви, принесенномъ въ добавокъ книжниками, желавшими сколько можно больше подтянуть сло-

восочиненіе и синтаксисъ этого языка къ греческому, съ котораго они переводили и стиль котораго служилъ имъ образцомъ.

Чуждость и тяжесть этого литературнаго языка могла быть причиною, что не только богословскія сочиненія, но и писанія полегче, помѣщавшіяся въ разныхъ «изборникахъ» и болѣе позднихъ хронографахъ, съ трудомъ могли быть понятны простолюдину. Это были разсказы о людяхъ, удаляющихся въ пустыню, «слова» о «горѣ-злосчастьи», о «злой женѣ»... Знаменитое «слово», представляющее собою героическую поэму того времени, списано въ такомъ изложеніи, что оно для человѣка неписьменнаго едва ли и тогда могло представлять что-нибудь другое, кромѣ одного сплошного «темнаго мѣста»...

Когда въ заведенныхъ школахъ съ теченіемъ времени явились запросы болѣе свободнаго литературнаго творчества, въ той области, которую мы называемъ изящной словесностью,--поэтическому вдохновенію пѣвцовъ-художниковъ поставлены были рамки тоже греческаго стихосложенія, несмотря на то, что конструкція стиха греческаго совершенно не подходила къ стихосложенію русскому,—такъ какъ самая *природа* языковъ греческаго и русскаго была различна.

Не одно вдохновеніе погибло въ дебряхъ непримѣнимой къ нашему слову прозодіи—«греческа образа мудра»...

Народъ—этихъ вымученныхъ декламацій не слыхалъ, да и не много бы понялъ, еслибы напр. въ рождественскую пѣсню, которую бы онъ могъ слышать, былъ вставленъ слѣдующій «ироелегійскій» стихъ («елегійскій иройскому припряжемый, пятма степенми состоящъ»):

Христе елика просятъ ины даждь имъ пребогате;
Мнѣ тебе сладчайшій даждь мене взайма тебе...

Это образецъ довольно поздній, но еще строго составленный по правиламъ греческаго образа мудра и безъ малѣйшей уступки языку народному.

Въ сферѣ словеснаго творчества народъ былъ предоставленъ самъ себѣ и творилъ на своемъ плебейскомъ языкѣ, который— книжная премудрость совершенно игнорировала.

Среди той жестокой борьбы, которую пришлось Украинѣ-«небози»,—що вывела дитокъ пры бытій дорози»,—вынести съ напиравшими сосѣдями, полудикими ордами, она создавала свои пѣсни. Скорбнымъ, но прекраснымъ памятникомъ борьбы украинскаго народа съ татарско-турецкимъ міромъ явились ея такъ называемыя старшія думы.

Отбывши страшные погромы татарскіе, кое-какъ оправлялась Украина отъ «лыхолиття». Въ XVI вѣкѣ мы видимъ на Украинѣ, при военномъ козацкомъ строѣ, довольно большое развитіе гражданственности: городское устройство, школы, церковныя братства, институціи права. Въ то же время на смѣну греко-славянскому могучей струей приблизилось другое вліяніе,—западно-европейское, латино-польское, которое съ одной стороны приносило культуру, съ другой—грозило стираніемъ національности украинской. Стереть цѣлый народъ трудно, особенно народъ уже окрѣпшій; но поглощеніе его податливой интеллигенціи было возможно. Въ началѣ эта интеллигенція пробуетъ бороться. Выступаютъ въ XVI в. борцы «за вѣру», въ сущности за *традицію*, греко-православную. Выступаютъ извѣстные того времени проповѣдники-богословы. Но они оказались безсильны остановить движеніе, увлекавшее украинскую интеллигенцію въ сторону католической Польши.

Средства борьбы были не равны, на сторонѣ Польши было больше просвѣтительныхъ учрежденій,—которыхъ такъ недоставало сторонѣ другой. Къ тому же, въ то время, какъ въ войнахъ «за вѣру», за обрядовую [1]) православную традицію, народъ проливалъ свою кровь,—ни въ немъ, ни въ его интеллигенціи не было чувства сознательнаго *національнизма*. Это прежде всего сказывалось въ вопросѣ языка: народъ говорилъ на своемъ языкѣ, любилъ свою пѣсню, выражалъ съ помощью ея свои радости и печали, но все, что изъ него выбивалось въ интеллиген-

[1]) Вѣра была одинаково христіанская и у противниковъ, богословскаго же различія,—«отъ отца», или «отъ отца и сына»—народъ даже не могъ понять...

цію, оставляло свой языкъ, ни чуть не дорожа имъ. Школа украинская не воспитывала любви къ родному языку, этому могущественному элементу національности; напротивъ, школа,—прежде греко-славянская, а теперь воспринимавшая латынь,—по прежнему не снисходила къ народному языку, а чуждою рѣчью преподаванія и чуждыми образцами словеснаго искусства создавала какъ бы стѣну между интеллигенціей и народомъ.

Пастыри духовные,—они же главнымъ образомъ были и представителями просвѣщенія, заправителями школы,—односторонне понимали положеніе дѣлъ, ихъ занималъ только религіозный вопросъ, а потому, когда они говорили къ народу, или о народѣ, то только съ точки зрѣнія проповѣдниковъ-богослововъ.

Въ *этой* области они *чувствовали* рознь, огорчались ею и нападали на нее. Вотъ какъ громитъ «простóту» Іоанъ Вишенскій, этотъ знаменитый украинскій проповѣдникъ, страстный и грубоватый «Иванъ зъ Вышни», говоря другимъ пастырямъ о воздѣйствіи на народъ:

«Праздничные ярмарки, што вы зовете соборами,—очистите, якъ въ Жидичинѣ и Горахъ въ Святого Спаса. Коляды зъ мѣстъ и зъ селъ—ученіемъ выженѣте; не хочетъ бо Христосъ, да при его Рождествѣ діавольскіе коляды мѣсце маютъ, але нехай соби ихъ въ пропасть свою занесеть. Волочѣльное по Въскресеніи, зъ мѣстъ и зъ селъ выволокши,—утопите! не хочетъ бо Христосъ того смѣху и руганя діавольского имѣти. На Георгія Мученика праздникъ діавольскій на поле изшедшихъ, сатанѣ офѣру танцами и скоками чинити,—разорите. Пироги и яица надгробные въ Острозѣ, и гдѣ бы ся знаходили,—упраздните. Купала на Крестителя—утопѣте и огненное скаканя—отсѣчете! Петръ и Павелъ молятъ васъ, если хочете отъ нихъ ласку мѣти (!), да потребите и попалите колыски и шибиницѣ, на день ихъ чиненые на Волыню и Подолю, и гдѣ бы ся толко тое знаходити мѣло,—мерзко бо имъ на зѐмлю съ небеси смотрѣти, на тое діавольское позорище христіанскимъ людямъ збираючися»!

Изъ этой выписки видно, какъ съ одной стороны нетерпимо и деспотично относился Іоанъ Вышенскій къ своему опекаемому

народу, даже къ его въ сущности совершенно невиннымъ обычаямъ и забавамъ («пироги»... «колыски») и какъ односторонне и недальновидно смотрѣлъ на дѣло!.. Желаніе же упразднить даже «праздничныя ярмарки» показываетъ привычку смотрѣть на народъ именно какъ на «стадо», совершенно игнорируя всѣ его запросы и жизненныя условія, кромѣ вопроса «истинной вѣры». Конечно, это «утопите»! «отсѣчите»! «разгоните»! рекомендовалось «ради спасенія души», но эти возгласы звучатъ такъ грубо... и презрительно.

Что же давали народу, хотя бы взамѣнъ «колядъ», эти люди, считавшіе себя солью земли родной, пастырями душъ народныхъ?

Остановимся еще на двухъ цитатахъ изъ области православно-русскаго культурнаго слова того времени; кстати, онѣ конкретнѣе удержатъ наше вниманіе на нашихъ колядахъ: [1])

1. Около того времени, спеціалистъ словесной науки [2]) издаетъ: «На Рождество Бога и Спаса нашего Іисуса Христа *Вѣршъ*, для утѣхи о. православнымъ христіаномъ». Въ «Прологѣ» къ этимъ вѣршамъ стоитъ:

Христос збавител нынѣ с Панны нароженый
От Бога отца ведлуг тѣла оувелбеный
Нынѣ в вѣрных щасливе нехай завитает,
И радос въ серцу кождого з насъ проквитает»...

Таковъ былъ языкъ «вѣршѣй», предназначавшихся для «утѣхи» православнымъ колядникамъ...

2. Въ городѣ князей Острожскихъ, этихъ знаменитыхъ волынскихъ ревнителей православія и просвѣщенія народнаго въ XVI вѣкѣ, издана была библія, при которой былъ помѣщенъ гербъ князей Острожскихъ, а рядомъ съ гербомъ—вирши. Вотъ двѣ строфы изъ нихъ:

---

[1]) При чемъ читатель будетъ имѣть первые образцы собственно вѣрши, съ которой я начала эту главу.

[2]) П. Беринда.

Зри сія знаменія княжате славнаго,
Их же съдръжитъ домъ его от вѣка давнаго
И разумѣй яко не туне и не безъ причины,
О чом властнѣи и ширѣи повѣсть ти кто иныи
Но яко достоитъ дѣлатель своея заплаты,
Не щадяще здравія никоея оутраты,
Крѣпко побѣждалъ различныхъ съпостат полки,
И разгонялъ с короны драпѣжныа волки.
И еще можетъ
Аще богъ поможет.

Въсіяла звѣзда ясно от востока,
Послѣдуя пръвои възвѣщенеи от пророка.
И приводитъ от Пръсиды трех цареи съ дары,
Поклонитися съ вѣрою цареви над цары.
Твоя звѣзда нынѣ тому же послѣдуе цареви,
Хотя всѣхъ створити жители раеви,
И убываетъ луна ветхаго завѣта,
Сіяетъ бо солнце неприступнаго свѣта.
В немже ходя не поткнется,
Но паче спасется.

Г. Перетцъ, цитируя эти вирши въ своемъ изданіи (Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы), находитъ «генетическую связь» между ними и украинскими народными думами, основывая это родство на томъ, что въ этихъ и подобныхъ имъ виршахъ—«неискуссно составлены, *неравносложныя*» строчки [1]); я же генетической связи этихъ вѣршей съ думами совершенно не нахожу: въ нихъ и неравносложность совсѣмъ другого характера, и все изложеніе (тяжелое, напыщенное), и, наконецъ, языкъ—совершенно чуждый думамъ, полный славянизмовъ (тоже совсѣмъ иныхъ, чѣмъ въ думахъ). Думаю, что всѣ эти отличія

[1]) Отдѣльные стихи (еще не такіе, какъ въ позднѣйшемъ силлабич. стихѣ—съ одинаковымъ числомъ слоговъ).

сдѣлали бы такія «вѣршѣ» совершенно непонятными пѣвцу думъ, если бы онъ ихъ слышалъ... По моему мнѣнію, такія вирши не только не могутъ поддержать положеніе о вліяніи школьной литературы на думы, а наоборотъ, могутъ показывать, какъ *далека* была и въ XVI столѣтіи школьная украинская литература (современница «старшихъ думъ»), отъ *народной* музы! Поставьте рядомъ съ приведенными отрывками:

Ой на чорному мори,
На билому камени,
Ой тамъ сыдыть ясенъ сокилъ билозорець,
Нызенько голову склоняе,
Та жалибненько квылыть-проквыляе..

Въ этомъ образцѣ стихи тоже не имѣютъ равнаго числа слоговъ (въ каждомъ отдѣльномъ стихѣ), но *ритмъ* другой, а поэтому уничтожается сходство съ размѣромъ приведенныхъ выше неравносложныхъ виршей.

Школьное стихотвореніе пренебрегло и размѣромъ, и всѣмъ складомъ, и языкомъ—даже самаго «возвышеннаго» рода современнаго ему народнаго стихотворства, къ какому принадлежали думы.

Такъ-же точно мнѣ кажется сомнительнымъ мнѣніе, что на почвѣ древнѣйшихъ колядокъ начали развиваться *вирши*-колядки, ораціи, предназначавшіяся для произнесенія. Мнѣніе это сравненіемъ даже ранней виршевой литературы съ колядками, да еще съ колядками древнѣйшаго типа, подтверждаться не можетъ; эта литература ни по складу стиха, ни по содержанію, ни по языку ничего общаго съ народной колядкой стараго типа не имѣетъ. Образцы колядокъ, приведенныхъ мною въ предыдущихъ главахъ, мнѣ кажется, говорятъ сами за себя: эти колядки—сама простота, искренно-наивная, выражаемая чисто народнымъ языкомъ, тогда какъ произведенія виршевой литературы, даже ранняго ея періода,—сама искусственность, по содержанію и языку. Далеко держалась отъ творчества «простоты» творческая среда виршей, орацій!

Конечно, можно предположить, что даже самъ ученый Константинъ Острожскій, читавшій латинскія сочиненія и самъ пи-

савшій по латыни, охотно слушалъ, если его «посполитые» острожане, пришедши «цовиншуваты зъ роковымъ святомъ» своего «можного Пана», пѣли ему колядку, въ родѣ— «А въ нашого пана остроженый двиръ, славенъ-есы»!.. и соединяли, по обычаю, его имя съ героемъ колядки, или, въ видѣ добраго пожеланія, колядовали ему, что самъ Господь, ходя по его двору, умножаетъ всю его «худобу»; м. б. даже, что за колядованье можный «панъ-господарь» отвѣчалъ благодарностью на языкѣ «посполитыхъ», но языка этого, въ видѣ преобладающаго элемента, мы въ писаніяхъ князя Константина не находимъ,—онъ пишетъ или по латыни, или на «языкѣ образованнаго класса южно-руссовъ XVI-го столѣтія»; языкъ же этотъ состоялъ изъ смѣси церковно-славянщины и выраженій польскихъ. Слова языка народнаго иногда лишь врывались въ него [1]).

Повинуясь обычаю «виншувать» съ Рождествомъ пѣснею, прославляющею «рокове свято» и поздравляемыхъ, поэты-книжники слагаютъ тоже стихотворенія, которыя они даже и называютъ «Вѣршѣ на Рождество Христово», но этимъ показываютъ намъ лишь то, какъ силенъ былъ *обычай* «колядовать», «виншувать» на Рождество; самой же пѣснѣ, народной колядкѣ рождественской интеллигентые поэты подражать не думали,—не брали ни ея элементовъ, ни языка,—напротивъ какъ будто бы сознательно хотѣли дать нѣчто другое «православнымъ христіаномъ», если ужъ таковые хотятъ величать великій праздникъ и другихъ православныхъ христіанъ. Вторая цитированная выше строфа изъ вирши при гербѣ на библіи острожской тоже давала образецъ для руководства въ послѣднемъ случаѣ: вспомнивъ о звѣздѣ «отъ востока», которая привела трехъ царей «отъ Персиды съ дары», авторъ вирши, Герасимъ Смотрицкій, говоритъ князю, что его звѣзда и нынѣ «тому-же послѣдуе цареви, хотя всѣхъ сотворити жители раеви». Все это не всякій могъ разобрать; но грамотѣи разбирали... О. И Левицкій въ 1889 году открылъ въ старомъ

---

[1]) Какъ это мы видимъ въ судебныхъ актахъ того времени, въ показаніяхъ и пр.—какъ бытовой терминъ.

рукописномъ сборникѣ любопытную, довольно уже позднюю виршу, которая была сложена тоже на мотивъ рождественскаго «повиншування» и говорила уже настоящій комплиментъ кому-то:

«Вольфы скоро поспѣшалы
Прийтыть въ городъ Выфълеемъ,
Когда по звѣздѣ узналы
Что родылсь Месыя въ немъ.
Такъ и я предсталъ предъ вами
Не для прочиихъ причинъ,
Какъ что зрю двома глазами,
Что живетъ въ немъ Божый Синъ.
Да живетъ же *неотлучно*
И въ васъ Богъ и Человѣкъ
И да вашъ благополучно
Временной продолжитъ вѣкъ! Finis».

Указывая на извѣстный историческій интересъ этого стиха въ сборникѣ «подканцеляристы полкового Гадяцкаго», О. И. Левицкій совершенно справедливо указываетъ всю «безцвѣтность формы и содержанія» стиха. Между тѣмъ мотивъ—тоже «рождественскій»!.. Только онъ такъ-же далекъ отъ народной колядки, какъ небо отъ земли!

Да, не взяло украинское виршевое творчество того, что оно могло бы взять отъ творчества своего даровитаго народа и что могло бы обезпечить совсѣмъ другую будущность и самой литературѣ и, пожалуй, народу.

Былъ одинъ моментъ въ украинской культурной исторіи, когда просвѣтительная дѣятельность въ краѣ становилась на народную почву, какъ бы понявъ значеніе не только просвѣтительнаго, но и національно-народнаго начала: въ томъ-же XVI вѣкѣ сознана была необходимость преподаванія въ школахъ на своемъ языкѣ, а также было сдѣлано нѣсколько переводовъ книгъ священнаго писанія (евангелія, псалтири) на народный языкъ, «для лѣпшого вырозумѣнія». Наблюдая равнодушіе, даже пренебреженіе къ своему національному языку со стороны украинской интеллиген-

ціи, зная о томъ «занедбанни», въ которомъ былъ этотъ языкъ въ болѣе раннемъ и позднемъ періодѣ,—страннымъ кажется появленіе этихъ переводовъ. Было ли оно отраженіемъ раціоналистическаго движенія въ религіозныхъ сферахъ запада? Вѣяніе это проникло и къ намъ, въ видѣ «социніанства», увлекшаго извѣстную часть нашей интеллигенціи, имѣвшей сношенія съ Европой, черезъ Польшу и непосредственно – при поѣздкахъ за границу, для «цвичення» въ наукахъ. О. И. Левицкій, въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «Социніанство», даетъ блестяще написанную картину этого движенія въ средѣ украинскаго шляхетства, движенія, которое, можно сказать, «отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть»... Мимолётность его заставляетъ думать, что оно не имѣло глубокихъ корней въ украинской почвѣ; а слѣдовательно и литературную, какъ бы связанную съ этимъ движеніемъ, дѣятельность въ направленіи національномъ, даже простонародномъ, нельзя считать органическимъ проявленіемъ культурной жизни края.—если она была такъ же кратковременна, какъ и раціоналистическое религіозное движеніе;—б. м. она была отчаянной попыткой спасти уже *замѣтно убывавшія, свои* культурныя силы. Мнѣ кажется съ этой стороны въ высшей степени любопытнымъ предисловіе къ одному изъ упрощенныхъ переводовъ евангелія, нѣкоего Тяпинскаго, напечатавшаго этотъ переводъ въ своей «убогой друкарнѣ». Впрочемъ, что́ бы ни подтверждалось его работой, интересно какъ самъ переводчикъ думалъ о своемъ трудѣ,—почему и для чего онъ его предпринималъ: «Радъ покажу мою вѣру, которую маю, народу своему русскому», такъ начинаетъ Тяпинскій свое предисловіе къ переводу евангелія и проситъ поправить «въ чомъ блудна» его работа. Желаетъ онъ, «абы сума закону божего» для его людей «зъ словенскаго имъ тежъ ихъ власнымъ языкомъ рускимъ въ друку вышла»; «не смысленымъ, або красомовнымъ выводомъ, не залецаными а ни часу угажаючими словы, але яко сприязлывый, простый а щирій, зъ зычливости ку моеи отчизне,—поневажъ которымъ бы то властней учинити пристоело, митрополитове, владыки, и нихто зъ учоныхъ черезъ такъ многій часъ не хотѣли,—зъ убогое своее маетности народу моему услугую».

Далѣе объясняется «*потреба*» такого труда: «хто не мусилъ плакати, видечи такъ великихъ княжат, такихъ пановъ значныхъ, такъ многих детокъ невинныхъ, мужовъ зъ жонами— языка своего славного занедбане, а просто взгарду [1]), съ которои такая оплаканая неумеетность пришла, же вже некоторие и писмом се своим въ слове божемъ встыдаютъ. А на остатокъ, што можеть быти жалоснейша, што шкарадша, ижъ и тые, што се межи ними зовутъ духовными, и учители, смеле мовлю намней его не вмеютъ, намней его вырозуменя не знаютъ, а ни се въ немъ цвичат, але и ани школы *коу науце его* никогда не мают, *зачим въ полскіе*, або въ иные писма... себе и дети... заправуютъ». Перечисляетъ авторъ разные другіе народы, «же слово боже зъ латинскихъ и иныхъ письмъ своимъ тежъ языкомъ прирожонымъ перекладати и читати почали». Далѣе авторъ обращается къ людямъ знатнымъ («о зацные панове!») и проситъ ихъ помочь дѣлу, такъ какъ «простотá человека бедного посполитого на васъ очи завжды удавала и удает и за вами идет»; проситъ онъ помочь «прикладомъ своимъ милосерднымъ, если есть што милости братерскои у вас»! Умоляетъ подвинуть къ тому же и духовенство, напомнить ему, что прежніе благодѣтели, («ваши предки»), давали маетности не для его житейскихъ выгодъ и возможности «поседаня столиць одинъ перед другим», «не для марнотрацтва», а «для наукъ», чтобы поэтому заводились школы, въ которыхъ бы процвѣтала наука, не такая, «какъ теперь», когда на вѣчный свой встыд только прочести, и то ледво, въ своем езыку учат се». Наконецъ, поручая зацнымъ панамъ «потребу отчизны», авторъ готовъ «если отчизна до конца згинетъ,—зъ нею згинуть, або если черезъ вашъ ратунокъ будетъ выдвигнена,—зъ вами выбринуть»!

Не бодрость дѣятеля, который работаетъ на пользу уже сколько-нибудь обезпеченнаго дѣла, слышится въ этомъ предисловіи, а какое-то отчаяніе! Картина, которая сама собой вырисовывается въ строкахъ и между строками этого предисловія, дѣйстви-

[1]) Презрѣніе.

тельно, способна была вызывать гнетущую боль сердца у человѣка съ демократическими, просвѣтительными и національными задачами, какія, повидимому, были у автора.

Не удалось усиліямъ единичныхъ людей,—притомъ, очевидно людей «маленькихъ»,—удержать своихъ достаточныхъ и вліятельныхъ земляковъ вѣрными «отчизнѣ» и ея «потребѣ»: «великіе княжата», «значные паны» одинъ за другимъ переходятъ на сторону латинства, католичества и польщизны. Вельможные русско-православные роды Вишневецкихъ, Сапѣгъ, измѣняютъ, уходятъ отъ «своихъ», одинъ за другимъ.

Съ теченіемъ времени, потомки «хвалебныхъ предковъ» дѣлаются особенно ярыми врагами вѣры и народности своихъ отцовъ. Такъ Іеремія Вишневецкій дѣлается лютымъ противникомъ козачества, а княжна Анна-Алоиза, внучка Константина Острожскаго, знаменитѣйшаго ревнителя православія, любимца волынскаго, похищаетъ даже прахъ своего отца и переноситъ въ католическій костелъ, чтобы этотъ прахъ не лежалъ въ «схизматицкой» святынѣ; тогда же, на самый свѣтлый праздникъ, она въ томъ же самомъ Острогѣ, наноситъ обиду православному люду, проѣхавши въ каретѣ цугомъ, черезъ толпу,—(которая шла *съ хоругвями изъ церкви)*,—и опрокидывая на своемъ пути всѣхъ и вся. Горожане возмутились, но были жестоко покараны...

За уходившею знатью уходило меньшее панство, служилый людъ и духовенство,—на лучшія, болѣе спокойныя мѣста.

Впрочемъ, преувеличено, мнѣ кажется, мнѣніе, что вообще интеллигенція, духовная и свѣтская, переходила въ унію, или католицизмъ и польщизну— «для лакомства нещасного»: немалую роль должно было играть и то, что многихъ влекла бóльшая культурность Польши. Тамъ было большее «цвиченье» и въ наукахъ, и даже въ «дворности»... Тамъ была уже окрѣпшая литература, сбросившая уже иго доминирующаго церковнаго языка, непонятнаго болѣе широкому кругу читателей. Польскіе писатели обратились къ языку своему и создали литературу польскую. Такіе поэты, какъ Рей и Кохановскій, обучившись піитикѣ по латинскимъ учебникамъ, пишутъ *по-польски* стихи; Скарга говоритъ

свои проповѣди по-польски и находитъ въ этомъ языкѣ достаточно элементовъ для выраженія самыхъ отвлеченныхъ понятій. Созидая зданіе своего литературнаго языка, польскіе писатели не пренебрегаютъ элементами чисто-народными, и въ этомъ отношеніи они б. м. подняли многіе камушки, презрительно отброшенные писателями нашими: такія слова, какъ ozdoba, vahanie, zdobycz, liczba, zaniedbanie и масса другихъ были *въ нашемъ* языкѣ *народномъ* и могли бы быть взятыми *нашею* литературою... Историкъ польской литературы (Мацѣевскій, «Piśmiennictwo polskie»), говоритъ, что польскіе писатели XVI в., ввевши въ польскій языкъ русскія слова, (подобныя приведеннымъ выше), «обогатили его и сдѣлали мягче». Мы же эти слова «занедбали» и забыли настолько, что если встрѣчаемся съ ними теперь въ нашемъ народномъ языкѣ. то намъ кажется, что это полонизмы...

Даже начинанія такихъ людй какъ Васыль Тяпинскій, которому такъ «болило сердце» отъ занедбання родного языка, были *слишкомъ робки*, когда брались за его поднятіе. Читатель не посѣтуетъ, если я приведу маленькій отрывочекъ изъ перевода евангелія, (отъ Матѳ., гл. 24), сдѣланнаго Тяпинскимъ: «И седече ему на горе оливной [1]), приступили къ нему ученики на-одине, мовечи [2]): речи намъ, коли тое будеть и што есть за знаме [3]) твоего прийстья [4]) и сконченья веку. И отповедаючи [5]) Исусъ, рекъ имъ: стережитесе [6]), бы нихто васъ не звелъ [7]). Многіе бо приидуть въ имени моемъ, мовечи—я естомъ Христосъ и многихъ зведуть».

Какъ видитъ читатель, радикальной ломк церковно-славянскаго языка въ переводѣ нѣтъ.

Текстъ церковно-славянскій:

1) Елеонстѣй.

2) Глаголюще.

3) Знаменіе.

4) Пришествіе.

5) Отвѣщавъ.

6) Блюдите.

7) Прельстилъ.

Но даже и такія осторожныя пробы, сдѣлать книжный языкъ болѣе близкимъ къ своему народному,—не привились... Все болѣе даровитое ушло на чужую ниву, пользоваться «уже готовыми» плодами, а отчасти и *помогая своими трудами* воздѣлывать эту чужую ниву.

Оставленный народъ, когда возставалъ и боролся съ попиравшими его народность и вѣру, то долженъ былъ бороться какъ съ родовитыми поляками, такъ и съ *своими* отщепенцами, «недоляшками». — Школа наша и на дальше сохраняла свой прежній характеръ, съ культивированіемъ науки языковъ чуждыхъ и мертвыхъ для народа. Пожалуй, выходило, что «послѣдняя была горше первыхъ»: къ царившей въ школѣ греко-славянщинѣ прибавилась тяжелая наука латыни. Когда познакомишься съ нашими учебниками XVII в.—грамматики и піитики, то удивляешься, какъ могло помѣщаться въ головахъ школяровъ столько труднѣйшихъ премудростей словосплетенія. Учебникъ, напр. Мелетія Смотрицкаго, даетъ 12 размѣровъ стихотворныхъ для руководства и множество другихъ для свѣдѣнія, массу риторическихъ правилъ съ образцами на манеръ греческихъ, латинскихъ, все это—на ужасномъ языкѣ, тяжелой славянщинѣ, съ подлинной терминологіей тѣхъ языковъ, откуда правила взяты (греч. и лат.).—Ничуть неудивительно, что эта школа, не дававшая доступа языку своему, языку живому, не дала также ни одного поэта, имя котораго было бы извѣстно— не однимъ только спеціалистамъ словесникамъ; хотя не мало было написано по греко-словенно-латинскимъ «прецептамъ» разныхъ произведеній—у насъ были оды, дифирамбы, орацѣи, діалоги, кармѣны, вѣршѣ—но не было произведеній поэтическихъ!..

Въ польскихъ учебникахъ все же отдѣльно приводились образцы на польскомъ языкѣ, на которыхъ ученикъ могъ отдохнуть душою и получить не только умѣнье, но и охоту подражать имъ на томъ же родномъ языкѣ. Иначе стояло дѣло у насъ.

Въ польскомъ учебникѣ напр. при объясненіи, что такое одинадцатисложный «carmen *polonicum*», приводится такой образецъ:

O piękna nocy, nadzwyczaj tych czasow
Patrz na nas jasno pośród tych tu lasow,
Gdzie, jako pszczoły, koło swego pana
Straż dzierżąc, palim ogień aż do rana.

Въ современномъ же этому кіевскомъ учебникѣ піитики,—для рода *басни,* (который, какъ извѣстно, считается самымъ легкимъ по слогу и наиболѣе допускающимъ простую рѣчь), помѣщенъ такой языко-ломательный образецъ:

Fabula de Cicada et Formica.

Въ сицево бѣдство лѣнивый впадаетъ,
Якъ самъ о себѣ Коникъ извѣщаетъ.
Какъ, рече, поля вездѣ зеленѣли,
Якъ древа сѣннимъ листвіемъ шумѣли,
Ряснымъ тяжели гроздомъ винограды,
Какъ гобзовала овощъ вертограды,
На нивахъ сноповъ со множествомъ класовъ
Болѣе было главныхъ неже власовъ и т. д...

Таковъ былъ образецъ «легчайшаго» жанра!... (въ учебникѣ Кіевской Академіи, предназначенномъ «ad usum Roxolanae juventutis». Бѣдная juventus! Не даромъ она предпочитала уходить и отъ такой бездны премудрости, мертвой, формалистической, и—отъ такихъ вѣршѣй)!..

А народная муза продолжала творить свои пѣсни. Народъ жилъ, вёлъ борьбу съ своими ворогами, (среди которыхъ было такъ много его перéвертнивъ!), и о своихъ удачахъ и неудачахъ слагалъ козацкія пѣсни,—такъ называемыя теперь младшія думы. Должно ли признать хотя бы и въ этихъ думахъ XVII вѣка авторство нашей школы, или хотя бы замѣтное вліяніе ея?

«Гей, не дывуйте добрыи люде»!..

—

«Ой зажурылась та Хмельныцького старая голова....

—

Ой Морозе-Морозенку,
Та ты славный козаче,
Гей за тобою, да ты Морозенку,
Вся Украина плаче!..

Слишкомъ это не похоже на приведенныя выше произведенія нашей школы...

Ни подъ одной думой, хотя бы и въ записяхъ современниковъ, не подписано имя кого-нибудь изъ школьныхъ писателей,—охотно подписывавшихъ свое имя подъ стихами другого стиля и языка. «Острожскій ляментъ» писалъ «найныжшый служебныкъ зъ служебныкивъ», и «ляментъ» всё-же далекъ по складу и языку отъ думы, заключаетъ въ себѣ много полонизмовъ.

Лѣтописцы вставляли кусочки думъ изъ *неизвѣстныхъ* источниковъ, именно какъ современную пѣсню *народа*.

Были ли творцами думъ школяры, мандровани дьяки, находившіеся подъ вліяніемъ школы и нёсшіе это вліяніе дальше?.. П. И. Житецкій говоритъ объ этомъ такъ обаятельно, такъ краснорѣчиво, но типы, которые представляются мнѣ при словѣ «пиворѣзъ», «дидаскалъ», «дьякъ» и произведенія, которыя они учили въ школѣ, какъ-то не даютъ мнѣ возможности согласиться, что эти люди и эта традиція участвовали въ творчествѣ думъ, старшихъ и младшихъ. Такъ и кажется, что козацкія думы были произведеніями самыхъ козаковъ, музы народной,—которую не пускали въ школу и къ которой не спускалась муза школьная съ своего Парнаса. Конечно, я сойдусь съ П. И. Житецкимъ въ томъ, что бывшіе ученики и руководители школъ становились часто въ ряды козаковъ-воиновъ и тогда вмѣстѣ съ другими могли участвовать въ созданіи думы, но тогда имъ приходилось бы снова «опроститься», совершенно отрѣшиться отъ языка и пріемовъ школы.

Любопытно, что первое письменное упоминаніе о «думахъ» находится—у *польскаго* историка, (Сарницкаго, подъ 1506 годомъ): «elagiae quae dumas Russi vocant». Первый учебникъ піитики, который удостоилъ упомянуть о думахъ, какъ объ особомъ родѣ стихотворства, былъ тоже—*польскій* (Bicollis Parnassus): «sunt

nonnuli Peanes, dumy Kozackie, non artificio, sed natura laborante». Значитъ, думы были чѣмъ-то особеннымъ, если заправскіе риторы, сжившіеся съ признаками поэзіи *искусственной*, не чувствовали въ думахъ этихъ признаковъ, находя, что онѣ—sed natura laborante...

Однако, возвращаясь къ колядкамъ, должно признать что этому обычаю, поздравлять «панивъ-господаривъ» на Рождество, соотвѣтствующимъ празднику словомъ,—школяры отдали свою дань. Я именно потому дольше остановилась на характерѣ нашей старой школьной піитики и поэзіи, чтобы само собою опредѣлилось, какого рода могло быть несомнѣнное участіе школяровъ въ обычаѣ «повиншовання» съ Рождествомъ. Я думаю, что ими могли произноситься тѣ короткія вирши (съ бѣглымъ упоминаніемъ обстоятельствъ, касающихся Рождества Христова и благопожеланіемъ въ концѣ), которыя отыскиваются теперь въ разныхъ рукописныхъ сборникахъ,—напр.:

Орація Рождеству Христову:

Христосъ родися въ Вифлеемѣ нынѣ,
Лежитъ во яслѣхъ убогихъ на сѣнѣ;
Ангели Слава во вышнихъ спѣваютъ,
И на колѣна быдлята впадаютъ;
Звѣзда посельство тое отправуетъ
И до Египту путь показуетъ.
Мы Христу рожденному хвалу отдадѣмо
И на колѣна предъ нимъ упадѣмо:
Христе рожденный, дай намъ тебе зрѣти
(И одесную въ день суда сыдиты) [1]).

---

[1]) Орація XVII в. найдена О. И. Левицкимъ въ рукописной Минеѣ, находящейся въ Волын. епарх. музеѣ и поступившей туда изъ старинной церкви ровенскаго уѣзда, волын. губ. Стихъ курсивомъ—возстановленъ О. И—чемъ, съ оговоркой, что въ рукописи этотъ стихъ пропущенъ совсѣмъ.

Того я вашмостямъ оповидаю,
А Рождествомъ Христовымъ поздравляю.

Въ такомъ же родѣ слѣдующая вирша, найденная тоже О. И. Левицкимъ (въ гадяцкомъ уѣздѣ, полт. губ. въ «коморѣ» одного священника, между старинными бумагами).

Антепатровъ синъ Иродъ былъ неистовій:
Наситился, якъ хотѣлъ, младенческой крови.
Отъ двою лѣтъ и ныже всѣхъ сущихъ младенцовъ
Въ предѣлахъ Іудейскихъ рубилъ, якъ птенцовъ.
Закричала и Рахиль, сколько мала сили,
Якъ отъ грудей на копье младенца схватили.
О, Христе, днесь рожденій и въ яслехъ повитій!
Прыйми кровъ ихъ ради той вины знаменитой,
Да славимъ и мы твою божественну славу,
Вѣдуще Твою милость крѣпку и державу.
Поздравляю васъ рожденіемъ отъ Дѣвы Бога,
Желаю вамъ жить лѣта многа.

Эти двѣ вирши представляютъ типъ орацій, которыя не пѣлись, а произносились въ видѣ поздравленія, замѣняя колядованіе. Были ли онѣ написаны по «прецепту» піитики, по образцу учебника, или въ подражаніе печатнымъ виршамъ, въ родѣ Беринды, или по личному вдохновенію для нарочитаго случая, во всякомъ случаѣ—вдохновеніе это чисто школьное (по складу и по языку виршей [1]). Такое вдохновеніе, хотя и служило обычаю поздравленія съ Рождествомъ, но отъ народныхъ колядокъ ничего не брало и произведенія его въ репертуаръ колядованія поступить не могли (тѣмъ болѣе, что въ такихъ виршахъ-ораціяхъ музыкальнаго мотива не было).

---

[1]) По словамъ г. Левицкаго—такъ и по почерку: «вирша была написана по линейкамъ славянскими, печатнаго типа, буквами,—очевидно, рукою школяра».

Сомнѣваясь, такимъ образомъ, въ генетической связи произведеній нашей школы съ колядками, даже съ колядками болѣе серьёзнаго типа,—(о юмористическихъ я скажу ниже),—я обращаюсь къ другимъ источникамъ.

Мнѣ кажется, что часть болѣе серьёзныхъ, такъ назыв. «божествѐнныхъ» колядокъ пошла отъ церковныхъ псальмъ, или лучше сказать, отъ псальмъ костельныхъ, т. е. католическихъ, польскихъ.

Какъ извѣстно, въ польскихъ костёлахъ, кромѣ собственно мессы, отправляемой на латинскомъ языкѣ, многіе канты поются по-польски. Благодаря этому очень старому обычаю [1]), польскія церковныя пѣсни,—или будемъ ихъ называть «псальмы»,—могли проникать и въ украинскую среду; особенно это было возможно съ принятіемъ уніи, которая во всякомъ случаѣ не вполнѣ отрывала прихожанъ-уніатовъ отъ той ближайшей среды, изъ которой они вышли и съ которою они не порывали связей окончательно. Особенно это надо сказать о *мелкихъ* единицахъ: крестьяне уніаты ходили не въ церковь, а въ костёлъ, но, конечно, не были, какъ высшее панство, отдѣлены каменной стѣной отъ крестьянъ-православныхъ,—большинство тѣхъ, которые «ходылы до костёла», не умѣли даже хорошо говорить по-польски; и теперь можно встрѣтить напр. на Волыни многихъ изъ мелкой шляхты, настоящихъ *католиковъ*, которые гораздо лучше говорятъ по-малорусски, чѣмъ по-польски, и даже въ своей семьѣ только молятся по-польски. При такомъ отсутствіи отчужденности, конечно, костельная пѣсня легко дѣлалась извѣстной и въ православной средѣ.

Между тѣмъ обычай пѣть въ костелахъ «kolędy» очень распространенъ издавна и держится до настоящаго времени: въ немъ получилъ освященіе собственно обычай народный, такъ какъ и въ польскомъ народѣ существуетъ и, конечно, существовало издавна, много колядокъ простыхъ,—похожаго содержанія съ нашими. Я знаю, что это многихъ неспеціалистовъ удивитъ: скажутъ—„какъ? и

---

[1]) Пѣснь «Bogurodzica», приписываемая св. Войцѣху, исполнялась въ польскихъ костелахъ еще въ XIV ст.

у поляковъ колядують"?.. Не отвлекаясь очень, приведу только первые стихи двухъ польскихъ колядокъ, изъ которыхъ будетъ видно, что «и у нихъ» народныя колядки имѣютъ содержаніе похожее съ нашими: 1) «Dobry wam dzień, gospodarzu nasz miły»! 2) «Hej, hej, kolęda! Nowy Rok nastaje»!—Мотивы польскихъ народныхъ колядокъ—веселые, бравурные и очень красивые.

• Получили kolędy доступъ и въ церковь католическую. Конечно, съ принятіемъ церковнымъ обычаемъ kolęd, содержаніе ихъ (тѣхъ kolęd, которыя пѣлись въ костёлѣ), должно было измѣниться,—принять характеръ «набóжный». Едва ли я ошибусь, если скажу, что одна изъ самыхъ распространенныхъ набóжныхъ польскихъ колядокъ есть слѣдующая:

W żłobie leży, któż pobieży
Kolędować małemu?
Jezusowi, Chrystusowi,
Dziś nam narodzonemu... и т. д.

Kolędy поются въ костелѣ всѣмъ хоромъ присутствующихъ. Обычай пѣть «kolędy» встрѣтился съ пѣніемъ чисто религіозныхъ пѣснопѣній, для которыхъ, конечно, первоначально являлись образцами--латинскія псальмы; съ этой стороны, польскія набожныя kolędy тоже не могутъ назваться вполнѣ самостоятельными, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя рождественскія псальмы и до сихъ поръ поются въ костелахъ также по латыни, а въ молитвенникахъ латинскій текстъ ихъ помѣщаютъ въ цѣломъ составѣ, или хотя одинъ первый стихъ: «Angelus pastoribus dixit», а затѣмъ польскій текстъ:—Anioł Pasterzom mówił и т. д. Здѣсь переводъ буквальный; но бываетъ, что послѣ первыхъ строкъ польскій текстъ значительно измѣняется въ выраженіяхъ, сохраняя лишь общность содержанія.

Вотъ эти-то польскія псальмы, распѣваемыя въ костёлахъ, вѣроятно, послужили образцами и для нѣкоторыхъ нашихъ колядокъ-виршей, или точнѣе колядокъ-псальмъ. Ихъ заимствовали простые люди, съ голоса, а также и письмéнные—изъ пѣнія, изъ печатныхъ изданій и рукописныхъ списковъ...

Когда мнѣ приходилось вначалѣ слышать нашу колядку «Нова рада стала», мнѣ всегда казалось страннымъ, чужимъ, одно выраженіе въ ней: «Ой ты Царю, нашъ Царю, ты небеськый *шахварю*»... Слово это оказалось польское [1]) и означаетъ въ буквальномъ смыслѣ—ключникъ, завѣдывающій чѣмъ-нибудь [2]); въ польскомъ языкѣ, какъ оказалось изъ моихъ разспросовъ, есть даже въ разговорной рѣчи такое выраженіе:—schafarz łask niebieskich. Но одно слово, конечно, еще не можетъ служить доказательствомъ заимствованія (хотя иной разъ одно слово, *слишкомъ исключительное*, можетъ быть болѣе доказательнымъ, чѣмъ общность содержанія, особенно въ данномъ случаѣ, въ колядкахъ богословскаго характера, въ которыхъ содержаніе очень не разнообразно: звѣзда, рожденіе отъ Дѣвы, пастыри, три царя, заключеніе; въ самыхъ краткихъ чертахъ повторяются части того-же евангельского разсказа).

Кромѣ этого, сомнѣніе мое возбудила еще одна волынская колядка, которая оказалась лишь фонетически измѣненной противъ польской. Наши люди поютъ её такъ:

1.

Вчора изъ вечóра, (2)
Зъ небесного двóра,
Прыйшла намъ новы́на,
Роды Панна Сына.
Анголъ о пивночи
Свитло зъ неба точе и т. д.

По польски же эту колядку пѣли (совершенно на тотъ-же мотивъ) такъ:

2.

«A wczora z wieczora
Z niebieskiego dwora

---

[1]) Отъ нѣмецкаго—Schaffner.

[2]) Слѣдовательно, въ переносномъ смыслѣ можетъ означать—промыслитель.

Przyszła nam nowina
Panna rodzi Syna,
Gdy Anioł z pólnocy
Swiatłość z nieba toczy» и т. д...

Это было уже слишкомъ явно... Дальнѣйшіе стихи показывали, что прототипомъ была колядка—польская, такъ какъ въ нашей дальнѣйшія риѳмы были еще болѣе натянутыя, чѣмъ въ приведенномъ началѣ.

Странно тоже казалось, что въ колядкѣ «Ой дывнее нарожденне» иногда поютъ—«народзенне»...

Сомнѣнія мои окончательно утвердились открытіями, сдѣланными хотя и не по поводу нашихъ колядокъ, но вообще въ области духовной литературы, польской, малорусской и русской. Работы г-на Перетца, изданныя имъ въ I томѣ его Историко-литературныхъ изслѣдованій и матеріаловъ, въ высшей степени цѣнны. Кромѣ того, что г. Перетцъ опубликовалъ много совершенно новаго матеріала, лежавшаго въ рукописяхъ, въ разныхъ хранилищахъ (въ Кіевѣ, Вильно, Петерб., Москвѣ), но многія его сопоставленія, подтвержденныя самымъ тщательнымъ сличеніемъ (стараго и новаго матерьяла),—требовавшимъ массы кропотливаго труда,—производятъ нообыкновенно яркое впечатлѣніе своею убѣдительностью. Такова въ особенности глава, касающаяся вліянія польскихъ псальмъ на малорусскія вирши и на великорусскіе духовные стихи. Многіе стихи оказываются просто переводами (въ началѣ даже просто переписками), потомъ передѣлками, болѣе или менѣе близкими, или же отдаленными, но связь которыхъ съ оригиналами можно уловить. Болѣе слабымъ пріемомъ г. Перетца мнѣ кажется способъ доказательства близости стиховъ одинаковымъ размѣромъ; особенно это шаткій признакъ въ стихахъ, которые *поются* (такъ какъ въ пѣніи иногда получаются не только неожиданныя ударенія, но даже какъ-бы новые слоги). Но возвращаюсь къ польскимъ псальмамъ и ихъ вліянію.

Чтобы все-таки не утомлять вниманія читателя, передамъ всего два-три примѣра изъ цитатъ г. Перетца.

Псальма польская:

Wesoły nam dziś dzień nastał,
Którego z nas każdy żądał
Tego dnia Chrystus z martwych wstał,
alleluja [1]).

Въ русскомъ текстѣ:

Веселый нам есть дзѣнь насталъ,
Кторего знас кажди жондалъ:
Тего дня Христусъ зъ мартвыхъ всталъ,
аллилуя [2]).

Дальше по-русски есть уже болѣе отходящій текстъ той же вирши:

«Веселы намъ днесь день насталъ,
Котораго Христосъ з мертвых встал.
аллилуя».

И наконецъ:

«Светел праздник днес настал
Ибо Христос з мертвых востал» и т. д.

Въ такомъ же родѣ передѣлывались и другія польскія псальмы,—напр.:

Affect do Pana Jezusa:

A mam że ja mego Jezusa miłego?
Nie czyniłem nic dobrego dla miłosci jego!
(Псальма XVII в.).

По русски (текстъ, надписанный на нотахъ):

Имамъ азъ своего Исуса моего?
Не творилъ бо есмь благаго любве ради его!.. и т. д.
(Рукоп. начала XVIII в.).

---

[1]) „Pieśni nabożne", wyd. w Grodnie.
[2]) Просто переписанъ польск. текстъ кирилицей.

А вотъ и рождественская псальма:

По-польской рук. до 1650 г.	Переводъ:
Anioł pasterzom mówił:	Ангелъ пастыремъ вѣстилъ:
Chrystus się nam narodził	Христосъ ся вамъ днесь родилъ,
W Bethtleem miasteczku Dawidowem,	Въ Вифлеемѣ градѣ Давидовомъ,
W pokoleniu Judowem	Въ колѣнѣ Іудовомъ,
Z panienki Maryey.	Отъ Дѣвы Маріи.
Chcąc się dowiedzieć tego	Хотяще знать извѣстно,
Poselstwa wesołego	Еже имъ благовѣстно,
Z ochotą do Bethleem bieżeli	Въ Вифлеемъ скоро пошли,
Dziecię w żłobie naleźli...	Отроча въ ясляхъ нашли...

Для моего положенія, что позднѣйшія наши колядки могли пойти не отъ школьныхъ орацій, а отъ польскихъ псальмъ, особенно важна послѣдняя цитата, которая взята (переводъ) изъ Рождественской драмы, приписываемой Дмитрію Ростовскому [1]) и написанной около 1700 г.; приведенный переводъ составляетъ въ этой Рожд. драмѣ вставку, «поклоненія пастырей». Авторъ большой пьесы (съ разными аллегорическими фигурами,—Жизнь, Смерть, Натура)—почти дословно переводитъ рождественскую *польскую* псальму. Это показываетъ ея извѣстность, а также и то, что съ польскими псальмами можно было быть знакомымъ не только черезъ костелъ, слыша ихъ тамъ; очевидно онѣ были вообще извѣстнымъ матерьяломъ духовнаго обихода, доступнымъ и для православныхъ. То обстоятельство, что эти стихи *пѣлись*, конечно, служило особенной причиною ихъ распространенія, такъ какъ красивая музыка при словахъ—особенно покоряетъ. Что же удивительнаго, что не только наши писатели, (хотя бы и ревнители православія), брали за образецъ польскія псалмы для своего

[1]) Въ мірѣ Данило Туптало, уроженецъ Кіевщины, воспитанникъ Кіево-Могил. Кол., игуменъ монастыря Батуринскаго, потомъ митроп. Ростовск.

письме́ннаго круга [1]), но и люди изъ народа нашего—брали ихъ, эти костельныя kolędy, для себя, въ свой репертуаръ «набо́жнаго» колядованія; только и тѣ и другіе—на разные языки переводили: одни на письмѐнный, другіе на простой. «Рождественская драма» (или «Комедія на Рождество Христово») была представляема и въ Москвѣ. Такимъ образомъ черезъ южно-русскихъ письме́нниковъ польская псальма шла и въ «Московщину»; любопытны данныя, добытыя г. Перетцомъ, которыя показываютъ, что при этомъ на сѣверѣ заимствовались польскія псальмы не только въ южно-русскихъ переводахъ, но въ самыхъ подлинникахъ: нѣкоторые списки показываютъ, что польскій текстъ иногда списывался даже безъ пониманія его значенія, переходя, вѣроятно, «съ голоса». Это доказываютъ такія искаженія:

Aaronowa *roszczka* zielona	Ааронова *рожка* зелена
Stała się nam *kwitnąca*...	Сталася нам *квитюнца*...

Попадаются и худшія мѣста; вотъ далѣе тотъ же сѣверный, *русскій* переводъ рождественской пѣсни:

Бежали до ветхлѣем щенсливе,
налезли двецѣ безлове (sic),
Марію со Юземъ.

Это значило въ подлинникѣ, найденномъ г. Перетцомъ въ другой рукописи, слѣдующее:

Bieżeli do Bethleem szczęsliwie,
naleźli dziecię we żłobie,
Marią z Józefem.

Такимъ образомъ заучивалась и списывалась даже безсмысленница, и все-таки записывалась въ сборники «псальмъ». Вѣроятно, московскіе слушатели и читатели этихъ псальмъ думали,

[1]) Вставляя ихъ,—какъ мы это сейчасъ видѣли,—въ свои драмат. сочиненія.

что «м. б. оно тамъ такъ и нужно»...—Но когда же это было, такое вліяніе польской пѣсни?— спроситъ, пожалуй съ оттѣнкомъ недовѣрія, читатель. Пусть же не посѣтуетъ онъ за болѣе обширную выдержку изъ упомянутыхъ «Изслѣдованій» г. Перетца (она многое объяснитъ въ вопросахъ заимствованія; а мы какъ разъ на нихъ остановились). Вотъ что говорится въ гл. VIII «Изслѣд.» («малорусское вліяніе въ Москвѣ XVII—XVIII ст.»): «въ Москву начинаютъ проникать изъ южной Россіи и Польши представители искусства, безъ сомнѣнія не чуждые и поэзіи: при дворѣ царя Михаила Θеодор. около 1637 г. были музыканты-органисты польскаго или малорусскаго происхожденія. Царю подражали и вельможи, заводя музыкантовъ и пѣвцовъ, обучавшихъ, въ свою очередь, москвичей своему искусству. Одновременно съ этимъ возрастало ихъ вліяніе и на церковное и религіозное пѣніе. Объ искусствѣ малорусскихъ пѣвцовъ и о превосходствѣ ихъ надъ московскими въ XVII в. свидѣтельствуетъ діаконъ Павелъ Алеппскій, спутникъ патріарха антіох. Макарія:—Пѣніе козаковъ, говоритъ онъ, радуетъ душу и исцѣляетъ отъ печалей, ибо ихъ напѣвъ пріятенъ, идетъ отъ сердца и исполняется какъ бы изъ однихъ устъ; они страстно любятъ нотное пѣніе, нѣжныя и сладостныя мелодіи. У этихъ же (москвичей) пѣніе идетъ безъ обученія, какъ случится, все равно». Краснорѣчивую вымѣтку дѣлаетъ далѣе г. Перетцъ изъ описи книгъ Заиконоспасскаго монастыря: «книга псалтырь полская на виршахъ», «книга псалтырь на виршахъ Іана Кохановскаго», «книга псалтырь на польскомъ языкѣ».

Москва даже заволновалась отъ такого успѣха «новшества». Никона старые законники обвиняли, между прочимъ, въ томъ, что онъ—«кіевское партесное пѣніе началъ въ церковъ вводити согласно мирскимъ гласоломательнымъ пѣніямъ». Въ предисловіи къ своей «риѳмотворной» псалтири Симеонъ Полоцкій пишетъ: «мнози во всѣхъ странахъ малыя, бѣлыя, и черныя, и червонныя Россіи, паче же во велицѣй Россіи, въ самомъ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, возлюбше сладкое и согласное пѣніе польскія псалтири стиховно преложенныя, обыкоша тыя

псальмы пѣти, *рѣчей* [1]) *убо мало или ничто же знающе,* и точію о сладости пѣнія увеселяющеся духовнѣ». Не имѣя силы бороться съ популярностью польской псалтири, С. Полоцкій приспособляетъ нѣкоторыя изъ своихъ переложеній такъ, чтобы ихъ можно было пѣть на извѣстный уже голосъ польскихъ псальмъ. Такъ кончаетъ г. Перетцъ страницу о судьбѣ польской псальмы въ Москвѣ.

С. Полоцкій, прибавимъ мы отъ себя, былъ воспитанъ кіевскою школой и въ постановку литературнаго дѣла въ Москвѣ внёсъ все искусство, полученное отъ этой школы; ему помогали многіе украинцы, являвшіеся въ Москву, особенно послѣ Хмельниччины. Извѣстно также усердіе учениковъ этой школы въ Петровскій и слѣдующій періодъ, положенное на созданіе новой литературы. Съ теченіемъ времени «кармѣны» и пѣніе бандуристовъ, (тоже, какъ извѣстно, имѣвшихъ одно время большой успѣхъ въ Москвѣ и Петерб.), были сданы въ лакейскія; когда же кіевская виршевая литература умерла на московскихъ и петерб. задворкахъ, а на ея перегноѣ выросла уже новая «россійская литература», то она,—развиваясь дальше уже при помощи своихъ элементовъ,—пожелала быть полной госпожей и заставила кіевскихъ ученыхъ учить грамматику и піитику «господина Ломоносова». Недавніе учителя-южане принялись учить его сѣверныя оды. Учились усердно... Кіевская академія посылаетъ на свой счетъ въ Москву нѣсколькихъ воспитанниковъ собственно для того, чтобы научиться московскому произношенію.

Но народъ украинскій одъ не училъ; его словесностью были, по прежнему, его пѣсни. Мы видѣли, что въ обрядовую пѣсню, въ колядки, вошла церковная, костельная псальма, которая получила значительную поддержку въ такъ называемомъ вертепѣ. Изъ документальнаго доказательства, что переведенная съ польскаго псальма была вставлена въ рождеств. драму Д. Ростовскаго, какъ готовый «номеръ» [2]), несомнѣнною является тѣсная

---

[1]) Т. е. содержанія.

[2]) Выражаясь по теперешнему.

связь польской костельной псальмы, болѣе или менѣе переработанной, съ этимъ своеобразнымъ театромъ,—«вертепною» или вообще религіозною драмою; значитъ, польская псальма предшествовала ему.

Впрочемъ, вѣдь и самъ «вертепъ» вышелъ изъ польскаго костела, который въ свою очередь получилъ эти представленія отъ церквей западно-европейскихъ. Я не стану передавать подробно исторію вопроса; напомню ее лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ: католическая церковь, вообще больше любящая образность и декоративность, еще въ средніе вѣка начала демонстрировать соотвѣтствующими фигурами свои служенія, посвященныя важнѣйшимъ праздникамъ: во время мессы «резурекціи» поднимали фигуру Христа (которая въ послѣдніе страстные дни лежала въ гробу, окруженная статуями, или вырѣзными ангелами)[1]); также точно въ костелѣ къ Рождеству ставилось изображеніе вертепа,—извѣстнымъ, образомъ декорированнаго мѣста, въ которомъ помѣщались, въ большемъ или меньшемъ видѣ, соотвѣтствующія статуи. Постепенно эти демонстрированія расширялись,—такъ, въ страстные дни, страсти Христовы читались въ лицахъ, при чемъ читавшіе какъ бы исполняя роли, тамъ же въ церкви представляли священныхъ и иныхъ лицъ, относящихся къ разсказу о страстяхъ. Это и были «мистеріи», которыя, съ теченіемъ времени, еще болѣе расширившись, вышли изъ церкви въ общественныя зданія, коллегіумы и на площади. Къ священному содержанію прибавились вставки комическаго и современно-бытового характера; мистеріи переходили въ настоящій театръ, превращаясь въ пьесы историческія и т. д. Подобныя же представленія давались и на кукольномъ театрѣ,—который изъ Зап. Европы перешелъ въ Польшу, а оттуда и къ намъ. Такъ какъ на этомъ театрѣ представлялась главнымъ образомъ Рождественская драма, то и самъ онъ назывался у поляковъ «яселки», шопка (сарай, отъ нѣм. Schoppen), а у насъ—«вертепъ».

---

1) Послѣдній обычай до сихъ поръ живетъ въ нашихъ большихъ польскихъ костелахъ.

Какъ въ Польшѣ такъ и у насъ представленія на темы изъ священнаго писанія особенно привились и культивировались— при школахъ. Возражая на мнѣніе г. Петрова, П. И. Житецкій совершенно вѣрно говоритъ, что собственно мистеріи, *церковныя. религіозныя представленія*, у насъ не могли быть въ ходу. И въ самомъ дѣлѣ, православная церковь, устранившая изъ храмовъ даже статуи, могла бы считать мистеріи лишь профанаціей и не могла бы «связывать ихъ съ богослуженіемъ».

Въ школѣ же нашей представленія на религіозныя темы получили большое развитіе, превратившись потомъ въ полуисторическія, полубытовыя пьесы еще въ концѣ XVII стол. (Вопросъ этотъ превосходно разработанъ П. И. Житецкимъ въ его предисловіи къ «Энеидѣ Котл.»).

Содержаніе Рожд. драмы, представляемой на сценкѣ яселокъ и вертепа, было въ общихъ чертахъ одинаково: оно состояло изъ серьёзной части,—гдѣ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ являлись ангелы, поклоняющіеся пастухи, волхвы, Иродъ, смерть,—и комической, по большей части отдѣляемой особо, гдѣ являются разные народные типы,—говорятъ, поютъ, танцуютъ. Иногда сценки перемѣшивались.—Я не буду говорить о комической части «вертепа», (развѣ только упомяну, что напрасно думаютъ, будто комическій характеръ бытовой части вертепнаго представленія обязанъ именно украинскому юмору: въ бытовой части польскихъ «яселекъ» тоже много забавнаго и остроумнаго; хотя, конечно, есть и тутъ, и тамъ свои особенности). Обращаясь къ серьезной части текста вертепа, мы непосредственно встрѣчаемся съ матерьяломъ, связаннымъ съ колядками. Уже одна и та-же тема должна была вызывать сходный репертуаръ. Выйдя же, по своему началу, изъ костела, вертепъ вынесъ съ собою и то, что пѣлось въ костельныхъ псальмахъ,—можетъ быть, еще тогда, когда вертепъ изображался въ костелѣ. Съ привѣтомъ пастуховъ имѣетъ полное соотвѣтствіе псальма «Anioł pasterzom mówił [1]). Не да-

[1]) Въ старомъ богогласникѣ: Anioł trzody pasącym zwiastował czuwającym»,—съ примѣчаніемъ: «stosownie do Lacińskiego Textu— Angelus pastoribus dixit vigilantibus».

ромъ, какъ мы видѣли, кіевскій авторъ большой Рож. драмы, тоже взялъ эту псальму, въ переводѣ: («Ангелъ пастырямъ вѣстилъ»). Дальше въ этой же псальмѣ, въ польскомъ текстѣ, есть такая строфа:

O dziwne Narodzenie,
Nigdy nie wysławione:
Poczęła Panna Syna w czystości,
Porodzila w całości
Panieństwa swojego.

Въ той же вставкѣ «Ком. рожд.» Д. Рост. это переведено такъ:

То дивное рождество
Не изрѣчетъ вѣтѣйство:
Зачала Дѣва сына въ чистотѣ
И родила въ цѣлостѣ
Дѣвства своего.

Волынская колядка[1]) начинается такъ:

Ой дывнее нарожденне
Божого Сына,—
Его жъ бо намъ породыла
Дива Марія.
Народывся Исусъ Хрыстосъ
Изъ Дивы, зъ Панны,
Нихтожъ теи не дознае
Божои тайны.

Кромѣ этого, мною записаннаго волынскаго текста, колядка эта есть во многихъ варіантахъ въ сборникахъ Чуб. и Голов. (вездѣ первая строка та-же, «Ой дывнее нар.»).

Въ старомъ богогласникѣ, почаевскаго изданія, есть еще такая псальма:

---

[1]) Объ ней упоминалось выше; очень распространенная.

1) Radość wielka nam nastała,
Iaka nigdy nie bywała.

Въ «вертепѣ», по списку Галагана, есть тотъ же номеръ:

2) Нова рада стала,
Якъ на неби хмара [1]).

Въ народной колядкѣ, очень распространённой:

3) «Нова рада стала,
Що на неби хвала»,
(или «*Яка не бувала*»).

Дальше всѣ тексты расходятся, но большая сходность *начальныхъ* стиховъ не могла явиться случайно. Въ № 2, текстѣ *вертепномъ*, стоятъ далѣе слова:—«Просымъ тебе, царю, небеськый *шапарю*» [2]), что, какъ мы говорили, тоже показываетъ на связь съ первоначальнымъ текстомъ польскимъ. Въ колядкахъ, принявшихъ болѣе народную отдѣлку, слово это замѣняется—«небеськый владáрю».

Кромѣ этого номера въ текстахъ вертепа (къ сожалѣнію, сохранившагося въ очень короткой редакціи), есть еще стихи, которые то пѣлись, то говорились (хоромъ, объяснявшимъ дѣйствіе, и режиссёромъ—за куколъ); языкъ въ этихъ стихахъ обычный «вѣршамъ»; въ содержаніи ихъ видно тоже знакомство съ польскимъ текстомъ, или съ самымъ его прототипомъ:

4) «*Ангелъ:* Возстаньте, *пастыріе*, и *бдите зѣло*» [3])
Возстаньте и *радуйтесь*, яко се приспѣло

---

[1]) Думаю, что это случайная замѣна, такъ какъ по народной пѣсенной символикѣ хмара къ «радости» не подходитъ,—соотвѣтствуя понятію о чемъ нибудь непріятномъ.

[2]) Спис. Галагана.

[3]) *Angelus pastoribus* dixit *vigilantibus:*
Nuntio vobis magnum *gaudium*,
Salvatorem omnium in terris *genitum*.
. . . .

Рождество Спасово, міру *пророками* предреченно,
Который вже родывся отъ Дивы совершенно.

—

5) Хоръ: Слава буди въ вышнихъ Богу,
Дающему радость премногу,
Рожденну, явленну
И во яслѣхъ безсловесныхъ положенну и т. д.
(Вертепъ, въ зап. Маркевича)

Интересно сравнить въ *уніатскомъ* почаевскомъ богогласникѣ 1790 г. Рождественскую пѣсню,—она дословно сходна съ приведеннымъ псальмомъ хора (№ 5) въ вертепѣ Марк.:

Слава буди во вышнихъ Богу,
Дающему радость премно́гу,
Рожденну, явленну,
Во яслѣхъ безсловесныхъ положенну. (Богог. № 11).

—

Далѣе въ томъ самомъ вертепномъ хорѣ (у Маркевича) перестановка строфъ и какое-то искаженіе:

Щобъ даровавъ златыи клиты (sic)
Намъ пожыты въ ныхъ многіи литы,—
Спивайте, играйте,
Вси людіе рожденного выхваляйте.

Ты, вертепе, возвеселыся,
Се-бо въ тоби Хрыстосъ родыся,
Во струнной псалтыри
Рожденного прославляйте во всемъ міри.

Волъ и оселъ его вытають,
Пастыріе ёго прославляють
И цари государы
Отъ Персъ и Индіи принесоша дары.—

Quomodo *Aaron virga* fronduit
Atque „*flore floruit*“... (рѣчь о *пророчески* процвѣвшемъ «жезлѣ Аароновомъ»).

Въ богогласникѣ же псальма продолжаетъ такъ:

Волъ и оселъ Пана познаютъ,
Пастыріе его витаютъ,
А цари звѣздари,
Съ Персиды, поклонъ даютъ, кладутъ дари.

—

Ты, вертепе, возвеселыся,
Се бо въ тебѣ свѣтъ намъ явися,
Спѣваймо, играймо,
Людіе, рожденного вихваляймо.

—

Бы златые даровалъ *лѣта*,
Живущимъ намъ во скорбѣхъ свѣта,
Во мірѣ, во вѣрѣ,
Рожденнаго славити при офѣрѣ,

—

Даруй тое, преблагій Боже,
Желаннѣйше намъ есть ничтоже:
А въ небѣ якъ требѣ
Со Ангелы возглашати пѣснь тебѣ. (конецъ).

Къ сожалѣнію, самый старый богогласникъ почаевскій, изъ котораго я беру эту выписку для сличенія, есть все-таки довольно поздняя запись псальмъ (1790 г.), притомъ завѣдомо передѣланныхъ,—какъ о томъ прямо сказано въ предисловіи иноками-издателями. Вертепъ же Маркевича записанъ еще много позже (изданъ въ 1862 г.). Но во всякомъ случаѣ очень большое сходство́ хоровыхъ номеровъ въ вертепѣ Маркевича и Галагана («Нова рада») съ уніатскимъ и польскимъ текстомъ, такъ равно какъ и вышеприведенныхъ колядокъ[1]) съ тѣми же польскими псальмами несомнѣнно. Дальнѣйшіе розыски должны подробнѣе освѣтить этотъ вопросъ.

[1]) Ой дывнее нарожденне, Нова рада, Вчора изъ вечора.

Признавая зависимость, какъ нашихъ колядокъ-виршей, или набóжныхъ, такъ и вертепныхъ псальмъ отъ польскаго *источника*, я не думаю лишать ихъ самобытности, такъ какъ и составители вертепнаго текста всё-же измѣняли его, а колядки, какъ увидимъ ниже, и совершенно переработали полученные вмѣстѣ съ мелодіей основные мотивы пѣсни.

О. Пчилка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повисть.

(Продолженіе [1]).

ЧАСТЫНА ДРУГА.

I.

Сичовыкъ.

Велыке село Пискы. Розкынулось, розляглося и вздовшъ, и вшыръ и впоперекъ, на ривній нызыни, въ балци, а передъ самымъ селомъ мовъ хто борошна насыпавъ—билого писку середъ чорнои землі. Такъ—наче хто билый кылымокъ прославъ, щобъ вытерты ногы, вступаючы въ село. Посередъ села стоить невелычка старенька церковця, трохы перехылылася на одынъ бикъ и вросла въ землю. Не тилькы покривля, де-не-де и ребра порослы зеленымъ мохомъ. Проты церквы, на невысокимъ згирку, велычезный палацъ свитыть дверыма—викнамы... И палацъ уже выдно давній, та ще й запущеный. Стины пооблупувани—де-не-де вывалюется цегла; покривля поржавила; у викнахъ шыбокъ не долычышся. Мабуть нихто не жыве въ тимъ палаци, бо и двиръ непрочыщеный—зарисъ густою муравою. Тилькы дви протоптани узеньки стежечкы тягнутся черезъ увесь двиръ до двохъ невелычкыхъ будынкивъ—по одынъ и по другый бикъ палацу. Все те осунулось, опустылося... Такъ выглядалы Пискы передъ волею.

---

[1]) См. Кіев. Ст. 1903, № 4.

А литъ за пивторы сотни не тилькы цёго палацу, а й самыхъ Писокъ и слиду не було. Тамъ стояло невелычке сельце, чы то такъ—невелычки хуторци розсыпалысь по балци, якъ стогы сина зимою по степу. Мазанокъ було всёго, може, хатъ зъ пьять, а то все—землянкы пры самій земли, якъ могылкы повиддымалыся. Тилькы одынъ дымаръ нагадувавъ, що то не берлога звиряча, а людська оселя, що оберегала людей одъ звира и одъ лыхои годыны.—Землянка була зъ прысинокъ, схожыхъ на ривъ, та зъ хаты—лёху. У хати була пичъ, де можна зварыты йисты та погритыся; однымъ-одно виконечко—мале, якъ оддушына въ бджолянынкахъ выглядало зъ боку на шляхъ. Недалеко видъ землянкы стоялы кружкомъ вербы, мовъ зачаровани дивчата, а посередыни—чорнила яма, обставлена очеретомъ. То—копанка для воды. Огорожи—ніякои. То теперъ тилькы сталы городы обгорожуваты, а тоди—нихто цёго и у думци не мавъ. Зайвои земли лежало неозорно передъ тобою и за тобою... Прыходь, заоры, скилькы хочъ—нихто тоби й слова не скаже. Хиба тилькы сусидній панъ полковныкъ або сотныкъ подума: «Ловысь, мовъ, рыбко, мала й велыка!» Покы тамъ панъ налагодытся сплесты невода, рыбка соби въ затышку плодытся, прыбувае, выростае... Середъ пустыхъ степивъ красуются, якъ квитныкы, весели хуторы, прысилкы, села; де-не-де вже, посередъ села й церква биліе,—ще здалека горыть хрестъ на сонци.

Такъ уродылося багато селъ и хуторивъ округъ Гетманського. Де бувъ колысь биръ,—стало велыке село Биркы; середъ яривъ та байракивъ, мовъ зъ земли вы692рослы Байракы--мали й велыки: тамъ, де колысь на лощыни вовкы вылы та лысыци норы рылы,—красуется село Вовча долына. Тоди заснувалыся и Пискы.

Адже, якъ не давно Пискы насталы, що вже почала вывитрюватысь и людська памьять про ихъ основу,—та людська памьять не сховала того, колы и якъ оселывся въ ныхъ захожый сичовыкъ Мыронъ Гудзь. Заховала тилькы людська спомка, що цей Мыронъ бувъ вже не молодый чоловикъ, коренастый, зъ довгымы усамы, зъ закрученымъ за ухо оселедцемъ, та що винъ ще довго писля того, якъ оселывся, не кыдавъ свого запорож-

ського звычаю—воювання. «Воювавъ, казавъ винъ, зъ ляшнею, воювавъ зъ башею, воювавъ зъ татарвою,—а теперъ воюватыму зъ звиремъ!» И дывысь: скынувъ рушныцю на плече, та й потягъ подовшъ поля—скилькы окомъ зглянешъ... Немае день, немае два; иноди и на третій не выдно. А тамъ—глянь! и несе шкуръ пьять або шисть вовчыхъ. Отакъ Мыронъ доты воювавъ, доты бывся, рубався, покы й самъ не набигъ на свого звира, що й ёго звоювавъ. И нихто другый звиръ той, якъ Марына Зайцивна,—зъ Писчанськихъ такы хуторивъ козача дочка.

Йшовъ якось разъ Мыронъ зъ полювання до-дому. Сонце стояло на вечирнёму прузи, а ще якъ огнемъ пекло. Витеръ подыхавъ гарячый... «Дохожу я, каже Мыронъ, до Зайцёвого хутора—вымореный, змоченый потомъ. Пыты—ажъ душа горыть. Колы—зыркъ!—выскочыла ласочка зъ землянои норы зъ видерцемъ въ рукахъ,—та скикъ у кружало вербъ, до копанкы! Якъ забачывъ, я видро, то въ мене ажъ закыпило въ середыни... Пиду, думаю, напьюся воды холоднои... Иду. А дивчына нахылылася надъ копанкою, бере воду, та стыха спивае... Та такымъ же любымъ голосомъ, такымъ важкымъ спивомъ,—ажъ за серце хапа! Пидхожу я.—Дивчыно! кажу, дай лышъ воды напытыся!—Вона глянула на мене—любесенько такъ... та й спиваты годи. А мени вже тоди и пыты перехотилося... Въ іи чорныхъ блыскучыхъ очахъ втопылася моя згага! Подае вона мени видро, нахылывся я... «А, бодай тебе, кажу, зъ такою водою, яка мутна та нечыста!» Та вже хотивъ бувъ напытыся. Вона—хвить видро... воды—якъ не було,—тилькы калюжка на земли стала.—«Стрывайте, стрывайте: я друге вытягну!»—Та за видро, та до копанкы. Прыхылылась, вытягла. Та вже жъ и вода, холодна, та чыста, якъ слёза. Напывся—трохы не цилисеньке видро выдувъ и подякувавъ,—та й пишовъ. Прыхожу до дому. Що за знакъ? зъ ума не сходыть моя дивчына: такъ передъ очыма и вертытся. Що за нечыста маты?—думаю. Отъ тоби й напывся воды! Переходыть день,—все одно, що вчора. Мынае другый,—не забувается. Пиду на полювання,—вона мени наче мара, зъ-за бурьянивъ прывыджуется!! Разъ на вовка хука давъ; у друге схы-

бывъ; за третимъ разомъ зарядъ у пенёкъ всадывъ... Овва! зовсимъ здуривъ»...

— Такъ воно жъ, бачу, тилькы на Сичы добре козакуваты; а на займанщыни—хлибъ робыты!—Сказавъ самъ соби, та дождавшы недили, и пишовъ до Зайця на хутиръ. Розсказую ёму свою прыгоду, та разомъ, нибы шуткуючы, и дочку сватаю. Гомонымо соби въ двохъ... Клыкнувъ Заець Марыну,—старои не було, за рикъ передъ тымъ вмерла. Отакъ и такъ,—каже дочци: «сватае тебе Мыронъ. Чы пидешъ»? А вона—звисно, молода, соромязна:—Не знаю,—одказуе. «А хто жъ зна»?—пытае батько.—Мовчыть вона. Такъ мы зъ Зайцемъ удвохъ выпылы доброго могорычу,—та й справу зробылы. Узявъ винъ—поблагословывъ насъ. А черезъ тыждень, у недилю, пишлы мы до попа на побыванку, та й повинчалыся. Зъ того часу заржавила сичова рушныця, злигся порохъ, розгубылось креминня. Ставъ Мыронъ Гудзь поле ораты, та хлибъ сіяты, а Марына—сына Ивана колыхаты...

Середъ шырокыхъ та розлогыхъ степивъ, на вильнимъ просторы, вырощувавъ Ивась свою молоду сылу. Кровъ батькивська, сичова, ще змалку обизвалася въ жылахъ малои дытыны. Найлюбищою забавкою було ёму будуваты та руйнуваты землянкы, валы, окопы, шаньци. Чуючы одъ батька страшни прыповисты про війны та походы на туреччыну, на татарву, на панивъ ляхивъ,—Ивась перекладавъ усе те въ дытячи играшкы. Оце зробыть окипъ, та й давай ёго розвертаты,—буцимъ зъ бою бере. Батько дывытся, сміется. Любо старому рубаци згадаты на своій дытыни свои молоди лита! Винъ було Ивася и пидохочуе: А ну-ну, сынку! учыся змалу: на старисть—якъ нахидка буде!

За те маты не дуже втишалася тымы страшпымы играшкамы! Ивась у неи бувъ однымъ одынъ. Ій тяжко и страшно було подуматы, що, якъ выросте іи одынчыкъ, а тутъ—не дай, Господы, схопытся яка заверюха зъ башею або зъ татарвою, та замчыть іи ясного сокола бо-зна за якый край свита,—вона ёго може, бильше и не побачыть. Тамъ десь, въ чужій сторони, середъ кри-

вавои війны, зложыть винъ свою козацьку головоньку; маты не закрые очей своій ридній дытыни: ихъ хыжи орлы зъ гракамы повыклёвують, голодни вовкы—сыроманци порозносять жовти кости. Хиба тилькы зозулька, невтишна вистовныця—прынесе звисточку, що іи сынъ бидолашный полигъ середъ чыстого поля Важко матери, таке згадуючы: гирко та сумно на души, боляче въ серци,—такъ, наче хто шматочо́къ одрывае одъ ёго. И Марына падала на вколюшкы, молыла Матиръ Божу, щобъ велыка заступныця наслала мыръ на іи ридну сторону и захыстыла видъ напасты! Жахаючысь тои страшнои хуртовыны, яка тоди часто й густо пидіймалася, матырыне серце боялося, щобъ Ивась у играшкахъ бува не прывчывся до неи. И, колы батько ти играшки пидхвалювавъ, Марына грымала и на батька и на сына, що збывъ таку кептюгу коло землянкы.

А въ вечери, якъ не спытся Ивасеви, визьме маты ёго русяву головоньку въ свои рукы, цилуе, мылуе, и стыха, любымъ голосомъ, малюе ёму картыну инчого жыття, жыття тыхого, хлиборобського побыту, литнёи праци на своій добрій ныви, зимнёи лежни въ теплій хати, що якъ повна чаша; середъ малыхъ диток, що одно говоре, друге белькоче, а трете въ колысци мугыче; середъ добрыхъ сусидъ, що,—не дай, Боже, хворобы,—и одвидають, и провидають, не, то, що сичове товарыство, котре всюды несе смерть за собою!

Ивась писля того хылывся на матерыну ручъ. На другый день уже винъ не рывъ ровивъ, не копавъ шанцивъ; не высыпавъ окопивъ и не бравъ ихъ зъ бою; а ходывъ соби по горо́ду або по полю, та весело выспивувавъ.

Таки речи разомъ врывалыся въ Ивасеву голову. Дытына сама не знала: що робыты, кого слухаты. Оце батько розскажепро найизды на Туреччыну. На другый день Ивась и воюе зъ нею. А тутъ маты, у вечери, своимъ пестывымъ голосомъ нашепче дытыни про любовъ до всёго жывого. Ивась кыдае свои боища та руйнованння; любуется красою свитовою, квитучымы рослынамы, жывломъ усякымъ,—пестыть козачкивъ, сонечко, коныкивъ; слухае дзвинку жайворонкову писню. Гляне батько на дытыну: той

Ивась, та не той!—не высыпае окопивъ, не рые шанцивъ, не бере ихъ боемъ.

— А що жъ ты, Иване, не берешъ свого Берестечка?— пытае батько?

— Не хочу!

— Чому?

— Маты не велять.

— Чому?

— Кажуть: гришка змалечку прывчатысь, якъ зъ людьмы бытысь. Треба зъ нымы въ мыру жыты!

— Бреше маты! То зъ добрымы, то й въ мыру; а зъ лыхымы,—колы ихъ не вкладешъ, то воны тебе вложать. Отже важчымъ здается Ивасеви тыхе, любьязне матерыне слово, нижъ суворе та грубе батькове. Такъ що, якъ повернуло Ивасеви на шиснадцятый рикъ, то винъ зовсимъ покынувъ играшкы въ бои—та ставъ ходыты биля воливъ, додывлятыся до плуга, до бороны. Спершу и це все було хлопцеви за играшку; а дали— увійшло въ ёго щоденни звычаи, блызько прыпало до серця. Ставъ винъ уже бильше нудьгуваты тоди, колы пидласый, або сывый вилъ захворіе,—нижъ одъ прыповисткы батьковои за татарськый набигъ.

Маты радила. Та й батько—не то, щобъ легко було ёго сичовому серцю дывытысь, якъ замирала въ сынови лыцарська вдача, а все жъ и батько не дуже горювавъ видъ того. Кругомъ усе старе лыцарство розставало. Не стало ривносты,—не стало братства. Козацька старшына, що колысь, выбыраючы на іи головы груддямъ кыдалы, щобъ не зазнавалася,—позадерала теперъ головы въ гору, а прости козачи до самои земли понагынала. Дряпижныкы, сутяжныкы, всяки військови товарыши, розкынулы свои тенеты—и, якъ зайцивъ, ловылы въ ныхъ просту темноту. Не стало вже и гетьмана. Та й на вищо винъ тоди, кому винъ тоди здався? Кругомъ Украину облегло панство, позалазыло въ саме серце—и, якъ те гайворопня, шматувало іи полумертвый трупъ. Зажурылысь наши левенци—та вже було пизно! Та сама земля, котру воны довгымы спысамы скородылы, своимы кист-

камы засивалы, обороняючысь одъ лютыхъ ворогивъ,—стала для ныхъ ворогомъ, одъ котрого прыходылось тикаты. Пиднявся струсь, биганына. Зъ одного мисця переходылы люде на друге, шукаючы воли, бажаючы панивъ здыхатысь—не чужыхъ, а своихъ уже кревныхъ панивъ! Одъ панивъ тикалы въ козакы, давалы військовымъ урядныкамъ басарынкы, щобъ запысалы въ «компутъ козачый»; а козакы не вряды-годы шукалы ласкы въ панивъ—бигалы одъ козацькои старшыны, просылыся «пидъ протекцію». А панъ и старшына—якъ браты ридни! Воронъ ворону ока не выклюе. А часто—самъ панъ, самъ и старшына. Хто самъ соби ворогъ?

Правда, писчане булы ще вильни. Та що зъ того—колы прыходылось дожыдаты, що отъ-отъ и ихъ злыгають. А кругомъ неволя, кругомъ сумъ людськый,—никому порадонькы даты. Пиднялысь булы за Днипромъ гайдамакы, та й ти повернулысь у розбышакы, а не въ справжнихъ лыцаривъ. А тутъ уже чутка: Текеля на Сичи попорався». Ростеклося товарыство,—хто куды. Одни—въ землю; други—до турка; а трети—на Вкраину, до плуга. Прыдыбало ихъ щось два чы тры у Пискы,—та незабаромъ и померлы. Тилькы й памьяткы, що церкву почалы будуваты.

Все це пережывавъ старый Мыронъ, за плугомъ ходячы; все це переболило его гаряче серце, коло хазяйства нудячысь. Зоставея Мыронъ самъ соби, якъ палець. Якъ дубъ середъ осычокъ въ лиси, такъ винъ середъ писчанськои громады. Одынъ одынцемъ! И сынъ—его кревная дытына—цурався батькивського духу!! Сумне недоладне прыйшлося сичовикови волочыты жыття на старисть. И скризь ворогы,—и ворогивъ не мае, бо люде попидылы: нихто не хоче прямо мырятысь сылою! Всюды тыхо, хочъ умырай! А ще козача вдача гучно одклыкалася въ старому серци; рука шукала потягтыся зъ ворогомъ. Такъ же й ворога, окримъ свого хатнëго не мае. Сумно и глухо!

— Пустіе, глухне нашъ край! Незабаромъ и заплисніе середъ такои каламуты!—казавъ иноди Мыронъ, згадуючы давне.

И порядкы яки теперъ насталы!? Що воно за порядкы? Свій свого въ неволю правторыть. Старшына козацтво въ нывець повернула. Уси земли посила. Не даромъ у писни спивають: «Ой дукы вы, дукы, позабыралы вы наши степы й лукы»! А теперъ на ныхъ чужымы рукамы роботызну справляють. Ой, не такъ колысь було въ насъ у Сичи—у нашому козацькому краи! Уси ривни, уси вильни. Сёгодни ты атаманъ, а завтра—я! А земли—скилькы хочъ. Оры, сій, де любищу мисцыну выберешъ. Сказано: воля... А теперъ?.. теперъ що?.. Скажить мени: до чого це йдется?! Ни! немае добра, немае,—та вже, мабуть, ёго николы й не буде!—додасть, якъ гвиздкомъ прыбье, та й замовкне.

Люде слухають, похнюпывшысь. Инчи—потылыцю скребуть.

Трохы згодомъ, отдыхавшы, Мыронъ знову росчынае. Зъ ляхамы-панамы мы былыся, рубалыся, вставалы якъ одынъ чоловикъ. Навищо? На те хиба, щобъ насъ нашою жъ старшыною побыто, у неволю повернено?! Це на те й выйшло: нашымъ саломъ та по нашій шкури! Ну, и носить іи, здорови, покы ще цила, покы не здеруть. А черезъ вищо все? Усе черезъ те, що коженъ самъ про себе дбае. Братове лыхо—чуже лыхо! Немае едносты,—чортъ мае й воли! А якъ бы гуртомъ забралы косы, та шарконулы всю кропыву. Отъ бы—такъ! Чого дывытысь? Косить, кажу! косить, а то гирше буде!

Отакъ не разъ не два выгукуе було, роспалывшысь, пьяненькый Мыронъ своимъ сусидамъ, якъ посходятся де на гулянку, пидъ недилю, або пидъ свято. Писчане слухають, миркують. Де хто зъ давнишыхъ хлиборобивъ и заспорыть зъ Мыронòмъ: якъ и въ старыну добра та ладу не було, а булы тилькы бучи, колотнеча та сваволя.

— Що мы тоди одъ ляшни та татарвы наругы прынялы! Що мы терпилы видъ турка, та видъ москаля! Та часомъ и свій братъ запорожець, якъ було вберется въ хату, то й ладаномъ не выкурышъ. Розоръ бувъ.

— А теперъ? а теперъ??—крычыть Мыронъ.

— А теперъ—що? Теперъ, спасыби Богови хочъ тыхо. У насъ и хлибъ йе, и скотынка прыбувае, и захыстъ безпешный... Жывемо, якъ и люде.

— Жывете?—крычыть Мыронъ.—Ныдіете, а не жывете. Та постойте, постойте, трохы! Буде й вамъ те, що Ведмидивцямъ! Попомнуть и вамъ бокы, якъ Подильцямъ! Тоди знатымете: чы жывете, чы ни! Побачыте. Выдно вже—видкиль витеръ віе.—Покы хвалько нахвалытся—будько набудется!

— Бевзни! никчемныкы! пеньки головати!!—закрычыть на остатку Мыронъ, та й затыхне. Ти, що недавно выселылысь зъ видкиль-небудь до вильныхъ Писокъ, потягнуть руку за Мыроромъ. Почнуть на вси бокы костыты теперешни порядкы, а найбильше панивъ. Станутъ розсказуваты, якъ у Гетманському не тилькы панъ полковныкъ надъ людьми знущается, а якъ пани полковныця черевыкамы зубы и очи выбывала; якъ по цилому тыжню въ колодкахъ морыла сердешныхъ дивчатъ; якъ имъ косы ризала, голову дёгтемъ мазала и пирямъ натыкала; якъ нихто ни женывся, ни замижъ не йшовъ, не заплатывшы куныци.

— То воно и правду каже дядько Мыронъ,—процидыть хто-небудь кризь зубы,—воно бъ то и выкосыты, та никому!

Мыронъ сыдыть, насупывшы бровы, червоный, якъ жаръ,—мовчыть. Выдно тилькы, якъ у ёго груды то пидіймаются, то опускаются, та якъ иноди, зъ пидъ густывъ бривъ, блыскае блыскавка.

Отакъ посперечаются, покрычать; одни поблагословлять, други проклынуть тодишни порядкы, та й розійдутся. А на завтра—и ти и други знову за що-денну хлиборобську працю.—Хто такы насъ займе? Вже колы за гетьманивъ не ганялы, то теперъ байдуже! И порплытся коженъ соби у господи, якъ курка на гнизди. Вымощуе, пидмощуе, смыче, обсмыкуе, курчатъ высыжуе. Ростуть Пискы—и багатіють. Не вряды годы—дывысь: ни видсиль, ни видтиль, та й вырвется якый захожый: або зъ Новои Сичи, зъ-пидъ турка (бо тамъ вира турецька земля бусурманська) або зъ-за Днипра, видъ ляхивъ,—та все на вильни степы, все на вильни степы.

Зопне куринь, выкопае землянку, визьме жинку, та й зажыве тыхымъ хлиборобомъ. Глянь: землянка по землянци, мазанка по мазанци—зъ невелычкыхъ хуторцивъ, набралося хатокъ циле село, зъ улыцямы, зъ городамы, зъ садкамы, зъ левадамы! Спасыби запорожцямъ и церковъ своя. Не треба вже до чужого попа иты ни дытыны хрестыты, ни шлюбъ браты.

Уже Ивасеви за двадцять рокивъ мынуло. Парубокъ литній,—часъ бы вже й про жинку подуматы. Також батько не хоче про невистку и слухаты. «Молодый ще»—було каже. У сына вже усы позакручувалысь, а Мыронъ, абы згадалы про невистку, каже: «Ще молоко не обсохло коло губивъ»! Усе ще, мовъ чогось дожыдавъ старый: не раивъ сынови женытысь. Тилькы тоди вже, якъ почувъ Мыронъ, що зруйновалы Очакивъ, клыкнувъ Марыну (сынови старый сичовыкъ соромывся про це нагадуваты), та й каже:

— Ничого вже теперъ дожыдаты. Годи! Не такъ уже поцвило все—хлиборобськымъ лецарствомъ прыпало. Не козакуваты ни намъ, ни дитямъ нашымъ. Не треба насъ!! Мынулося козаче царство, настало хлиборобське господарство. Пора и сынови хазяиномъ статы. Часъ ёму пошукаты дружыны,—свое кубло звесты!

А маты давно вже й дивчыну наглядила. У заможнёго козака Кабанця була одnымъ одна дочка Мотря. Уродлыва, моторна дивчына; працёвыта й невсыпуща хазяйка. Маты сынови: такъ, и такъ—оте й те казавъ батько. У Ивася ажъ усмихъ пробигъ по лыцю.—Рае маты сынови Мотрю. А въ сына давно вже серце типается, якъ де зострипется зъ Мотрею.

Порадылысь отакъ; поблагословывъ батько зъ матирью святымъ хлибомъ Ивана; важко здыхнувъ старый; маты заплакала—и вырядылы старостивъ до Кабанця. Кабанець добре знавъ старого Мырона, знавъ Марыну й ридъ Марынынъ. Все люде роботящи, не волоцюгы, не пьяныци. Чого ще?

— Якъ знаешъ, дочко!—каже Мотри.

А Мотря стоить коло печи, та въ запичку колупае. Почервонила, розгорилася,—ще краща стала, нижъ була.

— Якъ маты скажуть,—одмовляе батькови.

— А що, стара? каже Кабанець своій жинци:—кажы ще ты!

— Та що жъ мени казаты? Марына—жинка добра; Мыронъ трошкы крутенькый. Та хиба жъ ій зъ Мыроновъ жыты?.. А Иванъ парубокъ—хочъ куды!

— Ну, то й будьмо сватамы!—одказавъ Кабанець старостамъ.

Повьязалы молодымъ рукы, поблагословылы ихъ святымъ хлибомъ зъ силью. Вернувся Иванъ зъ велыкою радистью: прынеслы старосты обминеный хлибъ въ батькову хату. Черезъ два тыжни повинчалы молодыхъ.

Зажывъ Иванъ Гудзь зъ своею молодою дружыною тыхо та мырно, любьязно, спокійнымъ хлиборобськымъ жыттямъ. Землю оре, добро складае. Мотря порядкуе зъ тещею въ хати. Жывуть,—якъ медъ пьють. А тутъ уже й диткы пустылыся. Породыла Мотря за тры рокы трёхъ сынивъ, якъ соколивъ. Йе баби на старисть утиха й забавка! А хлопьята справди вдалыся—нивроку: одынъ Максымъ, другый Васыль, а третій Омелько—здорови, червонощоки, повни! Радило серце батькове та материне, на ихъ дывлячысь, радила и стара Марына, гойдаючы онукивъ. Одынъ тилькы Мыронъ на все чогось понуро дывывся. Одначе й винъ частенько садовывъ на колина до себе старшенького онука, Максыма,—и покы дытына забавлялася ёго здоровенными сывымы вусамы, винъ ёму розсказувавъ гризни прыповисты про давни чвары.

Прыйшлыся цикавому хлопцеви до вподобы дидови переказы, страшни, а иноди й смишни, полюбылысь ёму дидови вычыты—розумни, правдыви, добри. И Максымъ полюбывъ старого дида бильше батька та матери. Уподобавъ и дидъ свого розумного й моторного онука. На крайнимъ порози жыття оддавъ старый свое литамы та негодамы побыте серце малій дытыни. Старисть побраталась зъ малистю; малисть прылыпла до старосты. Жылы однымъ жыттямъ; тишылыся одніею втихою; сумовалы од-

нымъ сумомъ. Старый сичовыкъ натхнувъ свою душу въ молодисеньку душу онука.

II.

Пискы въ неволи.

Та не довго прыйшлося Мыронови втишатысь своимъ малымъ онукомъ, не довго й онукови дослухатысь до дидовыхъ переказивъ! Жыття круто повернуло своимъ важкымъ колесомъ—та й закрутыло Пискы въ неволю!

Йихала недоля до ляхивъ у гости, та завернула у Пискы. Пронеслася, якъ гримъ грянувъ, чутка: писчанъ оддалы генералови! Пидъ той саме часъ ляхы закуёвдылысь. Затипалось розшматоване тило Речи Посполитои, якъ типается индыкъ писля того, якъ голова одрубана. Якъ не рвався, якъ не кыдався гарячый Костюшко, щобъ розбудыты чоловичу душу въ панському тили,—ничого не вдіявъ. Винъ проклявъ тоди вельможне шляхетство, що довело отчыну до смерты, натыкався зъ горя на свою смерть, швергонувъ геть видъ себе, якъ бильше непотрибну, гостру шаблю—и закрычавъ не своимъ голосомъ: «Капутъ Польщи»!.. Одгукнувся той крыкъ далеко, далеко—ажъ у самыхъ Пыскахъ. Досталыся Пискы панови Польському.

Що жъ то за панъ? Хто винъ? де винъ узявся?

Кажуть бы то, що то бувъ небагатый шляхтычъ—зъ тіеи «голопузои шляхты», котра въ Польщи за панування магнативъ, кышила по ихъ дворахъ, пыла ихъ меды, вына, оковыту, йила хлибъ, надбаный «хлопствомъ», танцювала пидъ панську музыку, выбырала вельможного магната—свого патрона—въ урядъ, у сеймови послы, йиздыла зъ нымъ по сеймыкахъ та сеймахъ, крычала, колы хотивъ іи владыка, «згода!» а пидъ часъ готова була за свого хлибодара вытягаты зъ пыховъ гостри шабли—и розлываты братерську кровъ. Гультяи, свавольныкы, дармойиды, воны иноди зраджувалы пана, перебигалы до другого, котрый бильше выкочувавъ имъ пьяного трунку, котрый роскыдавъ имъ зароблени хлопськымы

рукамы, гроши... Магнатъ лютывся, розсупонювавъ свою калытку, кыдавъ пьяніи зграи золоти червинци, переманювавъ нымы щырыхъ прыслужныкивъ видъ третёго магната, заводывся зъ тымъ, що переманывъ ёго слугъ, бажавъ помстытыся, и знову розлывалася, шумила ричка братерськои крови. Та такъ не разъ, не два.—таке жыття тяглося цили викы шляхетського панування, ажъ покы Польща впала, росшатана рукамы свого безпутного вельможного шляхетства. Магнатамъ же—байдуже! У ныхъ було земли немиряно: булы хуторы, села, навить цили городы—не десяткы, а сотни тысячъ люду, зъ здоровымы до праци рукамы, котри, наче самъ Богъ, розгнивавшысь, прысудывъ трудыты на одного вельможного дармойида. Магнатамъ було—байдуже! За те урвалася нытка «голопузымъ». То було въ пана въ двори—и сытый винъ, и пьяный; а теперъ—не треба вже панови конныци, пикинеривъ, жовнирства: винъ теперъ роскошуе въ Парыжи, въ Рыми, въ Бадени. Що жъ було робыты тымъ голоднымъ ротамъ, котри прызвычаени до гулянокъ, до сваволи, а не до праци? Чымъ ёго й де ёго годуватыся и обуватыся? «Голопузи» сыпнулы по всихъ усюдахъ. Поробылысь окономамы, управытелямы, поссесорамы невелычкихъ маеткивъ, а де-якы побралысь на службу до сыльного колысь ворога, а теперъ владыкы—москаля! Подрыбзавъ пихтурою и панъ Польськый зъ быстрои Стыри ажъ до самои холоднои Невы. Зализъ у якыйсь полкъ, терся по переднихъ у вельможъ, покы такы дотерся до генерала и до Писокъ!

Не вспилы писчане одуматысь, якъ прыйиздыть самъ вельможный у Пискы—та ще й не самъ, а зъ якымсь жыдкомъ—обтипанымъ, обсмыканымъ у довгополому, заложеному балахони, въ ярмульци на голови, въ патынкахъ на ногахъ. Хто зъ роду не бачывъ жыда, не знавъ на кого бильше дывытыся: чы на генерала, чы на ёго жыда, що ходывъ за нымъ слидомъ—мовъ прышытый до генеральськыхъ хвостыкивъ.

Генералъ прочумавъ писчанъ першый.

— Теперъ уже вы не козакы,—сказавъ винъ, зибравшы громаду,—годи вамъ гайдамацтво плодыты! Теперъ вы мои. За мои щыри послугы, сама царыця пожаловала мени Пискы.

— Якъ це? що це? зъ якои це речи??—загула громада, якъ передъ бурею. Мыронъ одризнывся одъ громадянъ. Выступывъ зъ лавы, пидійшовъ до генерала.

— То це, каже, такъ?! Це вже и до насъ рукы простягаете? Уже й на вильни степы пора? Помагай-би! А хиба тамъ забулы, якый уговоръ малы? га? забулы??—Генералъ трохы подався назадъ и пыльно дывывся на Мырона; зъ-за генеральськои спыны выглядала перелякана жыдивська пыка, зъ пейсамы. Люде поторопилы. Тыхо, нихто ни пары зъ устъ. Генералъ чувъ, якъ типалось серце у Мырона.

А Мыронъ проказавъ ото генералови, та до громадянъ:

— А що, люде добри? Не я вамъ казавъ? Не я вамъ пророкувавъ? Отъ же радьте теперъ!

Селяне, якъ жукы, загулы: «не дижде! До вику не дижде! Щобъ мы робылы? Щобъ мы ёму служылы? Не диждешъ, ляше!!»

Генералъ не вытерпивъ.—Мовчать!—закрычавъ винъ, ще й ногою тупнувъ. Жукы прытыхлы. Посунулысь назадъ трохы. Мырона не выдно.. Мыронъ пидъ шарпаныну десь дився.

А генералъ, мовъ по команди, выкрыкуе.—Земля моя! и вы мои! и все мое!!

— Брехалы твого батька сыны, та й ты зъ нымы!—хтось ёму зъ середыны.

Якъ хто прыскомъ кынувъ на вельможного! Пидскочывъ до лавы; зацидывъ по уху переднёго, той ажъ стовбура ставъ, закрычавъ на звощыка; пхнувъ у повозку жыда, що вже давно вертився коло повозкы; вскочывъ самъ—и тилькы курява встала.

Крайній пидвився, покректавъ, пиднявъ зъ земли шапку, почухавъ за вухомъ и обизвався до товарыша:

— Оце такъ! Оце поздоровкався!!

— Чомъ ты ёму зубивъ не поличывъ?—загомонилы кругомъ, зъ усихъ бокивъ.

— Эге, чомъ! Колы винъ—бисы ёго батькови,—не вздривъ звидкиля й выхопывся!

— Чому жъ ты ёго хочъ на повозку не пидсадывъ?—жартуе хтось зъ середыны.

— Тому, що за твоею спыною не сховався!—одказавъ зъ серцемъ крайній.

— За те жъ винъ тебе и охрестывъ, що ты напередъ лизешъ?!

— Охрестывъ!! о-го-го... го-о, го-о!.. То справди охрестывъ!!—регоче громада.

Зъ того часу крайнёго прозвалы Хрещеныкомъ: Хрещеныкъ, та й Хрещеныкъ.

— Та буде вамъ! годи!—гукнувъ чоловикъ зъ чорнымы вусамы, а зъ сывою головою. Знайшлы, колы реготатыся! Кажить краще: що робыты?—Регитъ стыхъ. Громада загомонила:

— Та мы й до Кыива, мы й у столыцю, мы до самои царыци! Що це за напасть? Де ця проява вырескалась?

Прыходять до Мырона радытысь: що робыты? якъ бы краще?

— Чы не пойихалы бъ вы, Мыроне, въ столыцю розвидаты? Що це за прычепа така звидтиля вырвалась? Чы не перепросылы бъ тамъ кого?

— Щобъ я йиздывъ? Щобъ я просывъ??—закрычавъ Мыронъ не своимъ голосомъ.—Та краще я всю симью свою пидъ турка выведу! Легше въ бусурманській земли зогныты, нижъ у себе дома въ панській неволи пропасты.

Громада пишла видъ Мырона ни зъ чымъ, миркуючы та сумуючы.

Зажурывся й старый сичовыкъ. Не йисть, не спыть...—

«Сынъ, онукы, своя кровъ, свое дило, свое добро, земля, худоба, все, все въ неволи»!.. Такъ шептавъ старый, по двору ходячы. Не знае, де мисце знайты! Колы це одного вечора, пропавъ старый... Немае ночуваты; не прыходыть вранци; не йде обидаты; не вертае и на вечиръ. «Де винъ? де старый сичовыкъ Мыронъ Гудзь? Чы не бачылы? чы не чулы?» Нихто не чувъ, не бачывъ.—Переходыть день, мынае другый,

третій—якъ кризь землю провалывся! Марына плаче. Сынъ сумуе. Невистка якъ зъ хреста знята. Диты й ти прытыхлы, мовъ ихъ и въ хати немае.

А генералъ тымъ часомъ не сыдыть, зложывшы рукы, не дожыдае, покы пищанська громада самохить пидставыть пидъ ярмо шыю: «Оры, мовъ, вельможный пане»! Генералъ знае, що вола треба добре прызвычаиты, щобъ, колы скажешъ «шыи!»—винъ шыю пидставывъ. А покы то винъ обходытся,—треба ёго сылою неволыты. Генералъ свое робыть.

То немочный дбае за сылу, а генералови—що? Покотывъ у Гетманське; розсказавъ, якый «бунтъ» пиднялы писчане; якъ неуважно прынялы царыцыну мылость; обизвавъ усихъ за це быдломъ, гадюкамы,—нехъ ихъ дзяблы визмуть! А на другый день знову прыйихавъ у Пискы,—та тилькы вже не вдвохъ зъ жыдомъ. Ще ледви зоря займалася, въ Пискы вступала москаливъ рота. Налетила Москва на Пискы, якъ сарана на зелене поле,—та й кынулась усе жерты, все трощыты.

Писчане такого не сподивалыся. Поторопилы,—сами не зналы, що початы. Повыходылы зъ хатъ; збылысь у купу, якъ отара пидъ дощъ, коло церквы; послалы за батюшкою, щобъ одправывъ молебень. Батюшка побоявся,—не пишовъ. Трохы по троху писчане закрычалы, загвалтувалы, що воны ляшкови до вику не покорятся, що видъ ляхивъ диды та батькы ихъ тикалы сюды на слободы, а теперъ ляшкивъ сюды насылають пануваты! Може бъ ще довго гвалтувалы, колыбъ прыкладамы ротивъ имъ не заципыло...

Порозганялы ихъ по домивкахъ. Якъ схарапужена отара,—кынулысь воны въ ростичъ, хто куды. Де-хто въ други села; инчи въ лисы та болота; а де-яки ажъ на пичъ позалазылы. Такый сумъ наче на село божа кара впала, або татарва найшла. На двори бильше жинокъ выдно; а чоловикы, яки булы дома, боялыся зъ хаты й носа выткнуты. Коженъ сыдивъ,—якъ той критъ у нори.

Такый переполохъ—генералови на руку ковинька. Винъ ходывъ зъ хаты въ хату—робывъ усёму своёму добру перепысь.

Лейба на пальчыкахъ тыхо слидкувавъ за паномъ, якъ вирный собака за стрильцемъ. На ничъ пойидуть у Гетманське; а на ранокъ знову въ Пискахъ. Пыше, та й пыше.

Покы генералъ перепысувавъ свое добро, справывся й Мыронъ.

Тыжнивъ тамъ черезъ два, чы що, вернувся винъ до-дому—засмаленый сонцемъ, увесь прыбытый пыломъ.

— Не журысь, сыну!—скрыкнувъ старый, увійшовшы въ хату, забувъ и поздоровкаться.

— Ось тоби—на! Покы свита сонця, козакомъ будешъ. А ти, що не слухалы мене, дурного,—хай теперъ, якъ сами знають!—Та й виддавъ сынови до рукъ бумагу.

Мовъ сонце вступыло въ хату. Таки вси ради весели. И Мыронъ вернувся, и волю прынисъ. Теперъ ихъ нихто не прысылуе ни панщыною, ни чыншемъ.

Якъ же довидалысь про бумагу писчане,—давай у-вечори, крадькома, до Мырона бигаты:

— А що? А якъ?

— А такъ—якъ бачыте!—каже Мыронъ.—Хто запысаный «въ компутъ», той до вику вильный, и симья його, нащадкы його на викы вильни; а хто не запысаный,—тому генераловымъ буты!

Якъ почулы таке писчане, батечкы! Щобъ його даты, якъ бы його зробыты, щобъ тилькы запысанымъ буты? Якъ такы: одного села люде, однаково жылы, вкупи хлибъ-силь дилылы, вкупи робылы, а теперъ: одни—вильни; други—невильни! Одни запысани въ якыйсь «компутъ»; други запысани (не даромъ винъ пысавъ) за генераломъ! Хто жъ туды запысаный? хто сюды? Хто розбере? Бида та й годи!

Генералъ розибравъ. Не дурно жъ винъ терся зъ мисяць у Гетманському—оббывавъ у старшыны порогы; не даромъ своимы ногамы обходывъ кожну хатку въ Пискахъ.

Що це за знакъ: то писчанъ розгонылы, а це війтъ по селу бига—загадуе на завтра усимъ хазяинамъ до церквы зби-

ратысь? «Уже впьять якась новына!»—миркують писчане. А про те посходылысь.

Рано ще. Сонце тилькы ще схопылося, та таке пекуче, сердыте, мовъ хто не давъ ёму выспатысь. Ажъ душно писчанамъ. Стоять воны на цвынтари, гомонять. Колы трохы згодомъ, на шляху щось закурыло, зателенькавъ голосный дзвинокъ. Серце въ кожного на хвылынку стало, а дали—дужче затипалось. Попрытыхалы вси; послалы очи на шляхъ. «Тпру-у»!—кони спынылысь коло брамы. Громада заворушылась, затовпылась. Коженъ знавъ, хто прыйихавъ, и коженъ посувався впередъ своимы очыма побачыты.

Зъ повозкы выскочывъ генералъ, якъ слидъ генералови: въ мундыри, въ палетахъ, срибный поясъ зъ кинцямы стягувавъ тонкый перехватъ. За генераломъ вылизъ зъ повозкы якыйсь панокъ—нызенькый, старенькый, згорбленый трохы; а за панкомъ—Лейба, генеральськый жыдъ. Москали выстроилысь недалеко за цвынтаремъ на выгони. Генералъ першъ усёго пидийшовъ до ныхъ, поздоровкався. Дали—послалы Лейбу за батюшкою—молебень служыты. Батюшка,—якъ зъ земли вырисъ. Одправылы и молебень. Тоди старенькый панокъ, що зъ генераломъ прыйихавъ, давай писчанамъ вычытуваты: за яки и за яки послугы «пожалувалы» ихъ генералови,—та хто зъ ныхъ записаный въ «козачый компутъ», а хто въ генеральськый «реестръ». Кожного хазяина вычытувавъ та выкрыкувавъ, и не помылывся! Козакивъ—тилькы жменька; а генераловыхъ—повнисеньки Пискы!

Якъ пиднимуть тоди генералови баталію! Де той и страхъ дився?!

— Мы все, все покыдаемо!.. до чыста все!.. грунты, и хаты, и худобу... пидемо шукаты иншого краю... кращои стороны, воли!!

Гвалтъ, лементъ такый—ажъ у дзвиныци гуде.

Козакы тымъ часомъ сталы одризнятысь. Повыходылы зъ гурту, та й потяглы до-дому, жинкамъ хвалытысь, що ихъ теперъ нихто не займе, бо воны и диты ихъ до вику вильни. Зо-

сталыся на цвынтари одни генералови. Довго воны гвалтувалы, крычалы, що отъ заразъ же такы все покыдають, та й пидуть. Генералъ давай ихъ утишаты, що воны теперъ ёму не потрибни —що винъ ихъ не буде насыльною роботою морыты,—на панщыну ганяты...

— Вы мени давайте отого й того, по скилькы тамъ, та платить чыншъ за землю, а тамъ—жывить соби, якъ сами знаете. Мени зъ вамы не жыты: мое мисце въ столыци. Що слидъ, оддавайте Лейби: винъ у мене на хазяйстви зостается.

— Служылемъ, ясневельможному пану,—увирвавъ Лейба, перегынаючысь,—зъ малыхъ лятъ и бенде служыць до коньца мего жиця.

— Вемъ, Лейбо, вемъ! ты естесь шляхетны жыдъ,—одказавъ генералъ.

— Такъ прыстаете?—обернувся до громады.

— Щобъ мы платылы за свою землю? Щобъ мы давалы? За вищо? Ни зроду вику!—закрычала громада.

— Якъ знаете. Колы не хочете платыты, я васъ пожену на панщыну. Даю вамъ день подуматы: що для васъ зручнише. Чуете, пислязавтрёго щобъ я знавъ!

Та й пойихавъ соби. На цвынтари пиднявся гвалтъ ще бильшый.

Уси выкрыкувалы, що покыдають. За тымъ и розійшлыся.

Правда, де-яки, гарячиши,—душъ може зъ десять—позабыралы торбы на плечи, тай потяглы шукаты вильнои стороны. А решта—зосталася. Куды його? якъ його? Воно бъ то и пійты, пьятамы накываты,—та якъ глянуть воны на свои хаткы, садочкамы закрашени, на свои засіяни поля, що зеленіють навкругы села; якъ згадають,—якъ биля ныхъ, мовъ биля дытыны, свои рукы ходылы; якъ здумають прощатысь зъ старымъ гниздомъ, де,—мовлявъ,—и вылупывся и выгодувався, зрисъ и посывивъ,—зъ батькивськымы могыламы... Шкода имъ стане ридной стороны; страшно невидомои, темнои якъ ничъ, будущыны... Та й зосталыся до слушного часу!

Прыйиздыть генералъ.

— А що? якъ?

— Та мы вже вамъ, пане, дамо, що тамъ треба,—тилькы не зачипайте насъ!

— Добре, хлопци! добре! Такъ бы давно. Покирлыве телятко дви маткы ссе. Отъ вамъ на могорычъ! Вынявъ золотого, подавъ крайнёму.

Лейба крутывся биля пана, не знавъ зъ якого боку пидступыты. Генералъ помитывъ.

— Що тоби, Лейбо, треба?—пытае.

— Нехъ ясневельможны панъ бендзе ласкавъ,—жебы хлопи не едней кгуральни не будовали, ни тежъ жадной корчмы не трымалы!

— Та ще, слухайте—ось що. Щобъ нихто зъ васъ бильше ни горилкы не курывъ, ни шынкарувавъ! Вы мои—и шынокъ буде мій. Ось, вамъ Лейба и горилкы накурыть.

Писчане почухалы потылыци. Воны догадалыся, що це тилькы почалося—ось що!!!

Попрощався генералъ зъ нымы. Сидаючы въ визокъ, гукнувъ:—«Глядить, бережить мени Лейбу»!—Та тилькы писчане ёго бачылы.

Лейба зоставсь на хазяйстви. Черезъ мисяць прыкотыла въ Пискы велыка-велыка буда,—писчане зроду такои не бачылы, а въ тій буди--Лейбова жинка и жыденятъ зъ десятеро. Одно одного меньше. Генералъ одибравъ Лейби на краи села гуляще мисце; за лито зипьявъ Лейба на высокыхъ стовпахъ будынокъ—и ставъ шынкуваты. Пишло все по старому, та по давнёму. Козакы й генералови жылы соби въ мыру, спокійно, тыхо; оралы землю, засивалы, жалы, косылы, молотылы; збиралы добро, худобу; дитокъ плодылы—ридъ шырылы. Прыйшло въ Пискы ще килькы душъ захожыхъ, та й оселылысь мижъ селянамы. Генералови давалы Лейби,—чы то пакъ генералови—одсыпного трохы, платылы невелычкый чыншъ,—та сами соби й порядковалы якъ зналы.

Звыклы писчане до Лейбы. Прывыкъ Лейба до писчанъ. Сталы воны до Лейбы въ шынокъ ходыты,—могорычу пыты. Ко-

зачи шынкы обмыналы, бо въ Лейбы горилка дешевша. Ставъ Лейба нужный чоловикъ на сели!

И Лейба—нивроку! Зъ довгополого, засмальцёваного демыкытонового балахону, убрався Лейба въ чорный ластыковый; и Сурка Лейбова ходыла не такою заяложеною, якъ прыйихала; и Лейбови диты—не таки мыршави та шолудыви. Йе въ Лейбы,—не знать де винъ и взявъ іи,—й коза зъ козыняткомъ; биля Лейбовои коровы ходыть уже наймычка Гапка; завивъ Лейба и пару шкапокъ. Зажывъ Лейба зъ писчанамы, сказавъ бы, якъ у Хрыста за пазухою,—колы бъ Лейба въ Хрыста вирувавъ. А то Лейба—«невира», Лейбови предкы надъ Хрыстомъ знущалысь. Було иноди за те Лейби, якъ пидопьють писчане! Та не такъ Лейби, якъ Лейбовымъ дитямъ. Не разъ гвалтувавъ Лейба, що хлопци його дитямъ повырывалы пейсыкы, понамазувалы саломъ губы, що,—абы не встрилы,—заразъ и насядуть, якъ шулика курчатъ!

Та силькось! Пейсыкы знову одросталы; сало на губахъ обмывала Сурка,—жыденята рослы, гладчалы, сталы ажъ вылыскуватысь, якъ сыти поросята, котрымы ихъ дражнылы хлопци. Гараздъ Лейби!

Не погано й писчанамъ. Пискы пиднялыся, розкоренылыся! Весело кыдалысь у вичи середъ шырокополого степу цвитучи огороды, зъ вышневымы садочкамы. Чорни, понури землянкы часъ одъ часу все злазылы. Натомисть, помижъ зеленою гущавыною колючыхъ грушъ, плакучыхъ вербъ, темно-зеленои вышныны, билилы чепурни мазанкы, зъ трёма викнамы, зъ пидведеною червоною глыною прызьбою, въ середыни—зъ прысинкамы, зъ хыжою, а часомъ и зъ кимнатою. И тыны скризь калачыкомъ позаплитани, де-не-де и зъ остришкомъ; и ворота тамъ и тамъ дощани; а коло воритъ, мовъ сторожа, выглядалы на шляхъ довгошыи журавли.

Мыронови ничого того не довелося бачыты. Якъ косою, скосыла його думка про неволю. Захыривъ старый, згорбывся, скарлючывся, та й умеръ останній сичовыкъ безъ одного року ста литъ.

III.

Паны Польськи.

Бида, кажуть, не сама ходыть, а зъ диткамы. Перший разъ вона затесалась у Пискы зъ генераломъ. А такъ—рокивъ, може, черезъ десятокъ,—якъ зъ неба впала середъ Писких вистка, що генералъ умеръ, и генеральша йиде зъ сынамы на село жыты.

Писчане спершу не вирылы. Чого вона сюды прыйиде? Що вона тутъ забула? Чого тутъ не бачыла? Та тоди тилькы поняли виры, та й то ще не зовсимъ, якъ понайиздылы въ Пискы бородати кацапы. Генеральша, першъ нижъ сама прыйихала, заздалегидь понасылала зъ батькивщыны прыказчыкивъ. Лейба тоди, одпасшысь на панському добри, пишовъ на пиднижный кормъ.

Понайиздылы нови прыказчыкы, та заразъ кынулысь одбыраты мисце для панськыхъ покоивъ. Дывылысь, обдывлялысь, мирялы, розмирялы,—та звелилы Блищенкови та Мотузци выселытысь ажъ на выгинъ. Ти, якъ почулы—рукамы й ногамы! Та трохы не наложылы головамы.—Такъ воны мусилы все свое добро покыдаты, кынулы симью, та й змандрувалы.

Якъ побачылы таке писчане, та й зажурылыся. Встала передъ ихъ очыма ихъ будуща доля—сумна, заплакана, безъ воли, безъ радосты, зъ батогомъ у рукахъ!

Дожыдаты страшного страшнійше, нижъ ёго пережываты. Що буде? Що завтра буде?—коженъ думавъ, лягаючы спаты. А тымъ часомъ, на сёгодни роботы було доволи; кацапы роскыдалы Блыщенкову та Мотузчыну хату. На завтра заложылы натомисть палацъ. Десь понабувалы и дерева: такого понаверталы, що писчане ажъ жахалыся. На пислязавтрёго загадалы чоловикамъ тее дерево обтисуваты. Забралы чоловикы сокыры,—пишлы обтисуваты. Незабаромъ и вродылысь, якъ зъ земли выраслы, великы рублени палаты, ажъ у дванадцять горныць, зъ лёхамы пидъ нызомъ, зъ бляшаною покривлею. Дывовалысь писчане, що така озія стоить середъ села, а навкругы ихъ—нызеньки хаточкы.

А палацъ справди выглядавъ далеко краще, нижъ писчанська невелычка церковця.

Отже воны ще бильше—не то здывувалыся, не то переля-калыся, якъ у вечери бородатый прыказчыкъ ходывъ видъ хаты до хаты—загадувавъ щобъ завтра жинкы булы той палацъ мазаты.

— Ой, горенько! що жъ то теперъ буде?—пыталы кризъ слёзы чоловикивъ жинкы.

— Не що,—треба иты, щобъ не було, бува, того, що Мотузци,—раилы чоловикы.

На завтра рано-рано, чуть зоря, жинкы, залываючысь слизьмы, прощалыся зъ диткамы, мовъ выходылы въ далеку дорогу—перший разъ потяглы на панщыну. Швыдко той палацъ и обмазалы. А кацапы, тымъ часомъ, будовалы кухни, коморы, сараи, станю. Не тилькы треба панамъ десь жыты,—треба десь челядь мистыты, провызію складаты, коней ставыты. Треба поспишаты, щобъ довгобородому Потаповычу превосходытельна й спасыби сказала!

Та й ганявся Потаповычъ за тымъ спасыби! Кыдався и сюды и туды; самъ бигавъ за тымъ и за другымъ; скризь устрявавъ; всюды вештався, прыдывлявся: надъ робитныкамы крючкою высивъ. Здается, писчане не дбалы такъ за своимъ добромъ, якъ Потаповычъ за генеральськымъ. Таке ёму смашне те генеральське спасыби!!

Ще генеральша въ дорози, а вже Потаповычъ цили Пискы зганяе: муштруе «хохликовъ», якъ треба «кгаспажу» зустричаты.

Ажъ ось—и сама прыйихала...

Збиглысь писчане,—козакы й генералови—дывытысь на неи, мовъ на яке дыво. Кацапы порядкувалы. Козакивъ геть попрогонылы. А генераловыхъ—чоловикивъ выстроилы въ одну лаву, жинокъ—у другу; парубкивъ—у третю; дивчатъ—у четверту, а малыхъ дитокъ—у пьяту. Сывыхъ дидивъ выслалы назустричъ зъ хлибомъ-силлю... «Ось, мовъ, вельможна,—усе твое добро

прыпадае»... Потаповычъ такъ и вчывъ, щобъ сказалы:—«прыпадае до твоихъ превосходытельныхъ нигъ»!

Выйшлы диды сыви безъ шапокъ, зъ хлибомъ-силлю... Такъ батько та маты стричають молодыхъ, якъ ти вертаются зъ церквы. Генеральша за дорогу дуже втомылася;—сказала, що недужа, не прыняла ни хлиба, ни соли, навить не глянула на кумедію... Такъ и пишовъ набій задаромъ!—Писчане тилькы побачылы свою «молоду» зъ заду—высоку, суху, якъ вьялену тараню,—колы вона вылазыла зъ пышного рыдвану, та сунула въ горныци, злягаючы на рукы двохъ хороше зодягненыхъ дивокъ...

Диты—два хлопчыкы: старшенькому литъ, може, дванадцять, а меньшому зъ десять,—повыскакувалы зъ матирью зъ рыдвану, та й побиглы мижъ народъ. Не глянулы воны на дидивъ; мынулы чоловикивъ, жинокъ, парубкивъ... Панськи оченята зразу забигалы по роскишному садочку ризныхъ квитокъ, що выглядалы зъ-за чорнявыхъ дивочыхъ голивъ...

Оглядившы дивчатъ, перебиглы воны до хлопьячои лавы. Хлопьята стоялы безъ шапокъ, зъ нызенько пострыженымы головамы, зъ невелычкымы оселедцямы. Панычи запыталы: що то, полапалы рученятамы, поскублы злегенька. Наризно одъ писчанъ, неподалеку, стоялы кацапы—у червоныхъ сорочкахъ, у шырокыхъ бородахъ—и сміялыся зъ панычивськои выгадкы.

— Вишь, Афоня,—на што ѳфти хохлики!.. Знатна, баря, дери!.. А ну, вотъ таво хахлёнка!

— Какова?—пыта старшенькый, поглядаючы то на хлопьятъ, то на кацапивъ.

— А вотъ таво,—чумазаво!

Панычъ узявъ за оселедчыкъ чорноголового хлопця, що стоявъ зъ краю. Той, якъ яструбъ вырвався.

— Чого ты скубешся? Дывысь—якый!!

— Ты, ты, и! Зарычалы на ёго бородати заступныкы, сципывшы кулакы й зубы! Старенька, згорблена бабуся, повьязана билою хусткою зъ намиткою, высунулась зъ-за другыхъ жинокъ. Блида, якъ крейда, вона кризь слёзы ледве промовыла:

— За ви-що жъ вы, паныченькы, знущаетесь зъ хлопьятъ!.. А гришка!

Панычи весело зареготалысь, та й побиглы въ горныци.

Незабаромъ прыйшовъ прыказъ росходытысь: барыня зъ дорогы спочываты хочуть! Лавы перемишалыся... Потяглы писчане по домивкахъ, носы повисывшы, понеслы неодрадни думкы въ похнюпленыхъ головахъ, невеселе почування въ серци..

Доброго, кажуть, дожыдаты треба, а лыхе—само прыйде.—На другый же такы день прыйшла загадка—зносыты Омелькову и Стецькову хату, що прылягалы городамы до панського двору: нигде було садка заводыты.—Знеслы хату Омелькову и Стецькову, насадылы садокъ, ставокъ выкопалы и рыбы напустылы.—Трохы згодомъ—улыця вузька. Треба росшырыты,—треба вризаты людськыхъ городивъ!—Уризалы й городивъ,—розчыстылы не вулыцю, а майданъ...—Зновъ велено: позносыты насупроты палацу вси хаткы, бо за тымы крывобокымы хаткамы немае ніякого выду зъ панськыхъ виконъ!—Позносылы й супротывни хаткы,—насадылы передъ дворомъ высокыхъ та тонкыхъ тополь...

Отакъ що день—усе новый та й новый прыказъ, нова та й нова выгадка. Що для каминець по каминчыку выбывалы зъ людськои воли. Коженъ часъ вкорочувався урывокъ, на якимъ булы писчане прывьязани до генеральши,--покы не вкоротылы такъ, що вже можна було безпешно за чуба браты!..

Писчане довго не подавалыся, а все такы генеральскои сылы не подужалы. Тоди воны кынулысь до того, до чого кыдается немочный. Воны наляглы на ногы,—давай тикаты! Знимется оце чоловикъ майне на вильни степы Катеринославськи або Херсонськи, або й на Динъ; оселытся, де знае; а черезъ рикъ жинку зъ диткамы выкраде—переведе туды. Багато тоди накывало пьятамы и одынокыхъ и цилымы симьямы... Тоди и поговирку зложылы: мандривочка—наша титочка! Таки що-денни, безперестанни мандры дуже ображалы генеральшыне серце. Вона всимъ и усюды жалилася на невдячнисть «хахлацкова мужичья», на ёго грубу, звирячу натуру. Де жъ пакъ? Прокляти «хахлы», гречкосіи, не хотилы ораты ланивъ мылостывои велыкородной, паніи Польськои, по батюшци—Дюрыгынои!! У неи, въ Бородаеви, все народъ «руськый»—и той слухавъ; а ци «мазепы»—тикалы!!!

Отъ-же якъ не мандрували «мазепы», а все такы бильше сотни симей зосталося на розвидъ панамъ Польськымъ, на послугу ихъ прымхамъ та выгадлывымъ прымусамъ. Генеральскый прыказъ, зъ нагайкою въ рукахъ, зробывъ доладу свое дило. Винъ розимьявъ звирячу натуру; обблилувавъ іи, якъ овечку; прычесавъ, прыгладывъ; натворывъ цилу ватагу дворни; а зъ завзятыхъ степовыкивъ поробывъ покирныхъ воливъ, котри вздовшъ и поперекъ переорювалы теперъ уже панське нывья, та засивалы зерномъ—на прыбутокъ панській кышени...

А и не трохы жъ то треба, щобъ іи наповныты! Симейка въ генеральши,—абы госпóды! Зъ нею прыйихалы два сыны,—опецькувати, швыдки, якъ молошни телята. Черезъ рикъ сынивъ генеральша одвезла въ науку, а зъ наукы вернулась старша дочка.

— Эй! Кто тамъ?—гукнула генеральша.

У порога, якъ стовпъ, стоявъ лакей, у чорному сертуци, у манышци зъ брыжамы, пры часахъ.

— Позвать Потапича!—прыказала глухымъ голосомъ, зъ протягомъ.

Лакей выйшовъ. Незабаромъ Потаповычъ увійшовъ.

— Слушай, Потапичъ! Вѣрѣ Семеновнѣ нужна кгорнишную.

— Вѣстима, нужна,—прогувъ густымъ басомъ Потаповычъ.

— Выбери красивую дѣвушку.

— Какъ прикажете, ваше превосходительство!

— Молодую, лѣтъ этакъ—шестнадцати, только поскорѣе!

— Слушаю-съ.

— Завтра, что-ли.

— Слушаю-съ.

— Потаповычъ выйшовъ.

А вранци рано—Кырыло Очкуръ, зъ жинкою, зъ малымы диткамы, проводылы до двору, якъ до гробу, старшу дочку Ганну,—вродлыву, хорошу дивчыну.

— На другый рикъ прыйиздыть друга дочка; на третій—третя.

Хто жъ буде вычисуваты ихъ, заплитаты ихъ довги, чорни косы? Хто стягатыме дивоцьки корсеты? Хто буде вышываты спидныци, комирчыкы, рукавци? Не мынула панського хлиба Омелькова дочка Олеся; ходыла за менчою барышнею невелычка дивчына,—сырота Уляна, дочка того самого Хрещеныка, що генералъ, нехай царствуе, похрестывъ... Въ дивочій за пьяльцямы сыдила Стеха, Маруся; ткала кылымы Гапка.—На другимъ кинци палацу, у лакейській, нудылы свитомъ безъ роботы Петро, Вареныкивъ сынъ, та Иванъ Шкляръ; а передъ самою залою, на стильчыку, у ливреи зъ золотымы позументамы, Степанъ Пугачъ,—молодый, вродлывый камердынеръ генеральши. А въ кухняхъ—скилькы!! Треба подуматы,—чымъ ту юрбу голодныхъ ротивъ нагодуваты; треба жъ ихъ и зодягты чымсь. А своя симья? Тры дочкы—якъ голубочкы!! Простому чоловикови треба розумомъ роскынуты, щобъ дочци скрыню прыдбаты. А що жъ то за дума морочыла генеральшыну голову, щобъ надбаты ажъ трёмъ генеральскымъ дочкамъ? Та чы одна въ матери думка! Не держаты жъ дочокъ на высадкы: треба и про зятивъ подуматы. Дивчата—не розсада, щобъ ихъ ховаты геть одъ свиту. Дивчатамъ треба свиту,—багато свиту. Треба, щобъ ихъ побачылы; треба, щобъ и воны бачылы. Треба, щобъ було чымъ згадаты молодый дивоцькый викъ! Заклекотавъ генеральськый палацъ. Музыка, ажъ струны рве,—грае; у викнахъ свитла—свитла: здалека здается—горыть у середыни палацъ! Саме велыкый найиздъ. Циле чорне подвиря каретамы, колыскамы та бричкамы заставлено; пидъ каретамы, позасвичувавшы лихтари, грають кучери въ хвылькы, у трылысныка, або въ джгута; у стани хрумають кони смашне степове сино.

А въ горныцяхъ гостей—нигде просунутысь! Найихалы зъ Гетьманського гусары; завернувъ старый Крывынськый зъ цилою нызкою старыхъ дочокъ; не забула й Шведчыха—и вона тутъ, зъ своею дочкою кралею; а коло неи вертытся сотныченко Саенко,—молодый, чорнявый, веселый, танцюрыстый; тутъ же и гетьманського колысь полковныка Кряжа сынъ Павло—похожае зъ сыномъ полковныка Кармазыномъ, що прыйихавъ на бенькетъ

зъ молодою жинкою ажъ зъ самого Ромна. Не тилькы зъ Гетьманського, найиздылы иноди до генеральшы гости и зъ сусидняхъ повитивъ.

Генеральша — прывитча хозяйка кожному скаже ласкаве слово; до одного обернется зъ усмихомъ, до другого — зъ повагою; кожному годыть; коло кожного ходыть. Гостямъ— прывилля! Хто въ карты грае; хто дывытся; инчи балакають то се, то те: тамъ зибралась купка—розсказуе, яки теперъ ледацюгы крепакы поробылыся; уверне й генеральша свое слово про своихъ мазепъ. А въ гостынній—панійкы скреготять, якъ ти сорокы: безъ сорома кожного на зубахъ перетырають. У залу дверы росчынени: у ныхъ натовпылась цила юрба тежъ паніёкъ,—ніякъ пройты. Пидмичаючы, хто коло якои дивчыны залыцяется, моторни цокотухы шепочуть одна другій свои думкы про любощи, надіи—про шлюбы. А въ зали—розвернулысь танци на вси бокы,—ажъ помистъ ходоромъ ходыть. Тилькы—круть та верть круть та верть! Гусары не даромъ найихалы.

— По танцяхъ—туды вже къ свиту, якъ прокрычать други пивни,—вечеря. Свитомъ тилькы розйизжаются.

Та такъ справляють не одни менины (а и то жъ то чотыры разы на рикъ), справляють на риздво бенькетъ; бенькетують на масныци; на велыкодныхъ святкахъ. Це велыки, прохани бенькеты. А такъ гости—не мынае дня, щобъ за столомъ не сыдило душъ тры або чотыры чужыхъ.

Весело, роскишно жыла генеральша. Не сумувалы й генеральски дочкы,—бо николы було. Та й чого ёго журытыся панночци, молодій, не поганій, зъ велыкороднои симьи, та й не зъ порожнимы рукамы?

Правда, чы порожни въ генеральськыхъ дочокъ рукы, чы не порожни—про те сами воны николы не думалы, не гадалы. За ныхъ думала маты, а справджувалы ихъ думку бородаевци, та писчане. Бородаевци прывозылы ій по два разы на рикъ «оброкы», а писчане, якъ ти волы, робылы на неи по чотыры дни въ тыждень,—та зносылы въ двиръ курей, гусей, яйця. Чому не гуляты!!

Гуло отакъ генеральске подвиря щось, мабуть, рокивъ зъ пьять. У старшои дочкы почалы вже въ куточкахъ коло очей складатысь ледве прымитни брыжыкы, похмурнишавъ трохы выдъ. Колы це—прыйихавъ здалека, ажъ зъ Бородаева, сусида—панокъ, та й оженывся на старшій. Одгулялы весилля. Пискы зъ роду-вику не бачылы такого весилля! Палацъ ажъ ревивъ, стогнавъ. Почынъ, кажуть, велыкый чоловикъ. Якъ побачылы гусары, що зъ передъ носа таке добро выплывае, та ще дужче зачастылы въ Пискы. Черезъ пивъ-року оддалы другу дочку—за старого гусарського полковныка. Осталася на утиху матери сама менча. Такъ же й утихы зъ неи—ніякои! Меньшои дочкы генеральша не долюблювала. Не разъ, було, грымае на неи, сварытся, и зодягала іи бидныще, нижъ старшыхъ. Розсказувалы, що менча дочка прогнивала матирь: у себе въ хати разъ переховала горнычну Уляну, котра—капосна дивчына—тилькы те й робыла, що сердыла генеральшу. Скаже грубо; гляне якось дуже вильно;—мовъ дывытся въ вичи своіи ривни. «Яка сама,—така въ тебе й горнышна!»—докоряе було, розгнивавшысь на дочку, генеральша. А дочка—на лыхо соби—гаряча вдалася: николы було не змовчыть. Пиде въ ныхъ спирка та змашка. Не разъ матерыне серце щымило видъ іи гиркого слова.

Якъ на тежъ: устрявъ за менчою дочкою «чумазый хахолъ»,—отой самый хорошый сотныченко Саенко. Устрявъ, та й устрявъ.

— Слушай, Дуня, чого винъ до насъ йиздыть? я вже сёгодня ёму рукы не подала,—каже разъ маты, вырядывшы Саенка.

— Незвычайно зробылы. Саенко—чоловикъ, якъ слидъ.

— Хто—чумазый хахолъ?!

— То що, що хахолъ, доказуе дочка:—хиба хахлы не люде?

— Мазепы! облываньци, а не люде!

— Та хто тамъ бувъ: чы ёго купалы, чы облывалы,—заступается дочка.

— Гляды—справди: чы ты бува не вляпалась у того жучка, що такъ заступаешся?

— А хочъ бы й такъ. Чымъ не чоловикъ?

— Що це зъ тобою?! чы винъ тоби ривня? Твого батька сама царыця витала, прыймала, Пискамы жалувала! А винъ— що? Може, ёго батько въ гайдамакахъ бувъ. Харцыза! дигтяръ!! П-ху-у!

— Яке мени дило до ёго батька,—одказувала дочка, вже йдучы до себе въ хатыну.

Черезъ день Саенко знову въ Пискахъ.

«И стыда и сорома не мае, и честы! Я ёму спыну показую, а винъ що-дня. Сказано:—зъ хама не буде пана!»—каже розгнивана генеральша.

Отже хамъ такы свого дойиздывся. Разъ дочка прызналась матери, що вона хама покохала, а хамъ іи покохавъ, и обое разомъ просять у матери «благословенія».

— Зъ кымъ? зъ кымъ?—закрычала генеральша, мовъ хто шыломъ шпыгонувъ іи.—Зъ дигтяремъ?!! Та рука бъ мени одсохла!

— Ну, якъ знаете. Не хочете,—мы й такъ побfeatures беремося. Богъ зъ вамы: вы не моя маты, я—не ваша дочка!

Якъ почула таке генеральша, якъ зальется слёзамы!

— Чы я жъ гадала, чы я дожыдала, щобъ моя ридна дытына такъ мое серце вразыла?!

Щось зъ мисяць шла баталія. А дали—бачыть генеральша, що дочкы не переможешъ,—ще, не дай господы, всёму роду наробыть сорому,—взяла та й поблагословыла.

Весилля не справлялы: генеральша нездужала.

Повизъ Саенко свою молоду жинку до себе въ Кытайку,—та не повизъ посагу...

Зосталася генеральша сама соби на хазяйстви. Недавно була симья велыка, було такъ весело, гарно; а теперъ—никому ни розважыты, ни розигнаты суму. Старша дочка—десь далеко въ Московщыни; середня--тягается по всихъ усюдахъ за полкомъ, а менча хочъ и недалеко, такъ же краще іи не бачыты! Не такъ іи, якъ іи «мазепы», безъ котрого вона ступня не ступыть. Генеральша до вику не простыла дигтяреви того, якъ винъ осмилывся знева-

жыты «честь» іи старынного роду,—побратысь зъ іи дочкою! Довелося генеральши на старости литъ самотою свитомъ нудыты. А и старисть же іи вподобала! То була суха; а то ще дужче высохла; ажъ згорбылась, ажъ мовъ поныжчала; голова—сывымъ срибломъ блыщала.

Будынокъ велыкый,—а никого нема! Идешъ на однимъ конци—на другимъ ступни одгукуются. Ажъ сумъ бере! Обнявъ сумъ та нудьга и генеральшыну голову. Видъ суму й генеральськи головы не заховаются. Сама не знае вельможна—що робыты. Хочъ бы чымъ трохы одвесты свою самотню душу, погриты одыноке серце. Старе серце завжде шукае,—де бъ ёго погритыся, кому бъ ёго посвитыты на прощання своимъ погаслымъ свитомъ. Генеральша до людей давно охолола. Люде сами шукають тепла та свитла. Де свитло, тамъ и тепло. А теперъ у старимъ серци на макове зерно. Кому жъ ёго оддаты?

Генеральша не довго задумувалась: взяла тай оддала ёго котамъ. Лакеи и горнышни скризь ходылы по селу та зносылы въ горныци хвостатыхъ мышодавивъ. Генеральша выбрала, якыхъ сама знала. Завелось у палацу циле котяче царство: коты и кишкы, и кошенята. Для послугы царству, генеральша нарошне взяла въ двиръ бездитну вдову Мокрыну.

Мокрына за нымы дывытся. Мокрына ихъ завжде годуе, стеле имъ постиль. То воны за Мокрыною слидомъ. Иде якось разъ Мокрына, а за нею кошенятко. Вона й не доглядила—прыдавыла якось дверыма. Котятко запыщало. Генеральша якъ почула,—наче ій пальця одрубалы! На другый день котятко здохло. Що жъ,—такъ те Мокрыни и мынулося? Такъ ій те й подарувaты? Генеральша була не зъ тыхъ, що посердятся та й забудуть. Не подарувала и Мокрыни котячои смерти. На другый день, Мокрына середъ села, прылюдно, цилый день мазала паньськи кухни зъ окола, а на шыи въ Мокрыны за іи щыри послугы—на червоній стёжечци, телипалося здохле котенятко!!

То доставалось тоди не одній Мокрыни, и не за одни котенята. Було всимъ добре! Дочку, кажуть, дай, та й за дочкою

оддай. Повыдавала генеральша дочокъ: за старшою далекый Бородаивъ оддала—никому «оброкивъ» теперъ платыты; за середнёю уплылы ти «оброкы», що насклададала давнище; тилькы одна «мазепыха» не пожывылася. А все жъ такы, що генеральша прыдбала, те й уплыло за дочкамы. Треба—значыть—знову складаты, свое убожество полататы. Писчане роблять тилькы чотыри дни на тыждень. Щобъ уже имъ и пьятый день робыты?! Загадалы пьятый. Писчане послухалы: пишлы на панщыну и пьятый день, сподивалыся незабаромъ ще й шостого.

Шостый загаявся. Шостого генеральша не вспила накынуты

Черезъ цю Ульку жыття мени нема! Що не зробыть,—все не по-людськы; и що не скаже,—то збреше!

Такъ не вряды-годы жалилася генеральша своимъ сусидамъ на горнышну Уляну, що зъ малои дивчынкы, на панськимъ хлиби, выкохалась у справжню дивку—билолыцю, чорняву, зъ повнымы очыма, спивуху невсыпущу.

Любылы Уляну въ двори и за дворомъ, старе й мале. Любылы въ Уляни щыру душу, добре серце, а найбильше—веселу натуру. Хто кого покохае,—Уляна перша знае; зажурывся хто,—Уляна розважыть. Уляна не знае горя! Вона справди николы не журылася; а може й журылася, та нихто того не знавъ, не бачывъ. Бачылы Уляну,—весела; чулы Уляну,—спивае; слухалы,—яки Уляна выгадкы выгадуе, квиткы прышывае. Сказано: не журь-дивка! Одно тилькы лышенько: немае генеральши жыття черезъ дивку Уляну! Не доспала превосходытельна: «Чы то можна заснуты за тіею зипакою»? А Уляны цилый ранокъ и въ горныцяхъ не було: въ кухни людей смишыла, покы генеральша спыть.—Не дошыла Стеха прызначенои роботы—рукавчыкивъ,—Уляна вынна. Вона своимы реготамы та теревенямы не дае дивчатамъ дила робыты. Не швыдко прыбигъ лакей на генеральшынъ клыкъ,—не де жъ винъ бувъ, якъ не щырывъ зъ Уляною зубы!! Сказано: не мае жыття генеральши черезъ ту Уляну!!

Одного дня,—чуе генеральша,—у дивочій тыхо. «Мабуть, уже кудысь майнула, побигайка!»—подумала генеральша, та й выйшла довидатысь. Уляны въ дивочій не було.

— Де Улька?—пытае дивчать.

— Пишла, кажуть, у кухню воды напытысь.

— Позвать!

Прыходыть Уляна.

— Де ты була?—заглядуючы въ вичи, пытае генеральша и на кожному слови прыдавлюе. «Поганый знакъ!»—подумалы дивчата.

— Въ кухню ходыла, воды пыты,—одказуе Уляна.

— Хиба тутъ тоби воды немае?—показуе на грахвынъ зъ водою.

— Це вже давня. Я ходыла свижои напытысь,—каже Уляна.

— Свижои? Брешешъ! Ты зъ бахурамы знюхалась. Ты зъ Стёпкою. Стёпка! Стёпка!—гукнула генеральша.

Черезъ увесь будынокъ, мовъ несамовытый, летивъ камердынеръ Стёпка. (Генеральша вподобала Стёпку за те, що винъ моторный и красывый зъ себе. На велыкдень одногу Стёпку пидпускала до рукы похрыстосуватысь. Гапка-ткаля розсказувала въ кухни, що очевыдячкы бачыла, якъ генеральша гладыла Стёпку по пидбориддю своею сухою, костлявою рукою. Чы правду Гапка казала, чы выдумала,—нихто не скаже. Людямъ, а надто горнышнымъ, ротивъ не позавьязуешъ).

— Ты де бувъ?—стрила Стёпку генеральша и прямо глянула ёму въ вичи.

— У лакейськiй.

— Брешешъ! Ты бувъ у кухни. Прызнавайся: бувъ у кухни?

— Бувъ, каже Стёпка.

— Бачъ, iи! бачъ! Не я жъ казала. Ажъ такъ и йе!! Такъ ты здумала барыню обдурюваты? Такъ ты злыгалась зъ лакеямы? зъ Стёпкою?? Такъ ты въ моимъ генеральськимъ доми осмилылась бахуривъ позаводыты??! Постій же!

— Петре! Иване!

Лакеи, якъ опечени, одынъ одного штовхаючы, кынулысь на генеральшынъ крыкъ.

— Прынесить березкы!—сказала генеральша поважно, тыхо, мовъ звелила хустку або воды податы,—тилькы очыма засвитыла хыжо.

Лакеи побиглы назадъ. Дивчата ныжче попрыгыналысь до пьяльцивъ. У тій тыхій говирци имъ почулася гризна буря. Усе прытыхло, прытаилося. Такъ затыхае чорна хмара передъ тымъ, якъ мае гримъ загуркотиты. У хати зробылось душно, важко, мовъ стеля въ нызъ опустылася и нагничувала дивчатамъ головы. Ни одна зъ ныхъ не ворушылася. Имъ страшно було подуматы: що—не дай боже, якъ стринутся ихъ, мутни видъ страху та жалю, очи зъ іи очима?! Воны боялысь глянуты и на Уляну, щобъ не скрыкнуты!

А Уляна стояла по одынъ бикъ хаты, коло одныхъ дверей. Лыця на ній не знать! По другый бикъ хаты, коло другыхъ дверей—Стёпка. Винъ якось смутно дывывся въ нызъ, на помистъ,—мовъ забувъ: де винъ, що винъ,—забувъ и про генеральшу, и про Уляну: думавъ щось друге, свое. А посередъ хаты, мижъ двома вынуватымы, стояла генеральша. Выпрямылась—высока, суха, мура, ажъ зелена; а очи—якъ и у іи любымчыкивъ—котивъ—жовти-жовти. Вона нымы гризно поводыла то на Стёпку, то на Уляну.

Вернулыся лакеи, зъ пучкамы въ рукахъ.

— А нуте провчить іи, щобъ знала, якъ барыню обдурю...

— Панійко! голубонько!!—не дала договорыты Уляна—и кынулась въ ногы.

— Прочь!

— Не буду! Я не бачылась зъ Стёпкою. Ой, не буду! Я не була въ кухни. Ра-ту-й-те! Я бигала до дядыны. Ой, ра-ту-й-те!! Ра-ту-й-те, хто въ Бога вирує!!!

Дивчата ще ныжче, до самого шытва, понагыналы головы. На пьяльци закапалы слёзы.

— Стёпка—за двери.

На сылу пидвелы Уляну...

До Стёпкы—якъ його лызь злызавъ. Що вже було Петрови та Иванови, що выпустылы Стёпку! Пропавъ Стёпка, якъ у воду впавъ. Нема, та й нема, та й по сей день нема! Перетревожылась генеральша. Де Стёпка? Де винъ дився? Чого винъ утикъ? Чому винъ, дурный, не схотивъ обновыты старои на нову шкуру?! А все не черезъ кого, якъ черезъ неи, черезъ ту дивку Уляну! Сказано: не дасть Уляна генеральши вику дожыты! Знемоглася генеральша. У вечери спать лягла, стревожена,—не попрощалась навить и зъ котамы; у ночи посылалы Дмытра кучера въ Гетьманське за ликаремъ; вранци верховый бигавъ у Кытайку до «мазепыхы»! Бида! А на третій день товстопузый Потаповычъ самъ пидтюпцемъ перъ до отця Юхыма, щобъ збиравъ «соборъ»—робыты маслосвятіе. Пособорувалы генеральшу въ обидню годыну, а на ранокъ и по души прозвонылы.

Дойихала такы іи дивка Уляна!!

Не вспилы генеральшу поховаты, якъ прыйихавъ зъ полку старшый панычъ—теперъ уже якыйсь тамъ поручыкъ, чы що. Тонкый, цыбатый, якъ журавель, зъ рыжуватымъ, шорсткымъ, якъ на ведмеди, волоссямъ, зъ велыкымъ лобомъ,—хочъ кошенятъ бый, зъ велыкымы, розумнымы, сирымы очыма, зъ товстою, у нызъ одвыслою, губою. Якъ вылыта маты!

Осився Васыль Семеновычъ на батькивськимъ добри. Першъ усёго звеливъ роспудыты котяче царство. Годи ёму роскошуваты! Старыхъ котивъ зъ кишкамы роздавалы писчанамъ мовъ гостынци, одъ нового пана; а кошенятамы, якыхъ люде не бралы, велено въ ставку рыбу погодуваты. Сказано—зроблено.—Потимъ того одпустылы за двиръ Петра лакея: панычеви буде одного Ивана.—Дивчатъ Васыль Семеновычъ не роспускавъ чомусь. Не ридко було самъ у дивочу зайде, жартуе зъ дивчатамы. Тымъ тилькы було и душу одводыть, що ходыть зъ рушныцею, та колы тамъ зъ дивчатамы побалакае. Найбильше ёму подобалась Уляна. Весела, спивуча, вона не давала журытысь молодому панычеви.

— Десь у тебе, Улинько, соловей въ голоси гниздо звывъ!—хвалыть Васыль Семеновычъ іи голосъ.

— А може—сыныця,—жартуе Уляна.

— Ты сама—сыныця!—одказуе панычъ и злегенька здавыть іи за носа пальцямы.

Уляна зачервоніе, якъ макова квитка.

Роскишъ дивчатамъ за молодымъ паномъ. То було—страшно лышнёго слова сказаты, боялыся лышній ступень ступыты одъ загаданои роботы. А теперъ—робота лежыть, а дивчата свое справляють... Реготы, спивы—ажъ будынокъ розглягается! Уляна всимъ верховодыть. Паничеви за носа оддячыла: стала ёго за носа водыты... Що Уляна схоче,—панычъ не встоить!

Отакъ щось тяглося зъ пивроку. Колы це—одного вечера, велыть панычъ Иванови складаты, що нужнище въ чемоданы—завтра кудысь далеко йихаты.

Вранци рано, ще свитова заря тилькы займалася, пиднялась у палацу биганына. То збиралы въ чемоданы збижжя Васыля Семеновыча. Покы встало сонце, усе було вже готове.

Прокынувся и Васыль Семеновычъ. Напывся чаю; поклыкавъ до себе дивку Уляну; сказавъ ій, що—може—винъ бильше не вернется; обицявъ за іи щыри послугы николы не забуты; дозволывъ ій покынуты палацъ, жыты, де сама знае; давъ на нове хазяйство 50 карбованцивъ грошей; подарувавъ усе іи, яке мала, убрання; поцилувавъ навить на прощання въ лобъ, якъ цилують мертвого друга, та й бувъ такый!

Выйшла Уляна одъ панича зъ червоными, заплаканымы очыма. Того жъ самого дня забрала вона, яки подарувавъ панычъ, манаткы; попрощалася зъ подругамы, котри іи зъ плачемъ провожалы ажъ до іи дядыны, де вона и оселылася. Черезъ мисяць—гулялы весилля. Уляна йшла замижъ за Петра Вареныка—того самого колысь лакея, що нашывъ ій нову шкуру. А черезъ тры мисяци—пославъ богъ Петрови сына Ивана!

Покы все це діялось, Пискамы правывъ Потаповичъ. Ще николы Писчане не зазналы такого лыха, якъ тоди, колы ными правыла мицна рука товстопузого Потаповыча. Не одному вона выправыла щелепы; не въ одного вылущыла зубы; не одній молодыци попидсынювала очи... Важкый бувъ на руку Потаповычъ, та дужый!

Черезъ рикъ вернувся Васыль Семеновычъ зъ молодою жинкою. Незабаромъ и братъ ёго, Степанъ, прыйихавъ— тежъ охвыцеръ, и тежъ зъ молодою жинкою. Взялы воны та й подилылы мижъ собою «писчанськый ключъ». Одному—по сей бикъ Чортополоху; другому—по той бикъ. Вовча Долына, Байракы, Побыванка—досталыся менчому; а Пискы, Гайдамакивка, та Красногорськый хутиръ—старшому.

Писчанамъ спершу наче бъ то и поводы попустылы. Панъ навить, на новимъ хазяйстви, подарувавъ на симью по дню поля. За те, трохы згодомъ, прыкрутывъ ихъ такъ, що николы було й того поля ораты.

Потаповычъ ставъ уже невгодный. Винъ выкупывся на волю и завивъ надъ Ромоданомъ трахтыръ. А молода барыня, замисть старого, выпысала зъ свого села нового прыказчыка—Карпа Дровыченка. Карпо—свій чоловикъ: а писчане ще й доси не можуть безъ проклёнивъ згадаты Карпа.

— Уже Потаповычъ бувъ!—кажуть писчане:—зубы тоби повыбывае, очи попидсынюе, щелепы зверне, а все такы шкоды не зробыть! А цей—иржа, а не чоловикъ! Уже якъ у кого встряне, якъ уйистся; точыть-точыть, покы такы наскризь не проточыть! Такъ ёго писчане и прозвалы Иржою. И справди—Иржа наточывъ и соби не трохы, й панови... Винъ пидбывъ Васыля Семеновыча на шостый день панщыны и поле назадъ одибравъ.

— Роспылысь, зовсимъ розледачилы! Зъ панщыны все такы не пиде въ шынокъ...

Писчане справди роспылысь, розледачилы. Забулы навить въ мандры бигаты. Якъ було хто втече, то це таке дыво—на пивроку розмовы! Неволя, якъ той чадъ, задурманыла людямъ головы. Уже воны и не сумувалы—наче такъ тому й треба! сталы тилькы по шынкахъ кыснуты... Колы не на панщыни, то въ корчми. Иржа не одного вже купавъ и въ березыни видъ запою, не помагае!

Зубожало село... Обшарпане, обтипане... Тилькы козачи хаткы и билiють...

Сталы прокыдатысь де-не-де и злодіячкы—новына въ Пискахъ! Перше колысь николы ни въ кого и двери не запиралыся; а теперъ—и на засови страшно. Доставалося иноди й панськымъ коморамъ...

Бачыть Васыль Семеновычъ, що въ Пискахъ не перелывкы,—що колы-небудь вберутся прокляти пьянюгы та й зъ душею не выпустять,—та сказавъ будоваты новый палацъ на Красногорськимъ хутори, та й перебрався туды жыты. Сталы тоди велычаты хутиръ—Красногоркою.

Хто зъ гетьманцивъ не знае Красногоркы?? Хто не знае «Меккы», куды збиралось зъ цилого повиту пансьтво, якъ на Магометову могылу бусурмане зъ цилого свиту?.. Не въ одному Гетьманському знають Мекку, знають іи й по-за Гетьманськымъ... Та якъ же іи не знаты, колы тамъ жыве такый чоловикъ, якъ Васыль Семеновычъ—голова зъ рода панивъ Польськыхъ?

А ридъ же то роскоренывся—велыкый та дужый! На новимъ хазяйстви въ Васыля Семеновыча симейка, якъ кукиль, покотылася. Що року, та й дытынка. Шкода тилькы—всёго одынъ однымъ сынокъ за десять рокивъ, а то все дочкы—ажъ шисть дочокъ.

Та вже жъ и сынокъ у Васыля Семеновыча,—сказано: якъ бы такый розумъ—батько, якъ дви капли воды. Такый зъ лыця, такый зъ стану, така врода, така и натура. Батько, якъ бувъ ще хлопцемъ, любывъ лапаты за оселедчыкъ чумазого. Сынокъ, якъ зипьявся на ногы, любывъ и соби лапаты... А такъ якъ писчане вже оселедцивъ не носылы,—то й за мняке тило можно полапаты...

Васыль Семеновычъ—чоловикъ твердый на слово. Сказавъ Уляни—не забуду—и не забувъ! Якъ пидрисъ іи Ивась, Васыль Семеновычъ звеливъ узяты ёго до паныча у горныци. Такъ же и ледащо Улянынъ сынъ, а Чипчынъ батько... Ни роботы зъ ёго, ни послугы ніякои—одна шкода! Натерпився видъ ёго сынокъ Васыля Семеновыча, покы запекла душа не потягла въ мандры... Такъ молоденькый panычъ и не долапався: чы тверде, чы мняке

въ неи тило. Правда, незабаромъ кудысь и самого паныча одправылы вчытыся.

Не таки дочкы въ Васыля Семеновича, якись цыганкы подавалыся! Зъ чорнымы очима, зъ довгымы, якъ кендюхы, носамы, зъ цыганськымъ кучерявымъ волоссямъ, а чорни жъ то чорни, якъ у сажу вымазани! Нестеменно—плащувати цыганкы... За те въ Степана Семеновыча дочкы--кожну хоть у рямця вправъ! А проте и плащуватымъ, и въ рямцяхъ—треба женыхивъ, ажъ цилый десятокъ женыхивъ!

Бажалы бъ паны Польськи повыдаваты своихъ дочокъ за багатыривъ и зъ роду знатного... Такъ де жъ ты наберешъ стилькы багатыхъ та знатныхъ женыхивъ? А въ Гетьманському—якъ на те! всёго тилькы тры значныхъ роды на цилый повитъ. Одынъ ридъ—Гетьманськый, николы не жывъ у себе дома: въ столыци родывся, хрестывся, вырисъ, тамъ и жывъ.

Другый ридъ—багатый ридъ козачкы Шведыхы—Шведовыхъ бабы, що зумила провесты онукивъ зъ простого козачого роду села Свынокъ, ажъ у самый дворець. А третій ридъ—Польськыхъ.

Два коты въ однимъ мишку не помырятся. Не помырылыся и Шведовы зъ Польскымы. Васыль Семеновычъ хвастае було, що ёго батько въ дворци бувъ, якъ свій чоловикъ; а Петро Степановычъ Шведовъ самъ камергеръ, самъ покоштувавъ того дыва: то, бувало, хоть ничого и не скаже на ти хвастощи,—такъ же гляне скоса такъ, мовъ скаже: «А ты що, голубчыку?..» Васыль Семеновычъ потупыть тилькы очи... Отакъ ни защо, зъ-за панськои пыхы, й ворогуваты сталы. А воно бъ и гараздъ: у Петра Степановыча—сыны, у Васыля Семеновыча—дочкы... Та-ба! Така ворожнеча пиднялась... крый, господы!

Лита идуть... Дочкы ростуть, хочъ на базаръ выводь! Хочъ бы тоби хто на смихъ здумавъ у себе въ хати завесты плащувату цыганку! А то жъ—никогисенько! Степана Семеновыча дочкы—дарма що молодчи—вже ёму и онукивъ подарувалы; а цыганкы сыдять у батька, якъ пидъ шатромъ... Ничого робыты: давай Васыль Семеновычъ заклыкаты до себе не багатыхъ и не

велыкородныхъ панычивъ, абы тилькы зъ дворянського кодла;—давай на ныхъ накыдаты своихъ плащуватыхъ... Поробылысь зятямы Совынськи, Крывынськи, Березкы, Мытили... Скризь по цилому повиту позаводылысь хутори плащуватыхъ цыганъ. Дійшло до того, що и у Гетьманському й кругомъ Гетьманського паны—родычи та й родычи. Роскоренывся и ридъ Саенкивъ—жиноче кодло панивъ Польськыхъ—усе такы своя кровъ. Усе то булы жывоты, котри прытьмомъ бажалы йисты й пыты,—ажъ роты пороззявлялы. То була здавна, ще за Гетьманщыны, голодна, ненажерлыва сарана, котра налетила зъ Польщи на вильни степы роскишнои Украины... Жерты, трощыты—одна въ неи здавна думка... Звыкшы пидбыраты крыхты зъ панського столу, вылызуваты тарилкы писля смашныхъ панськыхъ стравъ,—вона передала и нащадкамъ нахлибныцьки звычаи, и страшенну жагу до всёго смашного... Своимы рукамы вона ничого не заробляла,—бо шляхетськи рукы здалысь на що инче—до гострои шабли, до легкои послугы чы королю, чы магнату... Нащадкы «голопузыхъ» усмокталы зъ матерынымъ молокомъ про це думку... Було ихъ у війську сыла,—найбильше тамъ воны и почыналы свою службу. А вертаючысь до-дому,—бо військова служба, разъ, не легка, а въ друге—и не безпешна,—осидалысь на батькивськыхъ грунтахъ—и роззявлялы роты... Хотилося йисты й пыты, и хороше походыты... Зъ чого жъ ёго? Де ёго взяты, щобъ своихъ панськыхъ ручокъ не покаляты?

Отъ воны и поробылысь зятямы заможныхъ панивъ... Прямо сказаты: попродалысь, сподиваючысь за те нагороды.

Паны не выпускалы зъ дому своихъ дочокъ голыхъ и босыхъ. Та й тилькы жъ то, що манаткы давалы, та на пивсотни душъ на завидъ. Що ты зъ такою жменькою людей зробышъ? Не прыйматыся жъ справди зятямъ панивъ Польськыхъ самымъ за плуга:—дворянынови соромно було свои рукы коло земли трудыты; не копатыся жъ у грядкахъ и дочкамъ велыкыхъ панивъ, котри за молоду ихъ кохалы въ багатстви, и роскошахъ... Що жъ ёго казаты?

Зъ половыны двадцятыхъ по шестыдесяти рокы бувъ у насъ золотый викъ панського панування. Паны не тилькы панувалы надъ хуторамы та селамы, надъ родовымы и неродовымы маетностямы,—не тилькы переорювалы шыроки и довги ланы селянамы та хуторянамы, иноди ихъ миняючы на довгоногыхъ хортивъ,—панськый духъ витавъ скризь и всюды: и въ городи, и въ повити, и въ губерніи. Усимъ и усюды заправлялы паны. Зъ панивъ выбиралы комысаривъ, потимъ того, зъ ныхъ перероблювалы капытанъ-справныкивъ, а дали—просто справныкивъ; панськый выборный бувъ суддя и пидсудкы...

А головою цилого повиту бувавъ тежъ такы выборный дворянамы маршалъ, пизнише—предводытель дворянства... Сказано—якъ йе, цилый повитовый урядъ, окримъ казначея (скарбныка), окружного, почмейстра, стряпчого («царевого ока!»), та становыхъ,—бувъ панськый выборный... Лахва була!!

Тоди саме настало царювання и панивъ Польськыхъ у Гетьманському. Худоба ростеклась на вси бокы, по всёму повиту. Дочкы не прынесуть, а и що йе, то рознесуть. Увирвалы трохы добра и у Васыля Семеновыча,—та ни сами не забагатилы,—тилькы ёго зубожылы. Що жъ ёго вбогымъ робыты? Треба на щось жыты... Треба роздобуваты и добра—на пожыву, й честы—для пиддержкы славного роду... Нигде дитысь: треба въ службу йты... Треба,—то й треба...

И пишлы!

Заверховодылы паны Польськи въ Гетьманському, якъ у себе на царстви. Васыль Семеновычъ—царёкъ; ёго родычи—царськи слугы; а цилый повить, зъ панамы и мужыкамы—пиддани. Васыль Семеновычъ у себе и прыёмы царськи уставывъ. Хто бъ зъ панивъ не прыйихавъ въ повитъ, кого бъ зъ чыновныкивъ не прыслано,—не йидь на свое добро, не прыймайся за свое дило, не поклонывшысь Красногорському владыци...

И всякъ йиздывъ, кланявся... А що вже й казаты въ установлени дни... Йиздылы на Риздво; йиздылы поздоровляты «зъ новымъ рокомъ, зъ новымъ счастямъ, и зъ Васыллямъ», у четверъ

на масныци тамъ оладкы йилы; на другый день велыкодня—паску... Коженъ знавъ, що въ ци дни ниде бильше не можно буты, якъ у Красногорци. Щобъ тамъ не було,—а буты треба! Жинка въ постиль злягла, дытынка ледве дыше,—не можна: треба йихаты! На Риздво иноди таке мете, що и свита божого не выдно, на масныци, або на велыкодныхъ святкахъ така калюка, що ни пройты, ни пройихаты, иноди дощъ, якъ зъ видра лье... У Васыля Семеновыча день, треба буты!!

Цилый повитовый урядъ плився въ Мекку. Коженъ пидслужувався, пиддобрювався, запобигавъ ласкы, доброго слова, хочъ погляду прывитного... Кого було Васыль Семеновычъ «подарує» ласкою,—той немовъ выросте... Други дывлятся, завыдують; вырисъ чоловикъ одъ одного слова! А на кого Васыль Семеновычъ гнивъ положыть,—прямо, хочъ въ ополонку... И ти, що булы прыятелямы, одвертаются... За тежъ и правывъ панюга Гетьманськымъ, якъ своею батькивщыною. Що було скаже,—такъ тому и буты. Якъ згадае,—такъ и станется. Ёму тилькы одному годылы й служылы,— та ще хиба орандарю ёго, Лейби Оврамовычу—зятеви старого Лейбы, генеральського прыказчыка.

Та якъ же ёго и не служыты? Свои слугы, свои й прыслужныкы! Нехай бы хто сказавъ слово на-сторчъ,—тилькы бъ и мисце бачывъ! Пишло въ Гетьманському такъ, що нихто мисця не знаходывъ въ уряди, безъ воли Васыля Семеновыча...

Самъ—предводытель; родычи—урядныкы: справныкъ, суддя, пидсудкы—все те зяти, родычи зятивъ, племинныкы. Якъ квочка курчатъ збирае пидъ крыла, такъ Васыль Семеновычъ прыбравъ до своихъ лапъ цилый повитъ... И все кругомъ мовчало, терпило, слухало й робыло на коренистый ридъ панивъ Польськыхъ, та все ныжче нагынало голову передъ ёго владыкою...

IV.

Махамедъ.

Писля смерты Мырона й Марыны, лыха доля, зачепывшы крайкомъ слизмы змоченого крыла жыття Иванове та Мотрыне,

майнула на инчи хаты зъ бильшымы недостачамы, злыднямы—на крепацьки хаты поризненыхъ людей... Козачи кубла обгорнуло тыхе хлиборобське счастя. Насталы рокы кохання въ поли та въ худоби, складання всякого прыбутку, тяжкои господарськои праци дома й на поли,—та втиха диткамы,—кого благословывъ Господь...

Иванъ,—ще дытыною напрямованый по хлиборобській дорози,—такъ іи й держався. Оравъ поле, сіявъ, жавъ, молотывъ, складавъ зерно—те на посивъ, те на пожыву, те на продажъ, або въ горлати ямы—на голодни годы. Мотря—жинка хорошого господарського роду,—тежъ допомогала Иванови въ его праци.

Зъ весны Иванъ що-дня въ поли—то оре, то засивае ярыною. Зъ-ранку пойиде, пизно въ вечери вертается. Такъ до самои паскы. Одсвяткують велыкдень,—косовыця. Тутъ уже й Мотри робота—грамадиння. Дали настають жныва. Циле лито, якъ муха въ окропи, выкрутятся обое, рано встаючы, пизно лягаючы. Писля жнывъ, Иванови возовыця; дали—оранка на озымыну; ще дали—сійба; а тамъ уже въ осинь молотиння заробленого хлиба. Мотри на осинь нибы легшае трохы: хатня робота—спочывокъ, а на двори—прыхваткомъ типае плоскинь, або матирку; скрыпыть терлыця пидъ повиткою. А тамъ уже й зима—заметы навертае. Прыходыть вона въ село страшною хуртовыною, прыводыть за собою своихъ дитокъ,—хызы и охызы, та трискучи морозы. Люде ажъ переляка́лыся. Давай маткы плесты; одну, запынаты викна й двери, щобъ не перся морозъ у хату. Одначе и зимою—не сидня, згорнувшы рукы. Жинкамъ свое дило, чоловикамъ—тежъ свое. У хати—Мотря обидъ або вечерю варыть, дитей пантруе и годуе; а въ вечери, пры каганци, пряде кужиль, або що голкою шые; на двори—ходыть коло коровы; напувае іи сытнымъ пійломъ, зъ высивками або мнякыною; рано й вечиръ—дойить. Иванъ—коло худобы порается: скотови и вивцямъ пидкладае въ ясла просянои або гречанои соломы, двичи на день до водопою гоныть, самъ вычыщае двичи на тыждень загороду. Нема роботы биля товару,—лаштуе пидъ повиткою що потрибнише до веснянои справы. А въ вечери—плете рукавыци,

бавытся зъ диткамы,—шуткуе, учыть молытысь, спаты ихъ ложыть, або самъ лежыть на печи въ нызъ черевомъ—парытся. А въ недилю, або въ свято, Иванъ зъ Мотрею пидуть до церквы; иноди, якъ не дуже холодно, позабырають и хлопцивъ зъ собою. Прыйшовшы зъ церквы, обидають ласише, нижъ у будень; писля обиду—спочывокъ. Спочывшы трохы, колы годынка, пидуть воны куды нѐбудь до сусидъ у гостыну, або жъ у себе гостей прыймають. А въ вечери треба Иванови коло худибкы поратысь,—треба іи напуваты, на ничъ паши пидкладаты; Мотри—вечерю варыты, дитокъ спаты класты.

Такъ—и зима мыне, на весну красне сонце заграе. И знову въ поле, та въ поле... знову торишня робота... знову торишни клопоты. Та такъ не одынъ, не два рокы: такъ циле жыття, цилый викъ. Робышъ, щобъ було йисты; йисы, щобъ здужавъ робыты. Отака-то весела хлиборобська доля!...

Одже хто до неи прызвычаився, тому вона здается веселою и красною. Наши хуторы, села, а часомъ повитови городы, облюжывшысь родючымы полямы та ланамы, другои доли не знають. А про те—жывуть цили довги-предовги викы, копаются въ сытній земли,—мовъ попрыросталы до неи. Яка земля, таки й люде. Вона сыта, й воны сыти; вона голодна—и воны рота пороззявлялы. Селянынъ безъ поля—старець безъ рукъ и безъ нигъ. Поле ёго годуе; поле ёго втишае; на поли винъ выростае; на поли часомъ и вмирае. Поле мовъ воздухъ: ничымъ бы дыхаты, якъ бы зоставсь безъ ёго!

Важка хлиборобська праця; а ще важче тому, хто іи не знае, або не вподобае. Тымъ до неи ще змалечку прывчають селяне дитей, щобъ вона здавалась ни нудною, ни тяжкою. Диты на сели—помичъ. Абы зипьялось на ногы,—заразъ у поле: хай змалку прывыкае до свого побыту!

У такому побути бажалы Иванъ зъ Мотрею своихъ дитокъ зростыты-выгодуваты. Пиднялысь трохы хлопци,—треба ихъ до дила прызвычаиты.—Отъ, и почалось завжденне, на першый разъ для дитей любе, прызвычаюванния. Першъ усёго скотынку пасты, товару доглядаты. Тутъ не треба ни сылы, ни умилосты:

дывысь тилькы за худобою, пыльнуй свого легкого дила! Дали—поганяты. Гей, та цобъ, та цабе!—отъ и вся невелычка наука погоныча...

Хлопци до всёго того кыдалысь зъ гарячымъ запаломъ, а найщырше брався Максымъ. Винъ цилу ничъ не буде спаты, абы ёму найранишъ устаты, братывъ побудыты въ поле. За те жъ ёму найскорійше и надокучыло. Двичи, трычи зробывъ що,—уже ёму и не хочется,—уже ёму новынку подавай. Та ни заставыты, ни застрахаты! Таку неспокійну натуру выкохавъ старый дидъ, на лыхо Иванови, й загартувавъ іи своимы страшнымы переказамы про невмыруче завзяття, та своимы сердытымы закыдамы про те, якъ теперъ на свити сталося. Сичови оповисткы про запорозьку вдачу, про запорозьку волю западалы въ гаряче серце онукове... Якъ у гниздечку, такъ у Максымовимъ сердечку, выплодылась воля, про яку дидъ переказувавъ; порывала хлопця до сваволи, до невпокою, кыдала одъ одного до другого, пекла ненавыстю до всёго, що гнитыло або перечыло, не давало робыты, якъ намъ хочется. Жыви картыны зъ позадавнёго-давна выступалы въ хлопьячій голови:—Максымови хотилось самому бытысь, рубатысь, розгардіяшыты. Зъ кымъ же ёго?.. де ёго?!. Пишла ходоромъ думка за думкою.

Ось зъ-за села пиднялась страшенна кушпела. Выхоръ пидхопывъ іи высоко—и мчавъ прямо на село. Максымъ побачывъ—и згадавъ дидову оповистку про бойище зъ татарвою. То не кушпела кушнотыть, то татарва мчытся на нашыхъ!... Крыкъ, зыкъ, галасъ несется разомъ зъ кушпелою. «Стійте, братця!—крычыть отаманъ на нашыхъ. Вы, середни, ни зъ мисця, а вы, бокови—у объйиздъ на Сокильни Байракы. Заляжете тамъ,—мовъ не жыви, а ни чычыркъ...—ажъ покы голосна гакивныця не промовыть: «пора». Хлопци помчалысь, тилькы хвостамы кони машуть. А крыкъ та галасъ все блыжче та блыжче. Ось уже и татарськый баша насамперед йиде, зъ голою шаблею наблыжается. Наши схытнулысь,—дали татарамъ навздогинъ. Крыкъ, галасъ, шарпанына. Ось блыснула блыскавыця, гуконула гакивныця,—полетивъ татарськый баша зъ коня сторчака брытою макотырею...

«Быйте!.. рубайте»... иде лементъ зъ краю до краю. Ажъ ось, и зъ боку курява мовъ чорна хмара, пиднялася: то наши зъ-пидъ Байракивъ поспишають на выручку. Летять—ажъ земля стогне. У Максыма ажъ духъ захопыло: заграла гаряча кровъ, розбуджена такымы думкамы,—Максымъ помчався и соби за лавою славныхъ лыцаривъ. Ажъ курява встае шляхомъ, ажъ идуть выляскы одъ бою босыхъ нигъ по твердій земли. Отъ и майданъ. Максымъ, якъ кинь, басуе: то мовъ схарапудывшысь, у бикъ шарахне; то, якъ молоде теля, пиде скокомъ та выбрыкомъ. Ляскае батогомъ, свыстыть, гукае. Молодый крыкъ розглягается навкругы—и деренчыть по викнахъ генеральського будынку. Бачыть Максымъ—у воротяхъ заманячыла страшенна постать заводського бугая. Немовъ яке страховыще, зъ зложеною въ зморшкы шыею. уставленою въ землю головою зъ рогамы, зъ налытымы кровью очыма,—высунуло воно зъ генеральського двору и пишло поважомъ, хыжо ревучы та завываючы. Пидъ ногамы страховыща двыгтила земля: дыки заводы реву розлягалысь по околыци. Максымивъ голосъ здавався цвиринькканнямъ горобчыка проты страшного бугаёвого реву. Одже Максымъ не злякався. Забувъ и про боище зъ татарвою, кынувся на незбыту дорогу, набравъ груддя повну пазуху—и помчався на супроты бугая, ревучы и передражнюючы страшну звирыну. Бугай ставъ, пидвивъ голову, нибы думавъ розгледиты, що воно,—та знову круто повернувъ шыю, и нагнувъ голову до самои земли,—хотивъ копырснуты рогомъ, щобъ страху завдаты,—та видъ жыру не нагнувся. Тилькы зозла гребнувъ страшенно ногою—и геть далеко видкынувъ землю видъ себе. Максымъ пошпурывъ грудку. Метка рука якъ разъ піймала середъ крутого лоба; грудка розбылась—и пылъ засыпавъ бугаеви очи. Зъ нечевья страховыще жахнулося. Залупало червонымы очыма... пидвело голову, глянуло на свого ворога,—та ажъ потемнило. Круто схылывшы въ ныз голову, воно пишло насупроты Максыма. Максымъ не злякався и тутъ; груддя залитало, якъ ти кули—одно передъ другымъ. Воно несло бугаеви гостынци то въ лобъ, то въ нисъ, то въ бокы. Страховыще—ничого того не чуло: воно навить не чуло земли пидъ собою. За-

вываючы, воно ишло прямо на Максыма—де-дали скорше та скорше.

— Эй, эй!—загукало щось зъ генеральського двору:—тикай, хлопче, бида буде! Якъ опеченый, крутнувся Максымъ—и витромъ помчався вподовшъ майдану. Бугай—за нымъ. Страшно було дывытыся, якъ таке страховыще, наставывшы рогы, неслось зъ усёго свого страшного прожогу за невелычкымъ хлопчыкомъ. що, якъ горошынка, котывся поперелъ ёго. Отъ-отъ бугай настыгне; отъ-отъ простроме рогомъ наскризь Максымову спыну. Ажъ ось и тынъ видъ генеральского двору—никуды бигты... пропавъ Максымъ!.. Ни, не пропавъ! Винъ, якъ собака, плыгнувъ на тынъ, а зъ тыну—въ бурьянъ. Скочывъ и бугай на тынъ,—та на килку й застрявъ. Лынула кровъ зъ пробытого боку. Страховыще заколыхалось, ревнуло не своимъ голосомъ рванулось зъ усіеи сылы. Тынъ упавъ,—упавъ разомъ зъ тыномъ и бугай додолу,—и такъ болизно заревивъ, що ажъ слухаты страшно. Килокъ пройшовъ подовшъ всёго жывота, вымотавъ геть кышкы зъ середыны. Пиднявся крыкъ людськый, збиглася дворня.

— Щожъ оце ты наробывъ?!—пытае Максыма одынъ зъ двораkивъ, показуючы на бугая, що ледве-ледве дыхавъ—сопъ.

Максымъ сміявся.

— Чого ты зубы щырышъ, сучый сыну? ходимъ, я тебе до паніи поведу.

Якъ зъ цепу зирвався Максымъ,—такъ помчався до-дому.

Досталося бъ Иванови одъ генеральши за того бугая, якъ бы було крепакы не покрылы Максыма. А то сказалы, що бугай погнався за собакою, та й пробывся. Тилькы всёго—Максыма выбывъ батько. Та що та бійка? Переплакавъ Максымъ,—та й знову за свое. Душа ёго прохала воли; молоди сылы—простору. Сумно було Максымови середъ шырокого, пустого степу, середъ пооранои рилли, тисно въ тыхій батькивській хати, тяжко мижъ мовчазною скотыною, котру ёму, якъ старшому, першому довелось пасты. И хлопець выдумувавъ шкодлыви игры: то телятъ лякавъ, то прывьязувавъ имъ до хвостивъ дрючкы--и залывався

залывнымъ реготомъ, якъ телята дрочылыся. Часто й густо батько ёго манижывъ за це, оджe ничымъ не змигъ переломыты шкодлывого, веселого норову Максымового. Оце, було, выбье ёго батько; а черезъ годыну вже Максымъ на вулыци зъ хлопцямы навкулачкы бьется, або братывъ за чубы таскае, або запряже ихъ у кгрынжолята, якъ зимою, сяде самъ за пана и батогомъ поганяе... покы не вшкварне такъ, що ревы на всю вулыцю.

Палкый, якъ порохъ, смилывый, якъ голодный вовкъ,—винъ усихъ побывавъ, надъ усима верховодывъ. А насміятыся надъ кымъ, украсты, одняты що,—ёму дай! Генеральша николы не йила овощу зъ свого молодого садка; винъ усе пообносыть, усе выкраде, не дывлячысь ни на собакъ, ни на сторожывъ. Разъ ёго застукалы на яблуни. Що жъ—винъ злякався? Сторожи до ёго, а винъ якъ почавъ на ныхъ шпурляты яблукамы,—такъ ти назадъ. Тоди винъ скочывъ на землю; якъ витеръ, помчався садкомъ; якъ собака, перескакувавъ черезъ тыны—и забигъ въ чысте поле. Якъ же дійшовъ до литъ та вбрався въ сылу,—бида зъ нымъ, та й годи. Высокого зросту, станкый, жвавый, шырокоплечый, якъ зъ зализа збытый, а до того ще меткый, якъ заець, спивунъ-реготунъ. Хорошый зъ лыця--повновыдый, румянець на всю щоку, зъ чорнымы, веселымы очыма, зъ чорнымъ лыскучымъ усомъ,—винъ бувъ першый красень на сели. Вся молодижъ любыла Максыма за ёго вдачу, за веселый, безбоязный норовъ,—уси ёму корылыся... Хто напереди ставныкъ несе, якъ идуть весною святыты парубоцьку крыныцю? Максымъ несе.—Хто на Гудзевій улыци отамануе, улыцю водыть?—Не кому, якъ не Максымови. Кому насміятысь надъ кымъ?—У Максыма языкъ, якъ гостра брытва. Хто занисъ Луценкови ворота и почепывъ на самимъ верси столитнёго дуба? Хто въ Тхорыхы-вдовы вымазавъ дёгтемъ ворота?.. Не хто,—якъ не Максымъ. Чыихъ рукъ не втекла Хоменкова дочка Хвеся?... Не втекла Максымовыхъ рукъ!—Хто пустывъ погану славу на багатырку Шрамченкову дочку? У кого жъ языкъ довшый, якъ не въ Максыма! Самъ устряне, зведе дивчыну,—самъ потимъ першый и насмихается. Не одна ихъ и не дви наробыло стыда-сорому батькови й матери: не одну ма-

тиръ, не одного батька, на донынимъ весилли, въ хомутахъ черезъ село водылы. Не одна и не дви матиркы плакало на Махамеда, якъ його прозвалы стари бабы. Не одынъ парубокъ або й чоловикъ, покоштувавшы на кулачкахъ Махамедового «безмина»,—похыріе-похыріе, та черезъ пивроку и на той свитъ переступыть. А горилку пыты, гуляты—Махамедъ усимъ пьянюгамъ прывидъ дае! Позалываютъ очи—та шкоду, капости людямъ роблять.

Сталы люде жалитыся батькови, що Махамедъ сынивъ ихъ роспоюе; сталы радыты, щобъ здержувавъ сына. Та що батько вдіе зъ такымъ велетнемъ? Ни батькова гризьба, ни матерына умова—ничого не подіють зъ такымъ гульвисою, шыбеныкомъ.

Дай, одружу!—дума Иванъ и радытся зъ Мотрею. Знайшлы и молоду: умовылы якось Максыма—пишовъ зъ старостамы. Такъ що жъ! На заручынахъ Максымъ такъ налызався, що трохы-трохы не побывъ свого нареченого тестя.

— Господь зъ вамы, зъ вашымъ молодымъ такымъ!—каже тоди батько старостамъ.—Хочъ бы мени прыйшлося голодною смертю помираты та було сказано: якъ виддасы Мелашку за Максыма, то жывый будешъ,—то й тоди бъ не згодывся!

Вернулысь люде зъ гарбузомъ; розсказалы батькови-матери.

— Побыла мене лыха годына та нещаслыва зъ такою дытыною!—крычыть батько.

— Ты насъ, сыну, на старисть у славу ввивъ, нашого недовгого вику не жалуешъ,—плаче маты.

А Максымъ,—якъ ногу вломывъ: зъ хаты та на вулыцю, а тамъ—у шынокъ до жыда. Такъ розледачивъ, розибрався, роспывся, що сказано: ни до чого! Ажъ запухъ, якъ той бугай, що-дня очи залываючы. Зовсимъ пустывся берега: що дома не зарве,—заразъ у шынокъ! Пье, гуляе; зъ жыда насмихается, зъ крецакамы панибратается, жалкымы докорамы ихъ коле, що роблять на панивъ, навчае не слухатысь ихъ прыказивъ, а мандруваты. На капости чоловикъ здався, та й годи.

Сама генеральша знала Махамеда. И такъ його зненавыдила, що якъ прыходылось пройиздыты або проходыты повзъ його, то

вона, завжде одверталася и сплёвувала. Якъ же почула, що винъ крепакивъ бунтуе, то жалилася комысарови. Колы бъ бувъ Максымъ на той часъ не постеригся,—не змандрувавъ кудысь зъ Писокъ,—щось на тыждень чы й бильше,—то мабудь бы не мынуты ёму и тюрмы, а може и самого Сибиру. Та що ёму Сибиръ! —ничого!

Мучывсь отакъ зъ нымъ батько, мучывся, та заплакавшы—и каже Мотри: Ни, вже—ничого зъ харцызою не вдію! Ни тыхе слово, ни прозьба, ни лайка—нищо не помагае. Немае сылы мени зъ нымъ бытысь. Хай же иде въ москали! Нехай ёго въ служби попомуштрують,—може, вытруть ту юшку, що набрався дома!.. Хай ёго други вчать: я зъ нымъ ничого не вдію!..

Мотря въ слёзы. Жалько матери своеи дытыны. Уже якый винъ тамъ не лыхый, якый не недобрый,—а все жъ такы своя кровъ. Мотря плакала гиркымы; а прохаты Ивана не посмила: вона догадалася, що то останне слово батькового горя. Тутъ уже ніяке прохання не поможе!

А Максымъ якъ почувъ, то ни скрывывся, ни поморщывся. Такъ такы зразу згодывся—та й пишовъ до прыёму, высвивуючы та выгукуючы.

Тоди саме въ столыци велыке дило скоилось. Старый царь умеръ, а зосталося два браты. Старшому жъ не можна чомусь було царствомъ правыты,—осився на предкивськимъ столи менчый. Одже це не обійшлося мырно. Багато тоди лягло правыхъ и вынуватыхъ, покы той бунтъ замырылы. Якъ затыхло,—то новый царь, роспудывшы стару гвардію, звеливъ нову набираты. Та щобъ бувъ—одынъ у одынъ высокый, станкый, показный. Максымъ якъ разъ пидійшовъ пидъ миру. Якъ выпускалы ёго зъ прыёму, то не крычалы и «лобъ»! А якыйсь усатый охвыцеръ закрычавъ: «У гвардію ёго! у гвардію»!—Максымъ якъ почувъ,—ажъ засміявся... та прожогомъ у двери. Тутъ винъ трохы не вдарывся лобомъ объ якогось бидолашного некрутыка. Не довго думавшы, винъ ёго стусонувъ колиномъ пидъ бикъ,—закрычавъ: «Сторонысь, крупа! гвардіенець идёть!»... Той поточывся, трохы не впавъ.

Не вспивъ Максымъ одягтысь, якъ ёго погнало тры якыхсь москали въ некруцьку хованку, и заперлы на замокъ; хатка невелычка, викна зъ зализнымы штыбамы, якъ у тюрми, а людей—повно. Той сыдыть,—плаче: той хочъ не плаче,—журытся; тамъ купка регочется зъ якоись выгадкы.

— Прыймить, братця, й мене!—каже Максымъ до тыхъ, що регочуть.

— Иды... додасы и свого слова.

— За що насъ, братця, позапыралы въ цю тисну хурдыгу?—пытае Максымъ, оглядаючы чорни, якъ сажа, стины некруцькои.

— А щобъ не втикъ!—одказавъ хтось.

— Та якый ёго бисъ думавъ тикаты. И довго воны такъ держатымуть?

— Та хто ёго зна. Кажуть бы то, що тры дни.

— Погано! хочъ бы сюды горилкы,—то воно бъ якось веселише.

— А сыривцю зъ дохлымы пацюкамы не хочешъ?

— Пый самъ, колы подобается!

Дали Максымъ уже орудувавъ бесидою: точывъ балясы та баляндрасы; розсказувавъ про свои сельськи походы; смишывъ усихъ и реготався самъ.

Товарыськый чоловикъ,—ничого казаты! У ночи тилькы сумно чогось ёму зробылося, якъ ставъ выкрыкувать часовой: «Слушай»!

Черезъ тры дни ихъ справди выпущено и дозволено питы попрощатысь зъ родыною, що поназъизжалась до прыёму, якъ на ярмарокъ. Плачъ, голосиння,—мовъ мертвыхъ выряжають до гробу. Тамъ стара маты залывается гиркымы слёзамы, обнимаючы бриту голову сынову; тутъ молода молодыця, зъ дытынкою на рукахъ, голосыть на весь майданъ, одніею рукою схопывшы за шыю молодого чоловика; а ось сестра зъ братомъ розмовляе, слёзамы долываючы горе. Отъ и стари диды посхылялы головы; отъ браты розмовляють, похнюпывшысь. А тамъ знову батькы, матери. Мижъ нымы и Мотря, якъ зъ хреста знята, а коло неи сыны—Васыль та Онысько. Ходять воны въ трёхъ одъ воза до воза, роспытують некрутъ—чы не бачылы де Максыма?—Ни, не бачылы.

Выйшлы зъ некруцькои разомъ, а де винъ дився—нихто не знае. А Максымъ, якъ тилькы выпустылы зъ некруцькои, заразъ потягъ зъ москалямы до шынку. Други прощалыся зъ родомъ, а винъ водыть за собою юрбу москаливъ—и побратався вже! та здоровкается зъ шклянным богомъ. Такъ Мотря и пойихала зъ сынамы, не бачывшысь зъ Максымомъ.

Незабаромъ некрутъ погналы кудысь далеко-далеко. Люде знову поназйиздылысь прощатыся, може, вже въ останне зъ своимы бидолашнымы сынамы, чоловикамы, братамы. То не глыбока ричка клекоче, прорвавшы греблю, то гудуть селяне, прощаючысь зъ некрутамы. То не ховають мертвыхъ,—то люде, тужать за жывымы родычамы. И Мотря мижъ нымы. Згорбылась, скрывылась, заплакана, стоить вона, опустывшы на груды голову, а коло неи Васыль зъ Оныськомъ—и Максымъ. Выдно, матерынъ жаль уразывъ и его безжурне серце: стоить винъ биля матери, похнюпывшысь. Ажъ ось—затуркотивъ барабанъ; москали скомандувалы въ лаву строитысь. Пиднялась шатанына. Скризь затужылы, заголосылы. Сталы прощатыся. Максымъ пидступывъ до матери.

— Прощайте, мамо!.. не згадуйте лыхомъ.

— Прощай, сыну!.. прощай, моя дытыно!.. Ша... ша-нуй... се-бе.

Мотря обхопыла его шыю обома рукамы, та такъ и повысла,—за слёзамы свита не бачучы.

— Та годи вамъ, мамо!.. Не журится: я не пропаду!—Винъ высвободывся зъ закляклыхъ рукъ старои матери,—давай прощатысь зъ братамы.

Отъ, уже построилы некрутъ у лавы: одынъ за однымъ, одынъ за однымъ. Знову затуркотавъ барабанъ; старши скомандувалы.

— Прощайте!..

— Оставайтесь здорови!..

— Хай вамъ богъ помогае!..

— Щаслыво!..

— Прощайте, мамо!..—казавъ Максымъ, проходячы поузъ матиръ.

— Постій, сыну!..

Мотря пидскочыла, сунула Максымови въ руку грошей.

— Спасыби, мамо!..—сказавъ Максымъ и гроши, на ходу, заховавъ у кышеню.

Прощайте... подякуйте батькови, що въ москали виддавъ!..

— Ша-нуй... ся... про... щай... сы...

Мотря не договорыла. Та й Максымъ не чувъ,—винъ бувъ уже далеко.

Вернулыся селяне до-дому. Вернулась и Мотря зъ сынамы— заплакана, убыта горемъ. Иванъ ходывъ по хати, хмурый, якъ осиння темна ничъ. Винъ ни на одного сына не глянувъ, не обизвався. А якъ воны пишлы зъ хаты, тоди до Мотри:

— Ну що... пишовъ?...

— Провела... каже Мотря, залываючысь слёзамы.

— Що жъ винъ?..

— Ничого.

— А оддала?..

— Оддала.

— Що-жъ?..

— Казавъ подякуйте батькови, що въ москали оддавъ!..

— Нехай винъ дякуе своему дурному розумови,—сказавъ Иванъ, та й замовкъ.

Не стало Максыма—затыхла буча та лайка въ Ивановій хати, не чуть ніякои и шкоды въ Пыскахъ. Не стало ватажка,— товарывство мовъ роскотылось по свиту. Хочъ воно тутъ же такы и було,—тилькы пишло инчымъ шляхомъ, зажыло другимъ жыттямъ. Одни повмиралы, други поженылысь, хазяинамы сталы, дитей годують.

Иванъ въ останне згадувавъ Максыма въ той день, якъ Мотря зъ проводивъ вернулася. Зъ того часу—самъ николы не згадае, и сердытся було, якъ хто другый нагадае.

— У мене немае третёго сына—и не було николы! казавъ винъ.—Та вже, писля того, за цилый день або вечиръ, ни до кого и слова не обзывався. Думкы,—выдно,—не одженешъ видъ себе!

Одна Мотря що-недили, що-свята, ходыла до церквы та подавала якъ не шага, то копійку на часточку за здоровья Максыма. Оддавшы свою вбогу лепту, падала Мотря передъ Пречыстою на колина и молыла іи тыхымъ, гарячымъ словомъ, щобъ вона берегла іи дытыну одъ лыхои годыны, щобъ направыла ёго на добрый розумъ. Браты трохы посумувалы за Максымомъ, а дали и забулы. Жыття пишло соби тыхою ходою, прыносячы то одраду, то тугу, та все стыраючы спомынъ про Максыма.

А тутъ пишлы въ Івановій хати клопоты за клопотамы.

Тамъ Васыля женылы и одризнылы; тутъ Мотря переставылась. Иванъ, побачывшы, що и ёму, мабудь, незабаромъ за Мотрею,—одружывъ Оныська, подилывъ сынивъ, зоставывшы свою хату та дви десятыны поля—москалеви, колы одклыкнется. Швыдко писля того Иванъ и самъ полигъ. Онысько оселывся въ батькивській хати—доглядаты москалевои худобы.

И стала та худоба кисткою въ горли, якъ въ одного брата, такъ и въ другого. Пиднялыся зъ-за неи спирка та ворожнеча мижъ братамы. Менчый правывъ худобою, якъ хазяинъ, забиравъ усю корысть соби; а старшый, думаючы, що москаля вже на свити не мае,—загрызався зъ братомъ.

— Хиба винъ мени братъ?—каже бувало Васыль.—Якый винъ братъ мени? Захопывъ у свои лабеты все добро, та й братъ! Москаля вже и кисточокъ доси немае. Чому жъ винъ не подиляе добра?.. Ты мени десятыну поля дай, та «пивъ-хаты. Або-мени твоеи хаты не треба: у мене своя хата йе. Оддай мени землю,—хай тоби хата!. Або заплаты мою половыну. А то-все самъ. Собака винъ, а не братъ! Онысько соби не дякуе Васылеви. Не разъ и за чубы бралыся. Якъ бы люде не розлылы,—то може-бъ обыдва безъ головы осталыся на батькивськимъ добри. Сталы воны тяжкымы ворогамы. Коженъ кожному робывъ перешкоды, коженъ кожного судывъ мижъ людьмы. А люде—позвыкалы вже до такои братнёи ворожнечи,—хиба вже дуже счеплятся,—тоди тилькы розводылы.

Ворогувалы отакъ дома, ворогувалы,—та хтось пораивъ судытысь. Пойихавъ Васыль до секретаря Чыжыка; повизъ тры

мишкы пшеныци и десять рублывъ грошей. Завивъ тяганыну. Пойихавъ и Онысько до Чыжыка, повизъ и соби тры мишкы борошна, та й грошей не меньше. Давай судытыся! Тягалысь воны, тягалысь; вымотувалы зъ ихъ грошенята, вымотувалы! Дійшло до того, що якъ Васыль збиднивъ, такъ и Онысько зныщывъ,—а тилькы и того, що дознатыся: Максымъ жывый и вже старшымъ якымсь надъ москалямы. Тоди браты перестали ворогуваты, помырылыся. Васыль заспокоився своею худобою, а Онысько жывъ безпешно въ москалевій хати и володивъ ёго землею.

Панасъ Мырный та Иванъ Билыкъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма къ Гр. Петр. Данилевскому.

Окончаніе.

Письма П. П. Сокальскаго.

Одесса 22 сент. 1864.

11.

Любезнѣйшій другъ мой Григорій Петровичъ! Сейчасъ получилъ Ваше письмо и сейчасъ же отвѣчаю. потому что иначе, *боюсь*, опять затяну отвѣтъ на цѣлый годъ. Только что окончилъ писать политическое обозрѣніе и, не покидая стойки (извѣстной Вамъ), пишу Вамъ. Очень радъ, что Вы, судя по всему, продолжаете пользоваться цвѣтущимъ здоровьемъ и что у Васъ въ деревнѣ выросло такъ много сѣна. Это меня очень радуетъ. Вѣроятно и Вы подъ хорошимъ впечатлѣніемъ принимаетесь за «Дикія мѣста».? Что касается письма Кашперова, то я ничего не могу сказать: писано грамотно. Пишите либретто; отчего-жъ и не писать? До сихъ поръ я слышалъ только его «Марію Тюдоръ». Самобытности и оригинальности никакой, стиля также никакого, къ школѣ никакой тоже нельзя отнесть, вдохновенія—всего менѣе, но изученіе видно, особенно оркестръ работаетъ у него за все и всѣхъ. Можетъ быть онъ хорошій человѣкъ, я ничего не знаю. Рѣшайте, какъ знаете—только по моему мнѣнію, Вы *одни* не можете написать либретто, надо непремѣнно сообща съ композиторомъ; въ расположеніи плана и сцены и даже содержанія собственно на Вашу долю можетъ прійтись только стихъ и его обработка. Я этой зимой не ѣду въ Питеръ, а на будущую ѣду. Поэтому съ оперой не спѣшу; 2 акта совсѣмъ готовы и выправ-

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 4.

лены: партитура оркестра, партитура пѣнія и фортепіано и либретто. Остальные 2 акта обработаю этой зимой. А чтобы не скучать, я основалъ здѣсь *хоръ* (мужчинъ и дамъ) и Общество любителей музыки при благородномъ собраніи. Въ октябрѣ будетъ первый концертъ этого общества, въ коемъ, между прочимъ, мы исполнимъ: »Славься» Глинки (изъ Жизни за Царя) и балладу «Слушай», которую я нарочно сочинилъ для этого случая. Стихи были въ Современникѣ напечатаны Ив. Г. М. (кажется, Михайловъ)? Музыка мрачная и всѣмъ здѣсь чрезвычайно нравится. Братъ благодаритъ Васъ за память и проситъ передать свой поклонъ Вамъ и Вашей супругѣ. Примите таковой и отъ Вашего пріятеля П. Сокальскаго. Итакъ до свиданья, душенька, желаю Вамъ всякихъ благодатей земныхъ и небесныхъ.

12.

Одесса 28 сент. 1865.

Получивъ Ваше милое письмо, почтеннѣйшій Григорій Петровичъ, я спѣшу, во-первыхъ поблагодарить Васъ за корреспонденцію, и пожалѣть, что такъ мало, во-вторыхъ отвѣтить на нѣкоторые пункты. Относительно умственнаго рынка, я не разсчитываю ѣхать туда этою зимою. Хотя у меня дѣло мое оперное близится къ концу—и можно бы уже ѣхать, но я не спѣшу. Одесса доставила мнѣ главное, что я начиналъ уже терять—здоровье, и я рѣшаюсь поэтому побаловаться здѣсь еще годикъ или два. Очень жалѣю, что намъ не придется вмѣстѣ потолкаться въ Питерѣ, хотя главный интересъ этого толканія—любопытство, и только. Я утратилъ вѣру въ Питеръ. Но безъ него никакъ нельзя обойтись, ни шагу ступить. Нечего дѣлать: надо ѣхать, но только не теперь. А Вы вѣроятно везете уже на этотъ рынокъ новый товаръ. Нельзя ли узнать, въ чемъ дѣло? Литература наша теперь въ хаосѣ: мальчишки балуются, а посолиднѣе люди отдыхаютъ или ловятъ рыбу гдѣ съ руки. Единственная надежда на то будущее поколѣніе, которое выйдетъ изъ новыхъ университетовъ. А теперешнее, извращенное нашею журналистикою, играющее въ жмурки—едва ли пойдетъ дальше пустозвонныхъ фразъ.—Замѣтку Вашу мы напечатали и благодаримъ.

Нельзя ли при случаѣ повторить? Изъ вашихъ мѣстъ у насъ мало вѣстей. Когда будете также въ Питерѣ, то въ часъ досуга... впрочемъ, я и забылъ—у Васъ досуга не будетъ: Вы всегда спѣшите. Въ этомъ—я совершенно противоположный Вамъ полюсъ. Что касается свободы печати, то безъ новыхъ судовъ ея нѣтъ, и я въ нее не вѣрю.—Отлично бы Вы сдѣлали, еслибъ переселились поближе къ Одессѣ. Теперь, при Университетѣ, здѣсь соберется нѣкоторый кружекъ, въ коемъ можно иногда развлечься. Я также располагаю примкнуть въ свое время къ Университету, имѣю въ виду кафедру искусствъ, а точнѣе—музыки; объ этомъ мною запущены уже сѣти, и надежды благопріятны. Но само собой разумѣется, что это такъ только, чтобы подѣлиться съ юнымъ поколѣніемъ и публикою тѣми многими замѣчательными открытіями въ музыкѣ и физіологіи нашихъ чувствъ, которыя рѣшительно дѣлаютъ теперь изъ эстетики—естественную исторію, реальную науку. Я много читалъ за послѣднее время сочиненій физіологовъ и эстетиковъ: то, что отражается въ нашей журналистикѣ, только слабая волна того, что дѣлается теперь въ Европѣ.—Что же касается композицій музыкальныхъ, то опера—по прежнему вѣроятно навсегда останется любимымъ предметомъ и цѣлью всѣхъ моихъ плановъ. Но я разомъ веду теперь три дѣла: укрѣпляю здоровье, коплю денежку про черный день и старость (вѣдь операми у насъ въ Россіи не проживешь, а только въ пролетаріи попадешь), и кончаю первую оперу. А что значитъ написать *первую* оперу, это знаютъ только тѣ, кто ихъ писалъ. За первою уже, какъ по маслу, идутъ вторая, третья, и т. д. У меня, кстати есть уже и сюжетъ второй оперы, и планъ, и нѣсколько отрывковъ музыки. Но и она будетъ народно-этнографическая. А это еще не исчерпываетъ всего того, что хочетъ выразить душа: я давно уже думаю о третьемъ сюжетѣ изъ образованнаго быта, гдѣ бы ключемъ била драма современной жизни. Хоть бы что нибудь въ родѣ русской Травіаты: бываютъ минуты, когда я отлично написалъ бы музыку въ такомъ общечеловѣческомъ вкусѣ, не стѣсненномъ рамками національности... и эти минуты пропадаютъ: нѣтъ сюжета. А что и мнѣ хочется временами

дать волю своей личности, своему европеизму, это, я думаю, простительно. Краски, народъ, этнографія—сами собою. Но хочется иной разъ рвануться впередъ, или окунуться прямо въ жизнь, въ современныя страсти... Вѣдь искусство должно идти съ жизнью рука объ руку. Что все писать Россіады, Мессіады и т. п.? а наши теперешнія оперы въ своемъ родѣ Россіады--такъ далеки они отъ жизни. Перебиралъ я много сюжетовъ русскихъ, все не подходитъ. Маскарадъ Лермонтова, Дубровскій Пушкина, Тургенева разсматривалъ, нѣтъ не то, не то. Если Вамъ придетъ что либо въ голову по этой части, очень бы хорошо сдѣлали сообщивъ мнѣ Вашу идею. Кажется, надо *сочинить* такой сюжетъ нарочно, ибо оперныя и музыкальныя требованія довольно капризны. Наконецъ, въ случаѣ чего, можно бы иностранный сюжетъ взять, но это жалко будетъ... Надобно Россіи служить. У Островскаго нѣтъ ничего для музыки: ни Гроза, ни послѣдняя его (забылъ заглавіе—Сонъ на Волгѣ) не идутъ. Впрочемъ, всѣ эти мысли изъ моей мастерской, непереваренныя еще, невыясненныя, можетъ быть Васъ не займутъ. Во всякомъ случаѣ остаюсь неизмѣнно преданный Вамъ П. Сокальскій.

13.

Одесса 1 марта 1866.

Какого Вамъ лучше отвѣта,—почтеннѣйшій Григорій Петровичъ, какъ не исполненіе Вашихъ желаній? Изъ Од. В. Вы видите, что Ваши порученія исполнены, n'est ce pas? Поздравляю Васъ съ утвержденіемъ правительствомъ—проведенія Харьковско-Азовской линіи. Это хорошій подарокъ. Наша Бессарабская канула въ воду. Я Вамъ оченъ благодаренъ, что Вы меня не забываете; быть можетъ, сведетъ насъ опять судьба гдѣ-нибудь и когда-нибудь, тѣмъ болѣе, что въ будущую зиму я снимаюсь съ обогрѣтаго мѣста, чтобы попрежнему бродить. Но, пожалуйста, не претендуйте на меня за рѣдкость писемъ: это неизбѣжная дань рабочаго человѣка, который, подобно мнѣ, усваиваетъ привычку только *по дѣлу* писать. Les epanchements предоставимъ прекрас

ному полу, у него, кстати, мало дѣла. Что это за «Новыя мѣста»? О чемъ собственно рѣчь? Прелюбопытно. Прошу передать мой усерднѣйшій поклонъ Вашей супругѣ, а при случаѣ, и брату Ивану Петровичу, вмѣстѣ съ поздравленіемъ его супружескаго сочетанія. Снабдитесь вѣрою паче Авраама, заклавшаго (т. е. собиравшагося заклать) Исаака, и вѣрьте, что я остаюсь къ Вамъ все тотъ же, что и былъ Петръ Петровичъ Сокальскій. Вѣрьте также, что я ищу всякаго случая не брать въ руки пера и не омокать его въ чернило: до зарѣзу обрыдла ежедневная работа писанья.

14.

14 марта 1866. Одесса.

Считаю нелишнимъ отписать Вамъ слѣдующее, Григорій Петровичъ: нѣсколько фразъ въ прошеніи и статьяхъ Вашихъ (земскихъ) по поводу желѣзной дороги къ Азовск. морю весьма могутъ повредить Вамъ. Вашъ путь ясенъ: хлопотать о Вашей (азовской) дорогѣ и не *трогать* Харьково-Одесской. На такомъ основаніи Вы встрѣчаете въ новороссійско-бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ союзника и дѣятельнаго помощника; вѣдь онъ же основалъ и комитеты въ Приазовскихъ портахъ для изслѣдованія вопроса Азовск. жел. дор. и дѣлалъ до сихъ поръ многое, безъ него до сихъ поръ и Харьковъ остался бы въ сторонѣ. Вы же, вашею недипломатическою полемикою *противъ* Одесско-Харьковской дороги, поражаете въ самое сердце Вашего естественнаго союзника. Знаете ли вы, что дѣло легко можетъ принять такой оборотъ, что не будетъ ни *той*, ни *другой* Харьковск. дороги. (ни отъ Харьк. на Кременчугъ, ни отъ Харьк. на Азовск. море). Это вещь весьма возможная. Притомъ, выражаясь, что Одесско-Харьк. дорога принесетъ Вамъ *вредъ*, Вы прямо наживаете себѣ сильнаго врага. Вѣдь эту дорогу вырвали съ бою страшнымъ усиліемъ, безъ котораго Харьковъ долго бы оставался, быть можетъ, безъ сообщеній; Вы знаете усердіе Москвы къ Кіеву и наклон-

ность правительства къ Одесско-Кіевской дорогѣ (для военныхъ цѣлей, которыя теперь *sur le tapis*). И какъ же это Вы забыли, что Харьково-Кременчугская дорога есть *первый* шагъ къ Харьково-Азовской и что безъ первой нескоро поднялся бы вопросъ и о послѣдней? Наша оговорка въ Од. В. при помѣщеніи Вашей статьи—оговорка, на которую Вы претендовали совершенно напрасно, имѣла именно цѣлью сгладить Вашу неловкость, помирить двѣ вещи, которыя, въ сущности союзники, а не враги, какъ Вы стараетесь ихъ представить. И какъ же Вы не догадались объ этомъ? Я пишу Вамъ объ этомъ, потому что знаю, что генералъ-губернаторъ Новороссіи—entre-nous—задѣтъ *за самое живое мѣсто* Вашимъ неодобреніемъ того, что онъ такъ упорно защищалъ. И странно: какъ же послѣ того Вы просите *его же*, чтобъ онъ былъ Вамъ помощникомъ? Дѣло это вообще будетъ испорчено, если Вы не поправите его. А исправить его можно только оговоркою, разъясняющею одностороннимъ «увеличеніемъ» то, что Вы говорите о значеніи Одесско-Харьковской дороги. Да вѣдь и само дѣло и цифры не могутъ оправдать Вашего рѣзкаго приговора надъ Харьк.-Одесск. линіею. Можетъ быть, она для юговосточныхъ уѣздовъ Харьк. губ. и безполезна, но никакъ не вредна и послѣдняго удара не нанесетъ. Но, вѣдь кромѣ Харьк. губ. есть еще: Полтавская, Херсонская, Екатериносл., Подольская. Да и Вамъ, по правдѣ говоря, рѣшительно нѣтъ никакой надобности и никакого разсчета—ругать Харьк.-Одесс. дорогу. *Не ругайте ее, а защищайте свою*, разъясняйте ея пользу, и Вамъ поможетъ Новоросс. сторона; иначе, Вы сами накликаете себѣ врага. Да вѣдь и то сказать: ошибка то вся въ *фразѣ*, въ неловкости оборота, и исправить ее вовсе не трудно. Лишь была бы охота и добрая воля. Пишу Вамъ все сіе совершенно серьезно, и въ видахъ блага для Харькова. Идите рука въ руку съ Новороссіей, не топчите въ грязь того, что Васъ не касается, и Вы найдете здѣсь друзей. Иначе—дѣло испорчено. Кланяйтесь брату Ивану Петровичу и его супругѣ; также Вашей супругѣ. Вообще, въ Вашихъ же пользахъ, совѣтую Вамъ побольше дипломатіи въ такихъ вопросахъ государственныхъ, каковы, напр., желѣзныя

дороги. Тутъ *враги* и *лица* на каждомъ шагу. Осторожность нужна крайняя. Чѣмъ скорѣе исправите дѣло, тѣмъ лучше будетъ для Харькова. Вѣдь иначе вы *заставите* Новор. губ. защищать себя, поймите сіе. Да и Вамъ не только легко, но и естественно въ силу общихъ интересовъ идти съ Новорос. рука объ руку.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

15.

Одесса, 21 янв. 1867 г.

Любезнѣйшій Григорій Петровичъ!

Вы, пожалуй, имѣли бы право упрекнуть меня въ молчаніи, если бы Ваши разсчеты надо мною были сдѣланы при моемъ участіи. Но теперь я чувствую себя совершенно правымъ. На оберткѣ Вашего романа написано карандашемъ: «9 ноября находится въ Харьковѣ, 14 ноября пріѣдетъ въ Одессу; просятъ 20 ноября возвратить, 24 ноября пріѣдетъ въ Харьковъ обратно». Получивъ рукопись Вашу, я прежде всего намѣтилъ краснымъ карандашемъ: «Получено въ Одессѣ 12 декабря 1866 г. П. Сокальскій, что Вы и увидите, ибо я сохранилъ оберточную бумагу. Далѣе, письмо Ваше и рукопись пришли въ самое каторжное время по редакціи. Декабрь, генварь и, отчасти, февраль—самая усиленная работа у насъ. Время мое разсчитано по часамъ и минутамъ. Я сначала хотѣлъ возвратить Вамъ немедленно рукопись--ибо Ваши даты (числа) сбили меня съ толку, и я боялся, что будетъ задержка, но потомъ, не видя отъ Васъ письма съ запросомъ и надѣясь, что я выберу времячко для пересмотра, я рѣшилъ отложить пересылку на нѣкоторое время. Моему колебанію посодѣйствовало и то, что я навѣрное не зналъ Вашего адреса и боялся, чтобы рукопись Ваша не была затеряна или не погуляла до Харькова, какъ она гуляла до Одессы *(болѣе мѣсяца*, если принять къ свѣдѣнію Ваши даты); кромѣ того я, какъ не-

женатый человѣкъ, не имѣю подъ бокомъ кому поручить зашить въ полотно (купить полотно, иглу и проч.), веревкой обмотать и проч., и посему предпочиталъ лучше отложить. Но какъ Ваше письмо къ брату показало мнѣ, что Вы имѣете причину спѣшить, то я рѣшился возвратить Вамъ рукопись, изъ которой прочиталъ только нѣсколько отдѣльныхъ главъ. Да если бы я и прочелъ весь романъ, то все же на письмѣ неудобно передавать то, что возможно только въ длинномъ разговорѣ, за чашкою чая и сигарой, за полночь...—Не могу также не припомнить, что я Вамъ неоднократно говорилъ, что я не могу и не имѣю природнаго расположенія исполнять какія бы то ни было порученія *срочныя*. Образъ занятій мой, самъ по себѣ *очень срочный* (я завѣдую теперь иностр. извѣст., депешами и политич. отдѣл.), не позволяетъ мнѣ свободно располагать своимъ временемъ, отымаетъ цѣлые дни и въ заключеніе утомляетъ на столько и глаза и умъ, что съ радостью бросаешь, въ свободную минуту, всякое бумажное занятіе. Я помню, что говаривалъ Вамъ на этотъ счетъ—и мои личныя антипатіи къ срочности, спѣху и мою невозможность фактическую. Поэтому, полагаю, что разсчеты Ваши не надъ однимъ мною, но и надъ всякимъ другимъ лицомъ, всегда будутъ оказываться фальшивыми, если въ Ваши разсчеты не будетъ введенъ весьма важный факторъ: «разсчетъ того лица, къ которому Вы обращаетесь». Надѣюсь, что мои разъясненія вполнѣ удовлетворятъ Васъ, потому что они вполнѣ искренни и что они ни въ чемъ не измѣнятъ нашихъ прежнихъ отношеній. Какъ я не знаю навѣрно Вашего адреса, то я отчасти и рискую выслать рукопись, которая пойдетъ днемъ или двумя позже письма; но боясь, что задержка будетъ для васъ непріятна, я предпочелъ ускорить. Мой нижайшій поклонъ уважаемой Юліи Егоровнѣ. Въ Петербургъ я точно собирался было ѣхать въ *Генварѣ*, что и усложнило мои занятія еще болѣе обыкновеннаго,—но теперь, по солиднымъ разсчетамъ отложилъ до тѣхъ поръ, пока выяснятся мои переговоры съ Питеромъ. Партитура же оперы (фортепіанная) уже въ Петербургѣ. Находятъ мое личное присутствіе необходимымъ для того, чтобы толкнуть ходъ дѣла впередъ, безъ

меня же, говорятъ, можетъ принять неблагопріятный ходъ. Я же, съ своей стороны, поставилъ вопросъ: пусть безъ меня рѣшать, принять къ постановкѣ или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ я ѣду на 4 мѣсяца въ Питеръ, во второмъ,—остаюсь на мѣстѣ, не разстраивая безплодно своихъ дѣлъ и финансовъ. Бросить же совсѣмъ Одессу и переводиться въ Питеръ, по моимъ разсчетамъ я могу, начиная съ іюля или августа 1867 г. Но рѣшусь ли я ее оставить или нѣтъ—это зависитъ отъ многихъ другихъ причинъ и соображеній. Вотъ, любезнѣйшій Григорій Петровичъ, въ какомъ видѣ мои оперныя дѣла. *Опера кончена и вполнѣ готова къ постановкѣ* и лежитъ у меня въ бюро. Мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ ее разсмотрѣли безъ меня постомъ 1867 г. и рѣшили къ постановкѣ въ сезонъ сентябрь—генварь 1867 г. до новаго года 1868 г. Тогда программа моей жизни складывается такъ: я ѣду на 4 мѣсяца (сент.—генв.) въ Питеръ и по постановкѣ возвращусь назадъ въ Одессу. Въ этомъ смыслѣ я и сдѣлалъ кое-какія усилія: написалъ письма Бороздину, Краевскому, Сѣрову, Кондыреву (служитъ въ Питерѣ директоромъ театра), и еще кое-кому. Главное, чтобъ ее хоть удостоили разсмотрѣть безъ меня: эти петербуржцы съ такимъ высокомѣріемъ смотрятъ на насъ, провинціаловъ, что безъ многихъ просьбъ и пролазничествъ не хотятъ даже утруждать себя разсмотрѣніемъ труда, стоющаго мнѣ 4 года. Тутъ пресса можетъ помочь, чтобы подтолкнуть. Я и просилъ въ Питерѣ кое-кого замолвить словечко въ газетѣ гдѣ-нибудь. Если и Вы окончательно не разсвирѣпѣли на меня и захотѣли бросить нѣсколько словъ отъ себя въ Петербургскую прессу о моей оперѣ,—то, безъ сомнѣнія, этимъ существенно бы подтолкнули дѣло и вмѣстѣ оказали бы мнѣ услугу. Дирекція театровъ, хоть немного, да чувствительна къ заявленіямъ прессы; быть можетъ, это рѣшило бы ее подвергнуть оперу разсмотрѣнію, хотя графъ Борхъ положительно сказалъ Бороздину, чтобы я выслалъ и что ее разсмотрятъ (вслѣдствіе чего я и выслалъ ее). Сказать же можно о моей оперѣ слѣдующее: она въ 4 актахъ и идетъ за Гоголемъ и его юморомъ рука объ руку; тѣмъ не менѣе народъ и хоръ и чувство мужиковъ не разрабо-

таны каррикатурно, а серьезно; авторъ смотрѣлъ на мужиковъ, какъ на такихъ же людей, какъ оперные графы, герцоги и короли. Народные мотивы составляютъ основную почву всей оперы, но сдѣланы надлежащія уступки практическимъ требованіямъ сцены, оркестра и широко развита оркестровка. Комизмъ и лирика, главные элементы оперы, вмѣстѣ съ эпическими хорами, и комико-лирическая опера--новизна на русской оперной сценѣ. Главная примадонна—контральто, а не сопрано. Пьяному Каленику, являющемуся пьянымъ во всѣхъ актахъ, дана характерная музыка. Декораціи и обстановка просты (крестьяне и крестьянская деревня), и потому постановка ея не можетъ стоить дирекціи никакихъ издержекъ. Какъ текстъ, такъ и музыка, то-есть вся опера, представляетъ *реальную* дѣйствительность, въ отличіе отъ псевдоклассическихъ оперъ умирающаго опернаго репертуара, наполненнаго ходулями, миѳами, волшебствомъ и т. п., но лишеннаго дѣйствительной правды, реальности. Музыка представляетъ собою оригинальный стиль, никого ненапоминающій и выработанный на южнорусскихъ мотивахъ, что тоже новизна для русской сцены въ Петербургѣ. Отрывки изъ моей оперы исполняли и въ Петербургѣ и въ Одессѣ, всегда съ успѣхомъ. У меня, кромѣ того, начаты уже другія оперы. Впрочемъ, къ чему это я пишу? Если мои усилія не увѣнчаются успѣхомъ, то придется измѣнить планъ жизни и перебраться въ Питеръ на нѣсколько лѣтъ. Я это и сдѣлаю, ради удовольствія своего, но выгоды никакой не пріобрѣту,--ибо опера не вознаграждаетъ нисколько, а утрачу только то, что имѣю здѣсь, въ Одессѣ. Поручаю себя попрежнему Вашему вниманію и расположенію.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

16.

Одесса 10 апр. 1869 г,

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Очень обрадовался, получивъ Ваше милое письмо. Признакъ, что Вы меня не забыли, за что Вамъ душевное спасибо. Мно-

гое бы хотѣлось перемолвить съ Вами—въ отвѣтъ на Ваше письмо—но «не можна». Время мое сосчитано, какъ у англичанина. Послѣ послѣдняго переѣзда моего изъ Питера въ Одессу произошелъ (или, лучше сказать, я произвелъ) крупный переломъ въ моей жизни. Съ тѣхъ поръ прошло $1^1/_2$ года и чего только не было со мной? Гдѣ я только не понюхалъ пороху? все въ Одессѣ, правда—но въ разныхъ сферахъ. Въ началѣ, мотылькомъ стремился на огонекъ брачной жизни, но во-время очнулся и зигзагомъ улизнулъ въ сторону; далѣе, окунулся въ омутъ торговли и комиссіонерства, вступилъ во 2 компаніи и изъ обѣихъ вышелъ. Результатомъ перваго было сохраненіе личной свободы, результатомъ второго—растрепаніе капитальца, собраннаго съ такими трудами; былъ моментъ, когда онъ висѣлъ на волоскѣ весь,—ужасная была ночь!.. Но я не посѣдѣлъ и не полысѣлъ. Уразумѣвъ пошлость и подлость того міра, къ которому меня влекла любознательность и любопытство болѣе, нежели корысть, я отвернулся отъ него и выскочилъ изъ него съ разумѣніемъ, но съ общипанными крыльями. Засимъ, не теряя бодрости духа, ударилъ на практическую дѣятельность, оставилъ пока въ сторонѣ и музыку и литературу. Я ихъ люблю по прежнему и не теряю ни желанія, ни охоты вернуться къ нимъ, но только *не рабомъ*, а *свободнымъ*, сирѣчь, не для куска хлѣба, а обезпеченнымъ джентльменомъ, могущимъ на собственный счетъ имѣть квартиру, столъ, одежду, обувь, халатъ, сапоги, сигары; папиросы и творящимъ то, что онъ хочетъ. Вы когда то говорили, что хотите и меня взять какъ частицу «zu» въ какой то типъ. Пожалуйста, добрѣйшій Григорій Петровичъ, примите къ свѣдѣнію въ такомъ случаѣ: 1) что я дѣйствительно типиченъ для текущаго поколѣнія и даже для молодого; которое со мною пульсъ имѣетъ одинъ, 2) что преобладающія черты моей природы и убѣжденій, равно какъ и молодого поколѣнія, не наука, и не искусство, и не корысть—а свобода. Прежде чѣмъ ея нѣтъ, мы не люди, а работники; только когда ее достигнешь, тогда видно, что мы за люди. И тогда оказывается: одинъ—дрянь, другой—такъ себѣ, третій—ничего, четвертый—молодчина. Но преобла-

дающая черта современнаго типа—завоевать свободу, т. е. чувство свободы. Я отложилъ въ сторону все, при первомъ давленіи на мою свободу; по мѣрѣ того, какъ я начинаю ее обезпечивать, опять возникаютъ прежніе инстинкты, вкусы и желанія. Въ настоящее время я окружилъ себя цѣлымъ лѣсомъ работы: 1) завѣдую политич. отдѣломъ въ редакціи Од. В.: 3 раза въ недѣлю передовыя обозрѣнія и размѣтка газетъ для переводчика. 2) Директоръ (одинъ изъ 5) Од. Общ. Взаим. Кред. (которое я и толкнулъ къ жизни, за что меня и выбрали). 3) Кассиръ въ ономъ же Общ., ибо довѣряютъ мнѣ всѣ, а обороты уже милліонами черезъ какихъ-нибудь 10—12 мѣс. 4) Секретарь Импер. Общ. Сельск. Хоз. Южн. Рос. 5) Редакторъ записокъ этого же общ., каждый мѣсяцъ по 1 книжкѣ въ 4 листа. Подпишитесь кстати: 5 р. въ годъ. Впрочемъ, Вы, вѣрно, выругаете меня, но я пришлю 2 перв. книжки, уже вышедшія; можетъ быть, Вы замолвите о нихъ что-нибудь доброе въ Правит. Вѣстн. Старыхъ друзей при случаѣ не забывайте. Пожалуйста, Александру Ѳедоровичу Тюрину—супругѣ его мой поклонъ; о немъ у меня самыя чистыя воспоминанія. За это время я сочинилъ двѣ музыкальныя вещи: 2 марша болгарск. (изъ болгарск. мотивовъ) и балладу на слова Гейне: «сегодня приснилась мнѣ царская дочь» для хора мужчинъ и женщинъ съ арфой и оркестромъ. Михаилу Ивановичу Сухомлинову тоже поклонъ; мы съ дядей его, Ѳедоромъ Ивановичемъ Сухомлиновымъ, сослуживцы по Общ. Вз. Кред., въ коемъ онъ тоже директоръ-предсѣдатель, а равно предсѣдатель земскаго банка. Николая Ивановича Костомарова, если встрѣтите, попросите позволенія облобызать отъ моего имени; я, наконецъ, начинаю раздѣлять его убѣжденія, что оперу «Майскую ночь» слѣдовало бы либретто на малороссійскомъ языкѣ. На этомъ разводѣ либретто съ содержаніемъ и музыкой у меня и вышло душевное противорѣчіе и я отложилъ дѣло на нѣсколько лѣтъ; пусть зрѣетъ мысль. Отчего бы Николаю Ивановичу не пріѣхать на лѣто въ Одессу? Если встрѣтите его, скажите—прямо ко мнѣ, въ городскомъ саду, въ центрѣ города, въ домѣ Общ. Сельск.-Хоз. Южн. Рос. Вотъ квартира моя и адресъ. Просторно. 4 комнаты. Въ саду. Столъ

свой держу; прислуга: кухарка, горничная, служитель по Обществу. Удобства есть. Рояль есть. Пусть пріѣдетъ. Если все еще онъ въ домѣ Караманова, на В. О. въ 9 линіи, то я напишу ему. А бѣдный Даргомыжскій! Незамѣнимая потеря; это былъ въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ. Біографія нужна.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

17.

Окт. 31 1869 г.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Не взыщите за поздній отвѣтъ. Я временемъ очень не богатъ, и если Вы это мнѣ не поставите въ вину, то Вы тѣмъ самымъ оправдаете меня. Искренно благодарю Васъ за милое письмо отъ 20 сентября и за оказанное Вами участіе Гоняеву. Я увѣренъ, что онъ оцѣнитъ Ваше вниманіе, такъ же точно, что Вы съ удовольствіемъ ему поможете, если представится къ тому случай или возможность. Ваше желаніе я исполнилъ: въ Од. В. помѣщена желаемая замѣтка о новомъ Вашемъ романѣ. Жду его и съ удовольствіемъ прочту, тѣмъ болѣе, что присутствовалъ у самаго его зародыша. Касательно высылки корректуръ прибавлю только одну просьбу, ту же, что и прежде: будьте добры, не назначайте мнѣ срока, а въ особенности краткаго. Все сдѣлано съ особеннымъ удовольствіемъ—но только досугами, дѣла же мои всѣ почти состоятъ изъ сроковъ, и я едва успѣваю ихъ сводить къ желаемымъ точкамъ. Понятно, что я не владѣю временемъ и потому заранѣе предупреждаю Васъ, чтобы потомъ не сердились на меня и не бранились, что я подружески исполняю Ваше милое желаніе, которымъ я горжусь и которое пріятно, и исполню по возможности скорѣе, но ни на какой срокъ не пойду, ибо не могу исполнить подобнаго ограниченія. Откуда у Васъ такой запасъ воображенія? Романъ—за романомъ, *а вы все еще не высказались*. Да, именно Вы, милостивый государь и современный беллетристъ, что Вы за человѣкъ? Чего Вы хотите? За кого Вы и противъ кого Вы? На это Вы мнѣ превосходно отвѣтите: я художникъ, я ни за кого,

ни противъ кого я улавливаю законы природы, рисую ихъ въ лицахъ, и проч. и проч. Такъ-съ! Это доставляетъ Вамъ удовольствіе, а за романъ платятъ наличныя деньги. Совершенно правы. Какъ пріятель Вашъ, я вполнѣ одобряю, оправдываю и благословляю Вашу дѣятельность, Вы занимаете пріятно досуги—свои и чужіе—и вмѣстѣ полезны себѣ и Вашему семейству. Вы полезный и честный гражданинъ и семьянинъ. Но для писателя-художника этого мало. Художественное произведеніе всегда болѣе или менѣе *протестъ* въ пользу или противъ кого-либо или чего-либо. *Вспомните Жоржъ-Зандъ, Диккена, Гюго, Байрона, Шиллера, даже Шекспира—этого музыканта страстей и характеровъ.* Я всегда это вспоминаю, когда говорю о Вашей литературной дѣятельности. Вы такъ наломали руку, у Васъ столько воображенія, опытности, знанія, упрямства и настойчивости, что придай Вамъ еще *нѣчто*—и изъ Васъ вышелъ бы крупный писатель. И вотъ тщусь каждый разъ это нѣчто уловить, чтобы по-пріятельски подсунуть его Вамъ въ руку—и не могу, не умѣю. Но попробую еще разъ. *Не хитрите съ читателемъ; когда Вы пишете, представляйте себѣ, что Вы завтра умрете и что Вы пишете завѣщаніе для нѣжно любимыхъ Вами дѣтей, значитъ полная откровенность, всякое «себѣ на умѣ» прочь, душу всю выворачивайте.* Вотъ тутъ то мы и усмотримъ, что тамъ у Васъ накопилось. Какъ бы ни былъ объективенъ художникъ, но его отношенія къ реальному міру, къ людямъ, всегда кладутъ несмываемый характеръ на всѣ его произведенія. *Не бойтесь* увлеченія, но бойтесь лжи и утрировки. Никакой рядъ живыхъ, ловкихъ сценъ не замѣнитъ отсутствія основной идеи, а она является сама собою, когда въ романѣ есть два живыхъ, не *одинаковыхъ* лица. Это—*законъ природы: достаточно прикосновенія двухъ металлическихъ пластинокъ одной холодной, другой теплой, чтобы уже потекло* электричество. Но довольно; я люблю Васъ за то, что Вы любите литературу; и можно съ Вами толковать объ этомъ. Но писать лѣнь—ибо надо много. На счетъ музыки, если желаете знать, отчего я оставилъ ее (впрочемъ, не навсегда, если только живъ буду, ибо природа моя,

организація—музыкальна и перестанетъ таковою быть только со смертью моею,—скажу вкратцѣ: я не уважаю ее—а только люблю. Она—моя любовница, но не жена. Я гораздо болѣе уважаю литературу, особенно беллетристику—романъ и драму, и если бы былъ человѣкъ съ обезпеченными средствами, то охотно взялъ бы ее себѣ въ жены. Но въ литературные работники, поденщики—ни за что. Свобода—дороже даже жены. Что Вы тамъ развиваете въ романѣ: «Гдѣ пристань»? Очень радъ, что Вы въ Питерѣ; Вамъ тамъ мѣсто. Надѣюсь и желаю, что супруга Ваша здорова и довольна и что семейство Ваше приноситъ Вамъ тихія радости—конечно рядомъ съ заботами, которыми только и держится семейное начало. Voilà le mot! Пресыщенный Парижъ среди всеобщаго разврата открылъ крестовый походъ противъ избѣгающихъ брака... О, содомъ и гомора; О! О! Га! Га! Впрочемъ чортъ съ ними! Я бы желалъ когда-нибудь вмѣстѣ *съ Вами совмѣстно* написать что-либо, какъ пишутъ французы. Было бы любопытно. Деньги пополамъ. Впрочемъ, теперь это нельзя. Досвиданія, добрѣйшій Григорій Петровичъ! Благодарю Васъ за вѣсти о Тюринѣ и Костомаровѣ. Бѣдный Александръ Ѳедоровичъ; его жена, я догадываюсь, доживаетъ послѣдніе дни. Это—большое испытаніе; мнѣ жаль нашего добраго, милаго Александра Ѳедоровича. А Костомаровъ, говорятъ, хотѣлъ жениться на гувернанткѣ. Мнѣ разсказывала объ этомъ извѣстная *Милорадовичъ*, патріотка. Она была въ Одессѣ и собирается провесть здѣсь всю зиму. Мы съ ней быстро подружили. Она была красивая женщиная, но сильно здоровье ея разстроено. Я не женатъ доселѣ и, надѣюсь, на долго, если не навсегда. Обстоятельства жизни такъ сложились, что я уже не требую отъ жизни жены. Довольно и любовницы. Братъ Nicolas Вамъ кланяется. Еще лѣтъ 4--5—и дѣло въ шляпѣ. Дочь его 16-ти лѣтъ *невѣста*, очень миленькая, высокая, стройная, прекрасные глаза. Приданое надо давать скоро. Мои финансы въ прошломъ году были въ полномъ безпорядкѣ. Въ этомъ 1869 г.—я успѣлъ собрать до 6000 р. въ руки. Въ 1870 г. буду собирать еще до 6000 р. (т. е. это быв-

шія мои сбереженія, превратилъ въ векселя—на 1/2 надежныя, а на 1/2 кто знаетъ)? Разсчитывая, что если посижу на мѣстѣ 4—5 лѣтъ, то завоюю себѣ свободу отъ поденнаго труда, и тогда... что же тогда? Ноги задрать вверхъ и dolce farniente. Право, буду доволенъ, ибо я не жаденъ.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

Сообщ. **Д. Багалѣй.**

САНИТАРЪ.

(Оповидання ликаря).

Тяжку годыну пережывъ нашъ народъ за холеры 1892 та 1893 року. Ликарськои помочи було дуже мало, особлыво въ тыхъ губерніяхъ, де нема земства: у Кыивщыни, на Волыни та на Подилли, а до того ще бидный, темный народъ не тямывъ, що холера така сама пошисть, якъ и вси инши пошесни хоробы; никому и ніякъ було розъяснытм людови, якъ и черезъ що розповсюжуется та пошисть, та що треба робыты, щобъ захыстытысь видъ неи.

Народъ думавъ, що це кара Божа за грихы; де-яки балакалы, що ликари трують людей, що ликарямъ за те платять, навить цину говорылы: за чоловика 5 карбованцивъ, за жинку 3 (и тутъ навить жинка меньше цины мае!), а за дитей по 50 копіёкъ. Скилькы я розпытувавъ людей: яка-жъ прычына ликарямъ труиты народъ и хто мигъ бы имъ платыты за те гроши—нихто не мигъ мени сказаты. Тилькы одынъ полицейськый урядныкъ казавъ мени, що чувъ видъ кого-сь, буцимъ то англичане думають воюваты насъ, але, бачывшы, що народу у насъ сыла велыка, пидкупылы ликаривъ, щобъ попереду выгубылы трохы народу.

Трудно, тяжко трудно було ликарямъ боротыся зъ пошестью середъ такои темрявы та забубонивъ.

Въ однимъ кутку на Волынському полисьи холера дуже лютувала.

Довелося мени прожыты тамъ трохы не два мисяци у сели Забирьи. Чымале те село розкынулось на писчаному горби надъ невелычкою ричкою, середъ виковичного соснового бору. Дывувався я не разъ, чому се холера такъ облюбыла те село, бо власне санитарни умовыны тамъ булы гарни: на писчаному грунти болота не бувало николы; село лежало на горби и николы ніякыхъ калюжъ не могло буты; хаты стоялы не густо, булы й садочкы, и городы при всякій хати; гній у Полищукивъ ричъ дорога и вывозять воны его разъ-у-разъ на поле. Вода була гарна, чыста; село було глухе, дуже далеко видъ мистъ та мистечокъ, а навркугы его, кажу, на скилькы мыль розлигся старый сосновый биръ.

А 'про те холера тамъ дуже лютувала; траплялося, що въ одынъ день бувало по 60 слабыхъ и на превелыку сылу встыгавъ я зъ фельдшеромъ обійты ихъ всихъ и даты помичъ.

Переляканый пошистью народъ розбигся по «заходахъ».

На Полисьи поля и синожати часто лежать дуже далеко видъ селъ, по 10—15 верстъ, бо здатнои земли для оранкы тамъ мало, а бильше лиса та болота – мочары. Отже люде звыклы тамъ на своихъ далекыхъ поляхъ та синожатяхъ ставыты соби холодни хаткы, або хочъ курини та халабуды, и жывуть по тыхъ «заходахъ» цилымы тыжнямы у робочу пору, тилькы у недилю вертаючысь до села, щобь довидатысь до хаты.

Холера почалась у Забирьи въ осени, колы вси люде жылы вже у сели. А якъ почала пошисть косыты народъ, то мало не вси, хто бувъ здоровый, повтикалы до заходивъ, полышывшы хворыхъ на волю Божу, безъ догляду.

У заходахъ, звычайно, тежъ занедужувалы де-якы, тай тамъ и помыралы, а мени зъ фельдшеромъ не сыла була довидуватысь до тыхъ заходивъ, бо и у сели мы на превелыку сылу встыгалы управлятысь.

Тяжко було намъ, а ще тяжче було бидному народови.

Бувало такъ, що никому було доглянуты хворыхъ, хочъ воды податы, никому було и домовыну, хочъ будь яку, збыты для померного, яму выкопаты ему на вичный спочынокъ. Не ставало

и дошокъ на домовыны, и доводылось де-колы збываты труну зо старыхъ воритъ або розбыраты для того тынъ, а въ одну домовыну клалы часомъ и по двое покійныкивъ, а дитей и по трое. Не доведы Боже, якый сумъ бувъ!

Булы, правда, санитары, котри обходылы хворыхъ, розносылы имъ ликы, розтыралы ихъ, колы, було, корчи почнуть браты, робылы дезинфекцію и помогалы ховаты померпыхъ. Але це бувъ народъ непевный, здебильшого бурлакы, пройдысвиты та пьяныци, бо путящыхъ людей, охочыхъ до такои роботы, дуже трудно було знайты, та ще за невелыку платню: пьять рубливъ на мисяць, якъ тоди було назначено.

Не любылы люде тыхъ санитаривъ. Увійде, було, въ хату, то заразъ просыть горилкы, бо, каже, при такій роботи не можна, щобъ не выпыть. Дадуть горилкы, та ще мусять добре глядиты, щобъ не потягъ чого. А выпье, було, то почне верховодыты у хати, гукать та командувать, наче яке начальство, ховай Боже.

Але бувъ у Забирьи одынъ санитаръ не такый, якъ вси инши, и варто про ёго де-що розсказаты.

Звався винъ Демьянъ Ходорчукъ и бувъ забирськый такы хазяинъ-кравець—не зъ заможныхъ, але й не дуже бидный, такъ соби, середнёго достатку.

Демьянъ бувъ пидстаркуватый чоловикъ, кремезный на вроду, трудящый, тверезый и дуже побожный.

Жыло ихъ тилькы двое старыхъ, бо диты пійшлы по свиту: дочкы виддани, сыны десь у городи на службі, одынъ у москаляхъ. Стара, якъ тилькы почалась холера у Забирьи, майнула кудысь до дочкы тай не поверталась. Демьянъ не схотивъ тикаты.

— Видъ Бога не втечешъ,—говорывъ винъ. И по загряныцяхъ хоробы бувають всяки и помырають люде. Що тоби назначено, видъ того никуды не сховаешся.

Дывувався я не помалу, що Демьянъ ставъ за санитара, колы вси забирьяне цуралысь того дила, якъ нечыстого.

Не моглы ёго ти пьять рубливъ такъ скортиты, бо не бувъ винъ бидный тай ни для кого було такъ дуже збыраты гроши. Не такый зновъ винъ бувъ, щобъ за-для спасенія души таке

дило робыты, бо, по ёго думци, не конче треба було для души добро творыты: абы лышъ лыха не робывъ.

Такъ, найнявся—тай годи; стара забралася, вдома роботы нема—чого жъ безъ дила вештатысь?

Чудный трохы бувъ зъ ёго санитаръ. У наши ликы винъ не вирывъ, у дезинфекцію—ще меньше, хочъ и робывъ по совисти все, що казавъ ёму я, або фельдшеръ. И ликы розносывъ, и теръ хворыхъ дуже щыро, и чыстывъ все, що треба було, але до того ще видъ себе дбавъ, щобъ хворый безъ покаяння не померъ и свичечку щобъ далы ёму въ рукы, колы схоче помыраты. Воно не вадыть.

Дывный свитоглядъ ёго бувъ, дывни й розмови.

Оце прынесе до хворого ликы, почне глядиты кухлыка, щобъ даты ёму запыть ихъ водою. Спытае хто:

-- Дядьку, воно-жъ не гирше буде видъ того?

— А я хиба знаю?

— Може смерть видъ того?

— Дурныцю кажешъ. Видъ Бога смерть, не видъ ликивъ. У заходы видъ смерти не сховаешся. Онъ, кажуть, пьятёхъ вчора поховалы у заходахъ, якъ собакъ закопалы, безъ покаяння. Пый.

— Труять, кажуть.

— Пый. Колы тоби назначено видъ отруты вмерты, то такъ и буде.

— Такы правда, що труять ликари?

— Мабуть, брехня. Собаци дававъ—не здохла. Тай не таки воны, здается, люде, на душогубивъ не скыдаются.

Хвори слухалы Демьяна, хочъ винъ и не дуже ласкаво зъ ными поводывся: часомъ и налае, було.

Винъ не вирывъ, що холера—пошесна хороба, що вона входыть у тило зъ йижою або водою. И не боявся іи.

Було почнешъ ёму розсказуваты, якъ розповсюжуется ця хороба, на що потрибна дезинфекція; показувавъ я ёму и малюнкы холерныхъ бациллъ. Не йнявъ виры.

— Воно-бъ то выходыть, що люде мудрійши сталы видъ Бога?—озвется було понуро.

— Чого-жъ мудрійши? Мабуть, и розумъ людямъ Богъ дае, щобъ дила ёго розумилы.

— На що-жъ людямъ ти дила розумиты? Не гоже.

— Чому не гоже?

— А такъ. Одно дило треба розумиты: не гришы. А почнуть мудри люде Божи дила розбыраты—ще хто ёго знае, чы розберуть якъ слидъ, чы ни, а грихъ тымъ часомъ вже йе: вже ти мудри и скоромъ у пистъ, не вамъ кажучы, йидять, и у блуди жывуть, у церкву не ходять. Тьху!

— То по вашому, Демьяне, выходыть, що хворобы личыть не треба, зъ пошестью боротысь не слидъ, бо це дило Боже?

— А то-жъ. Хвороба—кара Божа.

— А пожаръ гасыте, колы займется? Аджежъ и пожаръ—кара Божа?

— Тожъ кара. Хто ёго знае?

— То на що-жъ вы орете, сіете, збыраете хлибъ, заробляете гроши? Аджежъ Богъ сказавъ: воззрить на птыци небесни, яко не сіють и не жнуть, а Богъ годуе ихъ.

— Ни, не такъ кажете, выбачайте,—озвався Демьянъ. Богъ сказавъ чоловикови: за твій грихъ—въ поти лыця будешъ заробляты хлибъ соби. Отъ и повыненъ винъ заробляты. И вы у поти лыця заробляете соби хлибъ, и я, и всякъ другый. А хто чужый хлибъ йисть—грихъ. Хиба що калика, не може заробыты, ну то такому вже ёго калицтво—кара Божа. А колы заробывъ у поти лыця хлибъ, то й ховай ёго, и шануй, и гасы вогонь, колы горыть твоя праця. Працю шануваты треба. Не пошануешъ своеи—не будешъ шануваты и чужои. Такъ и до злодійства доходять.

Я бачывъ, що Демьяна не переможешъ абы-якъ. Въ тимъ—якъ блыскавка промайнула мени одна думка.

— Оце-жъ вы кажете, що хворобъ личыты не треба. Але-жъ и Ісусъ Хрыстосъ личывъ слабыхъ, и святый Демьянъ, що вы ёго імення маете, тежъ бувъ ликарь, знаете: Кузьма й Де-

мьянъ? И святый Пантелеймонъ бувъ ликарь. Отже хочъ хвороба и видъ Бога, а воны личылы іи. Значыть, не грихъ?

Демьянъ здывовано подывывся на мене и задумався.

— Хто его знае,—сказавъ винъ, зитхнувшы,—може воно й такъ.

Зъ тои поры Демьянъ переминывъ свою думку про непотрибнисть ликивъ, и я знаю, що навить хворымъ, говорывъ винъ, що ликы прыймать треба, бо святи ликари давалы ихъ.

Але въ потребу дезинфекціи та чыстоты винъ все такы не вирывъ и колысь навить сказавъ мени, що такого и святи ликари певне не велилы робыть. Я не мигъ вже прыгадаты зи святого пысьма доказу для дезинфекціи, бо знавъ певне, що святи Кузьма и Демьянъ жылы передъ Листеромъ и Пастеромъ, не зналы ни микроскопа, ни бациллъ, а значыть и дезинфекціи не робылы.

Оце, було, зайду до слабого. Демьянъ тре ему ногы «шпигинаромъ», щыро тре, ажъ упріе самъ, дали покладе ему прыпарку зъ высивокъ на жывитъ, вытре свои рукы у ряднылу, що постелена слабому, выпростыть натружену спыну та вытре рукою мокре чоло.

— Ху! ажъ зогрився.

— Демьяне, скажу я, помыйте рукы.

— Та воны чысти.

— Та помыйте бо, кажу. Воны по вашому, чысти, а зараза на ныхъ йе. Хлибъ будете браты, до хлиба вона прыстане, тай найистеся лыха.

Демьянъ пры хворыхъ зо мною не сперечався, бо знавъ, що я того не люблю, а мене винъ поважавъ, може трохи й за мои богословськи видомости, на его мирку—велыки.

Винъ хочъ неохоче, але мывъ рукы.

А потимъ, у вильну хвылыну, якъ не було роботы, зачепыть такы мене.

— А оце, пане, якъ воно выйде: вы мени кажете разъ-у-разъ рукы мыты. А безъ васъ, выбачайте, и не мыешъ ихъ, и хлибъ йисы, а воно й ничого. Воно, по вашому, скризь зараза

йе: и на одежи, и на стинахъ, и на доливци, и на дверяхъ—то выходыть: тилькы й роботы людыни, що рукы мыть. Увійшовъ у хату—мый, выйшовъ зъ хаты—мый, почухався, выбачайте—мый. А до мене ось, бачыте, не прыстае. Що-жъ—то, хиба я у Бога праведныкъ? Такый—саме гришный, якъ и вси.

Подекуды Демьянъ казавъ правду.

Розсказувавъ я ёму, що здоровыхъ, крипкыхъ людей, не пытущыхъ, зараза не такъ швыдко поборе, але знавъ я, що мій доказъ слабкый, що не вдовольныть винъ допытлывого, цикавого розуму Демьяна.

— Гай, гай!—казавъ винъ.—А хиба забулы вы Романа Колодія? На що вже здоровенный, якъ бугай, и не пытущый бувъ, хай царствуе. А скрутыло ёго въ одынъ день, до вечора не дожывъ. Вже-жъ постаралысь коло ёго и вы, и фершалъ та що зъ того? А оте мале, сусидське, выдужуе; яке паршыве, просты Господе, ще й горбате. Що й казаты!... Кому назначено. Воно такъ скажемъ прымирно, якъ на війни: якъ котрый, такъ и пидъ турка, и пидъ поляка и на Кавказъ ходывъ, може въ якыхъ двадцяты страженіяхъ перебувъ, а якъ кому другому, такъ тилькы посунувся—амынь тоби.

Тутъ вже Демьянивъ верхъ бувъ.

Ще труднійше було мени зъ Демьяномъ черезъ ёго практычну, бережлыву, навить трохы скупу вдачу. якъ доводылось робыты дезинфекцію писля слабого або помершого. Скажешъ помыты все шмаття—воно добре, чому-жъ не попраты. Але на що ёго попереду мочыты у сулеми? Сулема дорога, гроши коштуе, здалась-бы на що инше, путяще. Помыты лавы, столы—можна; та нехай бы вже передъ святамы, а не у пистъ. И на що ихъ мыты мыломъ? Хто такы бачывъ, щобъ дерево мыломъ мыты? Ну, нехай-бы пискомъ потерла дивка. А мыло-жъ гроши коштуе, для шмаття воно назначено.

Побилыты хату можно, воно й добре. Але на що-жъ сыпаты вапномъ доливку? Хто таке бачывъ?

Посыпае, було, Демьянъ доливку вапномъ; йидке негашене вапно выйидае очи, пече въ носи, а Демьянъ вже не стерпыть;

тай клене, бубоныть соби про себе: «нехай ёму маму мордуе зъ ёго дохторамы, зъ ёго фершаламы, зъ дурнымы выгадкамы. А-пчхы! просты Боже»!

А найгирше було зъ теплою, зимовою одежою.

Мени булы дани гроши, щобъ я мигъ платыты людямъ за ти речи, яки доведется попалыты для знищення заразы.

Отже палылы мы те, чого не можно було вымочыты и выпраты: подушкы, кожухы, якымы вкрывалысь слаби, килымы, шапкы та валянкы. Поклычу було старосту, понятыхъ чоловика трое, тай цинуемо, скилько вартъ, напрыкладъ, кожухъ? Оцинують люде, напрыкладъ, стару кожушанку въ карбованцивъ висимъ, а я накыну поверхъ того ще карбованця або й два, щобъ не нарикалы люде на крывду и не ховалы видъ мене одежи.

— Ну, Демьяне, згортайте оту солому, що була пидъ ряд-номъ, берить кожухъ, таскайте все на городъ тай палить. Та далеченько йдить, щобъ крый Боже, пожежи не зробыты.

Оце для Демьяна була справжня пеня.

Ну якъ такы палыты працю? Нехай-бы вже солому; що вона тамъ варта, оберемокъ якыйсь,—та и то краще було-бъ у хливецъ вытрусыты, гній бувъ-бы. А кожухъ же гроши яки вартъ! Хиба жъ не грихъ знущатысь такъ, працю нивечыты, палыты?

Скажу було: Демьяне, вы-жъ заразу палыте, людямъ добро робыте, крывды никому нема: кожухъ вже ничый, за ёго гроши виддани; ще кращый, новый соби куплять.

— Напалылы вже тіеи заразы, а хоробы не спалылы. Хиба меньше теперъ слабують? Грихъ, ій-Богу грихъ!

— Ну палить, Демьяне, палить. Нехай вже це мій грихъ буде.

— Хто ёго зна, чый грихъ?

А пошесть такы косыла людей тай косыла. Ажъ передъ Риздвомъ, якъ взялы морозы, почала вона вгаваты. Хворыхъ стало меньше, меньше й помырало, а вже якось бильше выдужувало. На мою думку, сыла, заразы поменшала видъ морозу, бо холера сама родомъ зъ Индіи, земли теплои, и у насъ вона

свое дило робыла добре, покы було тепло. Прыборкавъ іи холодъ краще, нижъ наша дезинфекція. Така була моя думка, але того я Демьянови вже не казавъ. Згодомъ я выйихавъ зъ Забирья.

Пошисть тамъ вже була спынылась, але поодыноки люде ще де-не-де занедужувалы, траплялось що й помыралы. И на весну и у литку ще трапляхлысь холерни хвори, не такъ вже у Забирьи, якъ по околычныхъ селахъ та мистечкахъ, навить у такыхъ мисцяхъ, де торикъ пошести не було. Трудно було зрозумиты, чого се такъ облюбыла холера той глухый закутокъ Полисся.

На другу осинь трапылась прыгода у Забирьи: обикрадено почтаря, Кырыла Хвою.

Хвоя бувъ багатырь на все село: и земли, и скотыны мавъ найбильше; державъ волостну почту—шестеро коней, гроши дававъ людямъ пидъ закладъ на процентъ або на видробитокъ, якъ колы—то й киньмы барышувавъ. Хазяйство було у его якъ у пана: хата добра, на помости, рундукъ зъ вытребенькамы, свитлыця гарна, вся завишана та застелена килымамы. Якъ доводылось ночуваты у Забирьи якому начальству, то вже не въ кого, якъ у Хвои.

Земли державъ винъ багато, гнойивъ іи добре, то й родыла, якъ ни у кого, а робитныкъ бувъ ёму дешевый, бо видробляли ёму люде гроши.

Комора була у Хвои, якъ яка добра крамныця, бо и свого добра мавъ чымало и людського, що у заставъ давалы, ще бильше. Комору-жъ и обикрадено.

Самъ Хвоя ночувавъ у стайни, бо трусывся за коней, а кони булы у его дороги. За комору винъ и не боявся бо, була вона пры хати, двери дубови, добри, виконце зъ зализнымы кгратамы, якъ у острози, а собакы у двори люти.

Отже ворогъ собакъ ёму потруивъ, кграты у комори высадывъ ломомъ тай выбравъ, що було краще: одежу всяку—и свою, и людську, упряжъ нову, яку державъ почтарь для справныка та

мырового, кылымы, полотна,—шкоды на карбованцивъ трыста, колы не бильше.

Репетъ знявся у-ранци; зійшлысь сусиды, люде, балакалы, выгадувалы всячыну. Слидъ бувъ за тыномъ, що пидйихавъ возомъ; у кропыви знайшлы сувій полотна, що згубылы злодіи; дали вулыцею слидъ пропавъ, а зновъ биля ворить Демьяна Ходорчука, санитара, знайдено кылымъ. Прызнався и хазяинъ того кылыма, що заставывъ ёго недавно почтареви.

Хвоя верхы скочывъ до станового у Рокытну.

Въ обидню пору прыйихавъ становый, роздывывся, ходывъ за слидомъ, людей розпытувавъ, чы не думають на кого. Нихто не мигъ сказаты.

— Чого-жъ це кылымъ знайшовся биля Ходорчуковыхъ воритъ?—Спытавъ становый.

— Згубылы, мабуть, озвався староста. Полотно ось у бурьяни знайшлы, тежъ згубылы.

— Полотно не дыво, що згубылы, передаючы черезъ тынъ. А якъ-же зъ воза кылымъ згубыты?

— Чому-жъ, хиба не бувае таке?—озвався хтось. Дячыха чоловика пьяного згубыла, вертаючысь зъ весилля.

Зареготалысь люде, сміялося й начальство:

— Жартъ жартомъ,—сказавъ становый,—а думка така, чы не знае чого Ходорчукъ у цій справи. Нема ёго тутъ?

— Нема и не бувъ.

— Дывно. Все село тутъ перебуло, а винъ не навидався.

— Мабуть, дома немае, на базаръ пойихавъ

— Винъ разъ-у-разъ по ярмаркахъ всячыну возыть, продае,—озвався хтось.

— У ту недилю кожухъ продававъ у Рокытному,—сказавъ другый.

— Эге, продававъ!

— Та-акъ,—сказавъ становый, задумавшысь. Чы не переховуе винъ часомъ краденого, онъ-що? Соцькый, беры двохъ десяцькыхъ, йды зо мною до Ходорчука, а вы розійдиться, ничого тутъ товктысь. Гайда!

Але люде не розійшлыся; такъ цилою юрбою й посунулы оддаля́ за становымъ.

Ходорчукъ бувъ дома. Якъ увійшовъ становый, зъ понятымы у двиръ, винъ выйшовъ зъ хаты, прывитавъ здывовано, поглядаючы на юрбу людей биля своихъ воритъ.

Становый знавъ Ходорчука ще зъ торишнёи холернои поры.

— Ось що,—брате, сказавъ винъ, кывнувшы головою на поклинъ Демьяна:—обчыстылы комору у Хвои, чувъ?

— Чувъ.

— А не знаешъ, куды подилася пропажа?

Якъ мени знаты? Хиба я тамъ бувъ, колы кралы?—здывовано видповидавъ Демьянъ.

— Може й не бувъ, видповивъ становый, але коло твоихъ воритъ кылымъ знайшовся.

— Такъ що-жъ?

— Думка така, бачышъ, чы не знайдется ще де-що у тебе въ хати?

— Демьянъ шырокымы очыма подывывся на становего и видступывъ назадъ.

— Грихъ вамъ буде, ваше благородіе, що таке на мене думаете. Я вже, хвалыть Бога, до сывого волоса дожывся и зроду зъ злодіями не знався. Хиба хто скаже про мене таке?

— Та нихто не каже,—видповивъ трохы збентеженый становый. Та ось, кажуть, ярмаркуешъ одежою, то-що.

— Я-жъ кравець, видповивъ Демьянъ.

— Та воно такъ,—видповивъ становый; а все-жъ певнище буде, колы поглядымо у тебе; поговору не буде. Не знайдется ничого, то й тоби краще.

— Про мене, шукайте,—видказавъ Демьянъ.

Увійшлы въ хату; перетрусылы все и у скрыняхъ, на печи по всихъ закапелкахъ, у комори—не знайшлы ничого.

— А полизьте хлопци на горище, сказавъ становый.

Полизло двое.

— Ие, ваше благородіе!—гукнувъ зъ горища соцькый: и кожухы й кылымы, и свыты.

— А що?—звернувся становый до Демьяна,—честный чоловикъ, зъ роду не знався зъ злодіями!?—глумлыво говорывъ винъ, лизучы самъ по драбыни на горище.

— Бо й не знався такы зъ роду,—казавъ сьмилыво Демьянъ.

На горищи справди бувъ цилый складъ всякого добра? Найбильше одежи, кожухивъ, та кылымивъ.

— А де ты, честный чоловиче, набравъ такого добра?—пытавъ зверху становый? А поклычте сюды Хвою, нехай прызнае свою пропажу.

— Та це не ёго добро,—озвався Демьянъ.

— А чые-жъ, голубе мій сывый?—допытувавъ ядовыто становый.

— Холерне,—видказавъ Демьянъ.

— Яке холерне?

— Торикъ, значитъ, якъ помыралы люде, то докторъ цинувавъ всяку оцю одежу та веливъ мени палыты. Ну, а я пожаливъ палыты...

Становый страшенно боявся холеры. Мовъ ошпареный, прожогомъ винъ спустывся зъ горища черезъ одну, черезъ дви щаблыны, а зъ половыны драбыны зискочывъ на землю, важко дыхаючы и дыкымъ поглядомъ вырачывся на Демьяна. А Демьянъ спокійно казавъ дали.

— Воно ничіе, за ёго гроши выдани людямъ, докторъ платывъ пры старости...

— На.. на що-жъ, на що-жъ ты ёго ховаешъ?—скрыкнувъ становый.

— Та такъ. Потрóхы продаю по базару... А щобъ краденого...

— Ироде!.. завыщавъ становый, ты-жъ заразу продаешъ!

Иродъ усмихнувся.

— Яка тамъ зараза! Це доктори выдумалы... Хиба воно видъ заразы?

— Та воливъ-бы ты краще десять разъ кradене продаваты, а нижъ таку погань! Анафемо!

— Яка-жъ це погань? Що погане було, старе, драитыве, те я палывъ. А це не погань. Ваша-жъ пани сами у мене купылы на Покрову кылымъ у Рокытному на базари, гарный кылымъ, дешево виддавъ...

М. Левицькый.

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи [1].

V.

Основаніе каѳедры славяновѣдѣнія въ Москвѣ. Приготовленіе О. М. Бодянскаго къ занятію этой каѳедры. Критическая статья О. М. Бодянскаго о сборникѣ словацкихъ пѣсенъ Яна Коллара. Переводъ «Славянскихъ Древностей» Шафарика. Магистерская диссертація О. М. Бодянскаго «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Критическая статья О. М. Бодянскаго объ изданной Ѳ. Булгаринымъ книгѣ «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ».

Изъ воспоминаній К. С. Аксакова мы уже знаемъ, что въ университетѣ О. М. Бодянскій былъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ студентовъ и серьезно занимался исторіей [2]). Обстоятельства, впрочемъ, не сдѣлали изъ него спеціалиста-историка, а толкнули его на новый путь—славяновѣдѣнія, гдѣ онъ и пріобрѣлъ себѣ крупное, почетное имя въ наукѣ.

Окончаніе О. М. Бодянскимъ университета совпало какъ разъ съ введеніемъ въ русскихъ университетахъ новаго устава 1835 года, по которому учреждалась и новая каѳедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій.

---

1) См. Кіев. Ст. 1903, № 3.

2) День, 1862 г. № 40.

Хотя основаніе этой кафедры и не было неожиданной случайностью, потребность въ ней сознавалась давно, но самый фактъ основанія засталъ русскихъ ученыхъ, можно сказать, врасплохъ. Любителей славяновѣдѣнія было немало; спеціалистовъ же, ученыхъ, годныхъ для занятія кафедры славянскихъ нарѣчій, совсѣмъ не было. Въ Москвѣ кафедру эту занялъ временно извѣстный, но тогда уже сильно постарѣвшій, учитель О. М. Бодянскаго М. Т. Каченовскій, болѣе другихъ, конечно, имѣвшій правъ на ея занятіе. Сдѣлана была затѣмъ попытка пригласить въ Москву профессоромъ славянскихъ нарѣчій знаменитаго І. Шафарика, на тотъ отклонилъ предложеніе. Тогда остановились на О. М. Бодянскомъ [1]).

Бодянскій былъ учителемъ въ одной изъ московскихъ гимназій. Ходилъ разсказъ, что извѣстный московскій попечитель гр. С. Г. Строгановъ пришелъ однажды въ классъ латыни къ Бодянскому и, нѣсколько пораженный его украинско-семинарскимъ произношеніемъ, замѣтилъ ему: «Какъ дурно вы читаете по-латыни. «А вы почему знаете, что я дурно читаю—отвѣчалъ Бодянскій:—быть можетъ, римляне читали еще хуже меня»! Любителю смѣлыхъ и оригинальныхъ отвѣтовъ этотъ отвѣтъ понравился, и съ этихъ поръ началось ихъ сближеніе [2]). Сближеніе это и привело О. М. Бодянскаго къ кафедрѣ.

Разсказъ, передаваемый А. А. Котляревскимъ, вѣроятнѣе всего, принадлежитъ къ числу тѣхъ своеобразныхъ анекдотовъ, которыхъ не мало, говорятъ, ходило про грубую прямоту О. М. Бодянскаго. Сближеніе О. М. Бодянскаго съ С. Г. Строгановымъ могло произойти и другимъ способомъ—чрезъ М. Т. Каченовскаго или чрезъ М. П. Погодина. Какъ тотъ, такъ и другой, должны были хорошо знать О. М. Бодянскаго. У М. Т. Каченовскаго О. М. Бодянскій работалъ по русской исторіи, и мы видѣли уже, что первыя работы О. М. Бодянскаго по исторіи

---

[1]) *А. А. Кочубинскій.* Графъ Строгановъ въ Вѣст. Евр. 1896 г. іюль, стр. 165 и слѣд.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго т. II, стр. 434.

носятъ на себѣ всѣ слѣды скептицизма М. Т. Каченовскаго. Такъ естественно было для Каченовскаго, разъ самъ онъ перешелъ на кафедру славянскихъ нарѣчій и литературъ, сосредочить и занятія своего ученика на этомъ предметѣ. Еще большее значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ для О. М. Бодянскаго М. П. Погодинъ. Мы уже знаемъ изъ отзыва самого О. М. Бодянскаго, какую роль сыгралъ М. П. Погодинъ въ его ученой судьбѣ, какъ онъ живо интересовался его занятіями, направлялъ ихъ, помогалъ имъ.

Точныхъ фактовъ у насъ нѣтъ, но мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что Погодинъ съ Каченовскимъ предназначали на кафедру славянскихъ нарѣчій въ Москвѣ именно О. М. Бодянскаго. При такихъ обстоятельствахъ, гр. С. Г. Строганову совсѣмъ не трудно было «оріентироваться среди новыхъ условій» [1]): стоило только съ довѣріемъ отнестись къ людямъ науки. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Разъ выяснилось для О. М. Бодянскаго направленіе его ученой карьеры, молодой ученый все свое вниманіе сосредоточилъ на изученіи славянскихъ нарѣчій и литературъ. Въ сентябрѣ 1836 года Бодянскій подалъ въ совѣтъ университета просьбу о допущеніи къ экзамену на степень магистра «преимущественно по предмету исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій». Магистерскій экзаменъ происходилъ въ октябрѣ въ полномъ собраніи перваго отдѣленія философскаго факультета и въ присутствіи двухъ депутатовъ отъ совѣта университета. На экзаменѣ присутствовалъ и попечитель С. Г. Строгановъ. Это показываетъ, что уже тогда онъ относился къ О. М. Бодянскому съ интересомъ.

Экзаменъ, какъ письменный, такъ и устный, сошелъ у О. М. Бодянскаго хорошо: «всѣ гг. испытатели, говорится въ оффиціальномъ донесеніи словеснаго факультета совѣту, изъявили полное свое удовольствіе». Для магистерской диссертаціи была предложена тема «О народной поэзіи славянскихъ племенъ», «поелику, говорится въ томъ же донесеніи, кандидатъ Бодянскій

---

[1]) *А. А. Кочубинскій*, гр. С. Г. Строгановъ. Вѣст. Евр. 1896 іюль, стр. 185.

заранѣе объявилъ, что славянскія нарѣчія и ихъ литература составляли главный предметъ его занятій» [1]).

Тема «О народной поэзіи славянскихъ племенъ была оффиціально предложена факультетомъ, но надъ ней О. М. Бодянскій уже раньше работалъ подъ руководствомъ своего учителя Каченовскаго, который то собственно и предложилъ эту тему въ факультетѣ

Въ 1835 году въ 4 книгѣ журнала «Московскій Наблюдатель» появилась первая работа О. М. Бодянскаго, явившаяся результатомъ занятій его славянскими нарѣчіями и литературой. Это была критическая статья о «Народныхъ спѣванкахъ или свѣтскихъ пѣсняхъ словаковъ въ Венгріи», изданныхъ въ 2 частяхъ Яномъ Колларомъ въ 1834 и въ 1835 годахъ.

Статья начинается указаніемъ, какъ мало извѣстно про словаковъ въ Россіи, причемъ выражается увѣренность, что съ основаніемъ славянскихъ кафедръ въ русскихъ университетахъ, знакомство русскихъ съ славянскимъ міромъ станетъ на прочную почву. «Придетъ пора—говоритъ О. М. Бодянскій,—и у насъ явятся свои, Дубровскіе, свои Линде, Юнгманы, Копитари, Караджичи и т. п. растолкуютъ намъ, какъ важно, необходимо для насъ узнать покороче славянскія племена, эту кость отъ костей и плоть отъ плоти нашей; какъ неизвинительно, вредно было наше невѣдѣніе объ нихъ, и, напротивъ, сколько пользы можетъ произойти отъ ближайшаго съ ними знакомства» [2])... Пользуясь сочиненіемъ Шафарика «Geschichte der Slavischen Sprache uud Litteratur nach allen Mundarten», О. М. Бодянскій цѣлую статью посвящаетъ историко-этнографическому очерку словацкаго племени, а затѣмъ уже, во второй статьѣ, переходитъ къ словацкимъ пѣснямъ, стараясь опредѣлить ихъ характеръ и отношеніе ихъ къ пѣснямъ другихъ славянскихъ племенъ. Въ этой второй статьѣ высказана сущность всѣхъ тѣхъ мыслей, которыя потомъ были подробнѣе развиты въ магистерской диссертаціи О. М. Бодянскаго «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Нѣкоторыя страницы изъ

---

[1]) Рус. Ст. 1879 г. ноябрь стр. 462—463.

[2]) «Московскій Наблюдатель», стр. 385.

критической статьи о сборникѣ Коллара, какъ напр., страницы о поэзіи великороссовъ[1]), малороссовъ[2]) и поляковъ[3]) почти цѣликомъ были перепечатаны въ диссертаціи О. М. Бодянскаго. Потому мы и не будемъ болѣе останавливаться на статьѣ О. М. Бодянскаго о сборникѣ Коллара, хотя она, конечно, и интересна въ исторіи постепеннаго развитія научныхъ мнѣній знаменитаго слависта.

Занимаясь славянскими нарѣчіями, О. М. Бодянскій скоро пріобрѣлъ себѣ извѣстность знатока ихъ. Мы уже знаемъ, что Погодинъ поручилъ ему написать спеціально для Шафарика статью о малорусскомъ нарѣчіи, и Шафарикъ встрѣтилъ ее очень лестнымъ отзывомъ. «Систематическое полное обозрѣніе и характеристика діалектовъ русскихъ, писалъ по этому поводу Шафарикъ Погодину, есть pium disiderium, можетъ быть исполнено Бодянскимъ: его письма о малороссійскомъ столь превосходны, что я желаю распространенія его изслѣдованія на бѣлорусское, новгородское»[4]). Когда вышла въ свѣтъ первая тетрадь «Славянскихъ Древностей» Шафарика Погодинъ задумалъ перевести ее на русскій языкъ. «Я убѣдилъ, пишетъ Погодинъ г. Бодянскаго, одного, или лучше сказать, единственнаго знатока славянскихъ нарѣчій въ Москвѣ, принять на себя переводъ этой важной книги»[5]). Шафарикъ, послѣ нѣсколькихъ колебаній, согласился на это, хотя просилъ не спѣшить съ переводомъ и, во всякомъ случаѣ, стáраться, чтобы «переводъ былъ вѣренъ съ подлиннымъ»[6]). О. М. Бодянскій съ большой готовностью взялся за это дѣло. Самъ онъ въ своихъ научныхъ занятіяхъ исходилъ отъ

---

[1]) Моск. Набл. 1835 г. ч. IV, стр. 581—584, ср. О нар. поэзіи, стр. 114—120.

[2]) Моск. Наб., стр. 584—592, ср. О нар. поэзіи, стр. 122—134.

[3]) Моск. Наб., стр. 592 и слѣд. ср. О нар. поэзіи, стр. 80 и слѣд.

[4]) *Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды М. П. Погодина т. IV, стр. 427.

[5]) Тамъ-же, стр. 427—428.

[6]) Тамъ-же, стр. 428.

Шафарика и былъ убѣжденъ въ необходимости перевода его «Славянскихъ Древностей» не только на русскій, но и на другіе европейскіе языки. Въ 7-й части «Московскаго Наблюдателя» за 1836-й годъ былъ напечатанъ переводъ историческаго изслѣдованія Шафарика «О народахъ скифскаго племени», сдѣланный О. М. Бодянскимъ, независимо, кажется, отъ инипіативы Погодина. Въ 8-й части того же «Московскаго Наблюдателя» и за тотъ же 1836-й годъ появилась статья Бодянскаго «Мысли о древности славянъ въ Европѣ». Статья представляетъ собой пересказъ, а въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ прямо таки переводъ работы Шафарика «Мысли о самобытности славянъ въ Европѣ». Въ предисловіи къ этому пересказу О. М. Бодянскій дѣлаетъ оцѣнку Шафарика и его трудовъ. Шафарика онъ называетъ «глубокимъ знатокомъ славянскихъ языковъ, славянской словесности, дѣеписанія и древностей, основательнымъ цѣнителемъ и неутомимымъ изслѣдователемъ всего относящагося къ славянскому міру» [1]). Отъ «Славянскихъ Древностей», которыя тогда начали выходить тетрадями, О. М. Бодянскій ожидалъ «рѣшенія многихъ сомнѣній и спорныхъ вопросовъ, объясненія темныхъ мѣстъ какъ вообще исторіи міра и славянскихъ народовъ, такъ и въ частности исторіи нашего отечества, если не вездѣ окончательнаго, по крайней мѣрѣ, способнаго надоумить другихъ изыскателей, навести ихъ на новую тропинку и, такимъ образомъ, значительно споспѣшествовать дальнѣйшему совершенствованію нашихъ историческихъ свѣдѣній». Бодянскій выражалъ при этомъ надежду, сто «это отличное твореніе не замедлитъ появиться въ переводѣ и на другіе европейскіе языки, равно какъ и на нашемъ родномъ, и, разумѣется, прямо съ подлинника, т. е. съ чешскаго языка» [2]).

Двѣ первыя книги перваго тома «Славянскихъ Древностей», въ переводѣ О. М. Бодянскаго, вышли въ 1837 году; третья книга, хотя и получила цензурное одобреніе, но вышла въ 1838 году [3]). Съ изданіемъ книги на русскій языкъ случилось то, чего

[1]) Московскій Наблюдатель 1836 г. ч. VIII, стр. 49.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 93.

особенно боялся Шафарикъ. «Мнѣ будетъ очень пріятно, писалъ онъ Погодину, когда возникла только мысль о переводѣ, если не будете спѣшить съ русскимъ переводомъ, потому что все сдѣланное на скорую руку не бываетъ хорошо, а я желалъ бы, чтобы переводъ былъ вѣренъ съ подлиннымъ»[1]). Благодаря поспѣшности переводъ былъ изданъ очень небрежно, такъ что въ послѣдствіи, въ 1848 году, Бодянскій счелъ нужнымъ переиздать его вновь[2]). Самый рѣзкій отзывъ о трудѣ Шафарика, о самомъ Шафарикѣ и о переводѣ Бодянскаго былъ сдѣланъ Сенковскимъ въ «Библіотекѣ для чтенія». «Этотъ переводъ, говоритъ Сенковскій, сдѣланъ такъ искусно, что нашъ языкъ кажется въ немъ почти богемскимъ»[3]). О Бодянскомъ Сенковскій выражался, что онъ «служитъ въ русской литературѣ по словенской части».

О. М. Бодянскій отвѣчалъ Сенковскому на его критику коротенькой замѣткой. «Переводчикъ «Древностей», писалъ онъ, считая дѣломъ вовсе безполезнымъ вступаться за книгу или за автора, и не отказываясь отъ чести служить въ русской литературѣ по словенской части, какъ угодно провозгласить объ этомъ г. Сенковскому, желалъ бы очень съ своей стороны знать: по какой части въ русской литературѣ служитъ г. Сенковскій?»[4]).

Переводъ «Славянскихъ Древностей» Шафарика шелъ параллельно съ работой О. М. Бодянскаго надъ магистерской диссертаціей «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Она была напечатана и защищена въ 1837 году. Основныя мысли, развитыя въ ней, какъ мы уже замѣчали, были высказаны О. М. Бодянскимъ еще въ 1835 году въ отзывѣ его о сборникѣ словацкихъ пѣсенъ Яна Коллара. Нельзя, поэтому, особенно удивляться быстротѣ, съ какой, будто бы, написана эта диссертація въ 154

1) Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, стр. 428.

2) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 439.

3) Библіотека для чтенія 1837 г. XXIII, стр. 62—64. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 95.

4) Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 98.

страницы небольшого формата [1]). Несомнѣнно, О. М. Бодянскій работалъ надъ диссертаціею раньше, чѣмъ она была предложена ему оффиціально факультетомъ. Хотя предложилъ ее Каченовскій, но мы врядъ ли ошибемся, если будемъ думать, что тема для диссертаціи была выбрана, по взаимному соглашенію Каченовскаго съ Бодянскимъ. По крайней мѣрѣ, она прямо вытекала изъ того интереса, который обнаруживалъ Бодянскій къ изученію народной литературы и который онъ проявилъ въ цѣломъ рядѣ статей, съ которыми мы уже познакомились выше. Въ диссертаціи Бодянскаго мы найдемъ только наиболѣе полное обоснованіе тѣхъ мыслей, которыя онъ высказывалъ и раньше, часто мимоходомъ, въ своихъ журнальныхъ статьяхъ.

Для характеристики тогдашнихъ научныхъ взглядовъ Бодянскаго диссертація представляетъ большой интересъ. Мы, поэтому, остановимся довольно подробно на ея содержаніи. Въ настоящее время она, конечно, большой научной цѣны не имѣетъ: много въ ней парадоксальнаго, мало обоснованнаго, отвергнутаго наукой. Но въ свое время диссертація Бодянскаго сыграла крупную роль. «Въ 1837 году, говоритъ А. А. Котляревскій, это былъ живой, исполненный воодушевленія манифестъ о славянскомъ народномъ характерѣ, раскрывающемся въ его поэзіи. Еще больше, чѣмъ у насъ, значеніе имѣла эта книга у западныхъ славянъ: она была переведена на языки сербскій и итальянскій (гр. Медо Вучичемъ) и въ извлеченіи—на чешскій (Штуромъ)» [2]).

«Въ наше время всеобщаго стремленія къ самобытности—такъ начинаетъ Бодянскій свою книгу—всѣ почти народы, особенно европейцы, хотятъ жить жизнію, въ полномъ смыслѣ имъ принадлежащею, вытекающею изъ собственныхъ ихъ нѣдръ, слагающеюся изъ совокупности всѣхъ стихій человѣческаго бытія, коими навсегда устанавливается физіономія народа, рѣзко и мѣтко отличающая его отъ его сосѣдей и прочихъ народовъ; короче, хотятъ быть независимыми, истинно народными». Теперь

---

[1]) Вѣстн. Европы, 1886 г. іюль стр. 191.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго т. II, стр. 434.

всѣ твердо убѣждены, что не все чужое—хорошее, а потому и не все чужое слѣдуетъ перенимать, а только «то, что безъ насилія прививается, усвоивается, обращается въ родное». Прошла пора соблазнительныхъ идей космополитизма, когда думали всѣ народы перекроить по одному образцу, признанному безусловно изящнымъ. Всякій народъ хочетъ въ настоящее время оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть, «жить своей коренной жизнью, мыслить своей головой, чувствовать своимъ сердцемъ, желать своей волей, дѣйствовать самъ собой, непосредственно, и, такимъ образомъ, жить всѣми силами своего бытія, сдѣлаться вполнѣ *народнымъ*». Народность не препятствуетъ совершенствоваться какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлому народу. Совершенствованіе обусловливается и достигается только при посредствѣ образованія и просвѣщенія, а просвѣщеніе, гдѣ угодно, уживается. Только худо понятое или и вовсе ложное просвѣщеніе тѣснитъ и давитъ, гонитъ и истребляетъ народность. «Неужели просвѣщеніе необходимо требуетъ изглаженія всѣхъ родимыхъ оттѣнковъ, требуетъ уровня безцвѣтности? Кто менѣе образованъ: страстно ли привязанный къ идеализму нѣмецъ, суетливый французъ, или расчетливый англичанинъ? И, однако же, родная физіономія въ каждомъ изъ нихъ положительно всегда проглядываетъ, какъ въ людяхъ, занимающихъ высшія государственныя должности, отличающихся преимущественно своимъ просвѣщеніемъ, такъ и въ людяхъ, стоящихъ на низшей ступени общества, и ни вельможа, ни поденщикъ, ни лордъ, перъ, герцогъ, ни селянинъ и нищій, не гнушаются собой, не отвергаются себя». Конечно, нѣтъ народа, который собственными бы силами, безъ помощи другихъ, достигъ полнаго развитія своихъ способностей. Но за то каждый народъ долженъ не только перенимать у сосѣдей, но и стремиться къ тому, чтобы отдѣлить хорошее отъ дурного, «стараться собственное свое, родное, возвести до равной степени и, даже пойти далѣе, возвыситься, стать съ ними на одинакой высотѣ жизненнымъ развитіемъ стихій своенародныхъ». Такая любовь къ своему родному «есть настоящій ключъ къ истинному просвѣщенію, вѣрному самоусовершенствованію, источникъ жизни новой, плодоносной, са-

мостоятельной, своеобразной, своевременной, своестихійной, всесторонной, полной, вѣчно юной» [1]).

Каждый народъ имѣетъ свою опредѣленную физіономію и когда «развиваетъ въ своемъ существованіи свою личность, свою особенность, онъ живетъ самобытно, своеобразно, народно, выражаетъ своимъ бытіемъ идею, какую предопредѣлено ему вѣчнымъ Промысломъ осуществить своею жизнію». Эта идея сказывается во многомъ: въ народной религіи, философіи, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, въ языкѣ; но больше всего въ словесности. Послѣдняя, являясь, «отраженіемъ стихій, составляющихъ бытіе народа», должна быть непремѣнно народною. Это не значитъ, что она должна только рабски списывать народъ, преимущественно простой. Нѣтъ, она должна вездѣ уловить изящество, «провидѣть его сквозь толстую кору, покрывающую его собой. Потому и голая черневая сторона жизни народа, если взглянуть на нее съ этой точки, прошедши чрезъ горнило поэтическаго вдохновенія, можетъ возвыситься до степени изящества. Такую-то народность, очищенную, переплавленную, облагороженную должна отражать въ себѣ словесность каждаго народа» [2]).

Вѣнцомъ словесности народа является поэзія. Она тоже должна быть въ высшей степени народной. Нѣтъ и не можетъ быть народа, у котораго не было бы поэзіи. Какъ «плодъ внутренняго творчества народа, его поэтической способности», поэзія непремѣнно должна быть отпечаткомъ «жизненнаго бытія народа, отголоскомъ всѣхъ его сотрясеній, являться въ томъ или иномъ видѣ, смотря по ходу судьбы народа, его жизни, положенія, обстоятельствъ—слѣдовательно, безпристрастно отражать внутреннюю и лицевую сторону существованія его, быть своенародною» [3]). Поэзія опредѣляется исторіей народа; она поясняетъ, порой даже замѣняетъ ее. Все это не мѣшаетъ, однако, поэзіи оставаться изящной, потому что «изящное никогда неизмѣнно: оно всегда и вездѣ равно самому себѣ, одинаково».

---

[1]) О народной поэзіи славян. племенъ стр. 1—7.

[2]) Тамъ-же, стр. 8—9.

[3]) Тамъ-же, стр. 14—15.

Первоначальной формой всякой поэзіи является *пѣсня*, и нѣтъ народа болѣе богатаго пѣснями, чѣмъ славяне. «Пѣсня—это ихъ дневникъ, ихъ исторія, хранилище всякаго вѣдѣнія, всякаго вѣрованія, ихъ ѳеогонія, космогонія, память, тризна по своихъ отцахъ и дорогихъ сердцу, надгробный памятникъ священной старины, живая, говорящая лѣтопись временъ, давно прошедшихъ, въ коей, какъ въ прозрачномъ кристаллѣ водъ, отражается, безъ малѣйшей примѣси, вся ихъ жизнь, съ ея добромъ и зломъ, характеръ каждаго врозь и общее всего цѣлаго, многосложная картина минувшаго вѣка, его духа, вѣрный очеркъ быта и всѣхъ его, неуловимыхъ простымъ глазомъ, мельчайшихъ подробностей. Это исповѣдь души, розоблаченной передъ вами до тончайшихъ изгибовъ своихъ и оттѣнковъ чувствъ, волненій, страданій, надеждъ, веселія и грусти; это чистѣйшее выраженіе славянской народности, нравовъ, обычаевъ, занятій, причудъ и т. п. Въ нихъ, наконецъ, языкъ родной хранится во всей своей чистотѣ, неподдѣльности, свѣжести, силѣ, прелести и богатствѣ» [1].

Какой же общій характеръ и отличительныя свойства славянской народной поэзіи?

Славяне—народъ земледѣльческій, по преимуществу. Это—народъ осѣдлый, миролюбивый, тихій, спокойный, уживчивый, больше всего на свѣтѣ любившій бытъ сельскій, домашній. Все это отражается и на ихъ поэзіи. Поэзія славянъ—«плодъ простой, неискаженной природы, картина помысловъ, чувствъ, нравовъ и дѣяній людей, не раззнакомившихся еще съ питавшею ихъ въ дни нѣжнаго младенчества, для коихъ она не мачиха, но мать, *веселящаяся о чадѣхъ своихъ*. Оттого всѣ изліянія ихъ чувствъ, всѣ ихъ пѣсни дышатъ чистѣйшею любовію къ природѣ; оттого въ пѣсняхъ ихъ такое богатство образовъ; оттого они для каждаго движенія сердца своего такъ легко находятъ въ природѣ вполнѣ выражающее его изображеніе; оттого въ поэзіи ихъ все такъ ясно, понятно, естественно, все такъ идетъ къ дѣлу» [2]. Сравниваютъ

---

[1]) О народной поэзіи славянъ стр., 24.

[2]) Тамъ-же, стр. 42.

иногда поэзію славянъ съ поэзіею грековъ, но «это рѣшительно ложно». Если между ними и есть сходство, то это сходство общечеловѣческое. Въ существѣ же между той и другой поэзіей заключается глубокое различіе. «Въ поэзіи грековъ, по общему сознанію всѣхъ знатоковъ ея, преобладаетъ форма надъ идеей,—напротивъ, въ поэзіи славянъ форма и идея находятся въ гармоническомъ соотношеніи между собою, соразмѣрномъ сліяніи, проникновеніи другъ друга; форма и идея не подавляютъ одна другой, но уравновѣшиваются» [1]).

Конечно, эти общія свойства славянской поэзіи не у всѣхъ славянскихъ народовъ проявляются въ одинаковой степени. О. М. Бодянскій старается опредѣлить и выяснить эти особенности. Начинаетъ онъ съ поэзіи *чеховъ* и *моравовъ*. Поэзія ихъ лирическая. по преимуществу. Началась она, правда, эпосомъ, но затѣмъ условія жизни, постоянная борьба чеховъ и моравовъ съ нѣмцами и другими сосѣдями дали преобладаніе лирикѣ. У *словаковъ* поэзія идиллическая. Лишенные политической самостоятельности, словаки на долго сохранили свой патріархально-земледѣльческій характеръ, который и выразился въ ихъ поэзіи. У *поляковъ* почти нѣтъ народныхъ пѣсенъ. Это удивительное явленіе среди славянъ, «самаго пѣсеннаго народа», О. М. Бодянскій объясняетъ ненормальностями польской жизни. „Поэзія необходимо требуетъ досуга, говоритъ онъ, спокойствія, свободныхъ думъ, вдоволь времени, такъ сказать, для разговора съ самимъ собою». Польскій народъ не имѣлъ этого. «Онъ не могъ привольно вздохнуть, не только *поэтизировать*. Гдѣ ему до историческихъ, обрядныхъ, и подобныхъ тому пѣсенъ, когда онъ не имѣлъ ничего за душой, долженъ былъ всѣ дни и ночи проводить за работой на пана; когда на него смотрѣли не какъ на своего собрата, но какъ на бездушную вещь» [2]). У поляковъ есть только коротенькія народныя пѣсни—*краковяки*. Отличительную особенность ихъ, кромѣ краткости, составляетъ еще веселость. Появленіе краковяковъ

---

[1]) Тамъ-же, стр. 48.

[2]) Тамъ-же, стр. 86.

съ такимъ характеромъ О. М. Бодянскій объясняетъ, какъ результатъ минутнаго веселья среди постояннаго горя, нужды и труда [1]). Нѣкоторые къ краковякамъ приравниваютъ русинскія *коломійки*, но О. М. Бодянскій рѣшительно отвергаетъ это, такъ какъ не находитъ у русиновъ условій, на почвѣ которыхъ могло бы появиться что-нибудь подобное краковякамъ [2]).

У *сербовъ* поэзія, преимущественно, эпическая. Вѣчная борьба съ турками естественно выдвигала рядъ личностей, дѣлала отдѣльныя событія особенно памятными въ народѣ. Нѣтъ ничего «страннаго, если поэзія сербовъ вся полна разсказами о доблести, о славныхъ подвигахъ и смерти ихъ витязей—«юнакъ до юнака»—неутомимо пытавшихся въ теченіе цѣлыхъ столѣтій возвратить свободу своей отчизнѣ, если ихъ пѣсни преимущественно гомерическаго содержанія» [3]). О. М. Бодянскій думаетъ, что изъ пѣсенъ можно было бы даже составить *Славянскую Иліаду*. «Содержаніемъ Сербской Иліады въ этомъ случаѣ была бы борьба сербовъ съ турками за независимость; предметомъ Иліады Украинской—подобая же борьба козаковъ съ ляхами» [4]).

Отличительнымъ признакомъ *великорусскихъ* пѣсенъ является «глубокая унылость, величайшее забвеніе, покорность своей судьбѣ, какое-то раздолье и плавная протяженность» [5]). Опять таки все это обусловлено природой сѣвера, угрюмой, мрачной, унылой, которая и наложила свой оттѣнокъ на все, на всѣ проявленія жизни великоросса, на его исторію, образъ жизни, на его думы и чувства. Поэзія великороссовъ повѣствовательно-описательная, по преимуществу.

Иное дѣло на югѣ Россіи. Малорусская поэзія діаметрально противоположна великорусской, и изъ всѣхъ славянъ «сѣверные и южны руссы самые несходственные между собою»: «тутъ гео-

---

1) Тамъ-же, стр. 87 и слѣд.

2) Тамъ-же, стр. 92—93.

3) Тамъ-же, стр. 101.

4) Тамъ-же, стр. 104.

5) Тамъ-же, стр. 114.

графическое имя какъ нельзя больше согласуется съ этнографіей обоихъ изъ нихъ». Характеръ мѣстности, ихъ исторія, бытъ и другія обстоятельства—все имѣло значеніе для этого различія.

«Вспомните, говоритъ Бодянскій, Югъ русскій за девять и болѣе предъ этимъ вѣковъ: вѣчныя, безсмысленныя ссоры и драки его князей между собою за какой-нибудь пустой участокъ земли и т. п., довели ихъ до крайнего ослабленія и передали первенство на нѣсколько времени Сѣверу, пока и онъ, отъ тѣхъ же причинъ, не разстроился и не потерялъ его и, наконецъ, оба не сдѣлались добычей монголовъ и татаръ». Народъ мало интересовался всѣмъ этимъ. Доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что «народъ не почтилъ этихъ усобицъ ни одной своей пѣсней, никакимъ почти преданіемъ, ни малѣйшею, хотя бы глухою, темною, отдаленною молвой. Онъ ихъ предалъ забвенію, какъ недостойное имени русскаго, что не могло бы быть, еслибы онъ бралъ въ нихъ сердечное участіе; напротивъ, онъ сохранилъ въ своей памяти, передалъ позднѣйшему потомству въ своихъ разсказахъ и пѣснопѣніяхъ дѣла предковъ гораздо древнѣйшей эпохи, которыя, почему бы то ни было, занимали его, дороги были ему своего цѣнностью (напр., пѣсня о построеніи Кіева, многія пѣсни о дѣлахъ Владиміра В. и т. п.). Но когда полчища Батыя положили, напослѣдокъ, конецъ междусобной борьбѣ Сѣвера и Юга Руси, то первый съ покорностію повиновался своей судьбѣ. Князья его, сперва лаской и колѣнопреклоненіемъ задобривали къ себѣ Хановъ; потомъ, когда и ихъ престолъ сталъ, колебаться отъ внутреннихъ несогласій и междоусобій, В. Князья Московскіе стали употреблять къ своему освобожденію изъ подъ Азіатскаго ига политику, въ которой они были очень свѣдущи и опытны. Напротивъ Южные Князья, безпрестанно тѣснимые, съ одной стороны, закочевавшими слишкомъ близко къ нимъ Татарами, съ другой Литовцами, двигавшимися изъ среды мрачныхъ Бѣлорусскихъ лѣсовъ, напрасно силились противостоять могучимъ своимъ врагамъ: имъ и политика не помогла, и они должны были безмолвно сносить свою участь—быть данниками, пока мало помалу не перевелись. Но народъ не потер-

пѣлъ, чтобы прекрасная его земля осталась навсегда за *погаными*: Melius frangi, quam flecti, или, говоря его же пословицей: «Або добуть, або дома (въ господѣ) не буть. Лучьче въ землѣ тлѣты, нижъ Татарвѣ служиты.»... Еще въ прежнихъ схваткахъ и битвахъ съ Печенѣгами, Половцами и пр. Азіатскими ордами, безпрерывно нападавшими на *Русичей*, коротко ознакомившись съ ихъ наѣзднической системой войны, нѣкоторые изъ среды ихъ, сберегая лучшее благо человѣка, съ непримиримой местію въ душѣ къ разорителямъ своей родины, удалились, разумѣется, прежде всего въ дремучіе при-Днѣпровскіе лѣса, какъ первый и самый ближайшій притонъ. Но не находя и здѣсь вѣрнаго убѣжища, спустились внизъ по Днѣпру и засѣли на его многочисленныхъ, уютныхъ островахъ, срубили себѣ *Сѣчь* на островѣ *Хортыцѣ* (кажется первая *Сѣчь*), потомъ противъ Каменнаго затона (недалеко отъ Никополя, на правой сторонѣ Днѣпра: Сѣчь *Никитинская*, *Мыкытына застава*, *ригъ*, *перевизъ*), далѣе *Тышлицькую* Сѣчь (при Днѣпровскомъ протокѣ, Тышлыкѣ, пониже Хортицы? при Ташлыкѣ, впадающемъ въ Синюху? за р. Саксаганомъ, по сказанію Симоновскаго? или же гдѣ индѣ, по близости Днѣпра), при устьѣ *Бузулука*, и т. д. И тамъ, въ окопахъ (родъ небольшихъ укрѣпленій и т. п., по обоимъ берегамъ Днѣпра по *Лыманѣ*, и въ другихъ угодныхъ мѣстахъ), окруженныхъ валомъ, рвомъ, частоколомъ, имѣя передъ ними, когда нужда требовала, *шаньци*, рогатки, или берлоги, западни, потаенные входы и выходы, могилы, маяки, пушки, словомъ все, что только могло обезпечить ихъ отъ нечаяннаго нападенія, гдѣ только можно было держаться, равно какъ и въ темныхъ окрестныхъ лугахъ, особенно въ *Велыкимъ лузѣ* (лѣсѣ, покрывающемъ низменныя мѣста: собственно занимающемъ собой весь лѣвый берегъ, Днѣпра отъ усьтя р. Конской воды, впадающей въ Днѣпръ, внизъ къ Черному морю, междо Днѣпромъ, Азовскимъ моремъ и его заливомъ Сивашемъ), *Чорномъ* (между большимъ Ингулемъ и Телункой), *Мотрыномъ* (подлѣ Чигрина, по Тясмину и Днѣпру вверхъ), *Лебедыномъ*. *Майдановомъ*, *Стебловомъ* (между Днѣпромъ, Ингу-

лемъ, Тясминомъ, Росью, Бугомъ и Тилигуломъ) лѣсѣ, и др., за Днѣпровскими порогами и на нихъ, въ *Дикомъ полѣ*, и т. п., безопасные отъ всѣхъ поисковъ и ярма чужеземнаго, совѣтовались между собой, куда и какъ лучше и вѣрнѣе направлять свои набѣги. Дружина этихъ *Бурлакъ*, *Гайдамакъ*, несмотря на ихъ холостую жизнь (женамъ тутъ не было мѣста ни по времени, ни по обстоятельствамъ, ни по мѣсту, ни по образу жизни), не уменьшалась, но день со дня увеличивалась все болѣе и болѣе приходомъ новыхъ смѣльчаковъ, досадовавшихъ на притѣсненія Татаръ, Литовцевъ, Поляковъ, и др. Вѣроятно, также, къ нимъ, по временамъ, присоединялись и разрозненные, бродившіе безъ пристанища, тамъ и сямъ, остатки Половцевъ, Торковъ, Берендѣевъ, и п. и., которые, какъ малочисленнѣйшіе и ниже образованіемъ *Русичей*, слѣдовали во всемъ примѣру этихъ послѣднихъ: принимали ихъ вѣру, нравы, языкъ, и т. д., и, так. обр., нечувствительно перерождались въ *Русичей*. Окруженные, осаждаемые со всѣхъ сторонъ *ворогамы*: съ Сѣверо-Востока Монголами, Литвой, съ Юга Крымцами и Турками, съ Запада Польшей, они *мужалися*: никогда не зная себѣ покоя, распивая день и ночь кровавое вино на своемъ богатырскомъ пирѣ, *сватовъ поили* и *сами ложились за землю Русскую*, желая *лучежъ потяту*, *неже полонену быти*. Эти *чубатые* всюду являлись, какъ снѣгъ на голову:

По степахъ, по лугахъ,
По Татарськыхъ земляхъ, по Турецькыхъ горахъ,
По Чорныхъ моряхъ и по Ляцькыхъ поляхъ.

Никто не зналъ, гдѣ, когда и какъ покажутся эти безстрашные:

Козакъ лежыть на могылѣ, не думае, не гадае:
Стрепенувся да й полынувъ, вѣтеръ чубомъ грае.

Оттого ихъ молодецкая слава:

По всёму свѣту дыбомъ стала
По всёму свѣту степомъ розляглася, простяглася,
Да по всёму свѣту луговымъ гоминомъ роздалася..

Но не всѣхъ же равно могла плѣнить холостая жизнь; природа взяла свое: многіе доставали женъ себѣ въ своихъ походахъ, или просто призывали прежнихъ подругъ; а какъ въ Сѣчь не впускались *обабившіеся*, то имъ дозволялось селиться неподалеку отъ *Ковша* (sic). Изъ соединенія нѣсколькихъ *куреней* и *хатъ* этихъ послѣднихъ образовывался постепенно *хуторъ*, изъ *хуторовъ села*, и т. д.; подвигаясь далѣе и далѣе вверхъ, по Днѣпру, коего обаполъ лежали въ пустоши по милости Монголовъ, они, так. обр., сближались непримѣтно съ своими братьями *горожанами*, сами дѣлились *горожанами*, и образовывали незамѣтно, исподоволь *Козачество городское, полковое и осѣдлое*, давая совершенно новый видъ, новую форму *Руссинамъ*, подготовляли новую эпоху жизни, не насильно, но осторожно, черезъ противоположеніе старaго новому быту, черезъ *наглядное* сравненіе преимуществъ одного передъ другимъ. Литовцы не прекословили разселяться, какъ менѣе непріятные имъ, какъ уже сдѣлавшіеся христіанами, у коихъ языкъ Славянскій былъ *актовымъ*, *судебнымъ и придворнымъ*, но только съ условіемъ охранять отъ нападеній непріятелей Волынь, Подолъ, Кіевъ и Черниговъ, особенно для нихъ важные; равно и Поляки въ началѣ той же системѣ слѣдовали, позволяя раздвигать имъ свои *сельбища*, до самаго Кіева (впослѣдствіи *охочекомонные*, Козаки). Наконецъ, за свои услуги, «за мужество великое на бранѣхъ», получили нѣсколько городовъ при Днѣпрѣ и за Днѣпромъ, и систематическое устройство, разныя привиллегіи, права, титулы, и т. д. «Оттолѣ болѣ въ силу Козаки ростяху (Стар. запорож. лѣтоп.)». Этимъ переходомъ ихъ въ гражданское общество, покончился *первый* періодъ ихъ жизни, *Бурлацтво Гайдамацтво*, и начался *новый гражданско-воинственный*, въ которомъ, хотя не было уже столько роздолья и беззапретности, но все же *воля вольная*, широкая, въ полномъ смыслѣ *Козацькая* (здѣсь-то и слово *Козакъ*, прежде бранчивое, коимъ Татары и подобные имъ ругали удалыхъ *Русичей* и оставили за ними навсегда, было облагорожено, возвышено, получило совсѣмъ другое значеніе, *лыцарськое* (какъ изъ слова Ritter, первоначально всадникъ, то, что разумѣютъ подъ

именемъ *Рыцарь*, Кавалеръ). Башорій, прозорливый, Великій Башорій, *«поразумѣвая о казакахъ»*, предрекъ имъ блестящую будущность: «будешъ, рече, когда-сь одъ тѣхъ юнакивъ Рѣчь посполитая вольная (Стар. Запор. лѣтоп.)». Онъ всѣми мѣрами старался привязать къ себѣ Козаковъ, «шановавъ и поважавъ, велыкіи дары даровавъ», прося, чтобы они:

Зъ ёго Ляхамы,
Якъ зъ риднымы братамы
Жылы,
А ёму, королю Польщы, якъ боговѣ,
Що жыве высоко на небѣ,
Вѣрою и правдою служылы»,

зная всю бездонность, всю мощь ихъ воли. И эта широкая, безграничная Козацкая или Рыцарская воля, nec plus ultra развернула себя, горячими, огненными буквами вписала время своего полнаго разлива въ лѣтописи, одушевленную и неодушевленную природу и память людей, особенно въ XVI и XVII в., когда Козакъ на своемъ лихомъ конѣ, далеко превышавшемъ въ быстротѣ самаго царя пернатыхъ (по словамъ пѣсни), когда онъ на этомъ *волоцюзѣ*, *розбышацѣ*, больше имъ *поважаемомъ мамы*, *тата*, *сестры*, *брата*, и не бравшій за него *срибла хочъ повную груду*, съ дугообразною *Дамасскою шаблею*, *сыпавшею зраду по всѣ вѣчны рокы*, парою мѣткихъ *пистоливъ*, съ *спысомъ*, острымъ *якъ голочка*, онъ, повитый войною, закаленный въ буести, *хмарою* налеталъ на *бусурманивъ*, грудью отстоивая свою отчизну и религію отъ ихъ наводненія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и остальную Европу. Это была пора *чести, славы и військовои справы*:

Сама себе на смѣхъ не давала,
Непріятеля пидъ ногы топтала.

Но эта же исполинская, бездонная, адамантовая Козацкая воля, еще больше, еще рѣзче обозначила себя въ войну за *Восточную Церковь*, въ періодъ *престрашныхъ злыднивъ, бездольныхъ годынъ, військовыхъ чваръ*, когда самая *трава ничила жа-*

лощами, а древо съ тугою къ земли преклонялось, когда, какъ поютъ Украинскіе рапсоды, прилетѣли *изъ западу гусы*, явились *попы въ ладивныцяхъ*, завязалась ужасная борьба въ Церкви и Обществѣ, *стала тяжка брань*, такъ что

Дывытыся горе:

потому что теперь ополчилась Вѣра противъ Вѣры:

Вѣра Вѣру боре.

Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было равное: все, что только можетъ выдумать человѣкъ въ такомъ изступленіи самаго страшнаго, смертоноснаго, вѣрнѣйшаго для истребленія себя, все это было выдумано и исчерпано до дна въ эту религіозную войну. И тщетны, суетны были всѣ усилія Папы, Іезуитовъ и Ляховъ; Козацкая воля устояла на своемъ, охранила Вѣру, родину и свободу:

...Пройшлы, изійшлы злыи незгодыны:
Немае никого, щобъ насъ подолѣлы...

Не смотря на это, Козаки, однако же, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, при всемъ напряженіи силъ умственныхъ и тѣлесныхъ, не могли добыть себѣ у своей судьбы согласія на долговременную, прочную самобытность. Въ эту самую пору провидѣнію угодно было, чтобы Сѣверная Русь, Турція, Швеція и Польша ближе столкнулись между собою, глазъ на глазъ свидѣлись, и рѣшили бы сами великую прю о первенствѣ на Востокѣ и Сѣверѣ Европы и представительствѣ ихъ предъ Западомъ и Югомъ. Сыны Украйны должны были войти въ систему Бѣлаго Царя послѣ 8-го Генваря 1654 г., послѣ изъявленной *готовности на соединеніе на вѣчныя времени, какъ одновѣрнымъ, единокровнымъ, чтобы не было разнодумья и шатости съ обѣихъ сторонъ, ежебы защитити и сохранити народъ православный отъ врага и местника, чтобы враги не посмѣвалися;* и послѣ поступленія *подъ Высокую руку*, Козаки покорились своей судьбѣ.

Такая долгая треволненная жизнь: цѣлые пять вѣковъ не влагать въ ножны меча, день и ночь вести борьбу съ внѣшними и внутренними врагами, отъ *Бурлацко-Гайдамацкаго* быта перейти къ *Козацкому*, а отъ этого, наконецъ, съ слезами на глазахъ, къ *Чумацко-Земледѣльческому* [1]), такая жизнь народа, всею душей своей привязавшагося пламенно, бѣшенно къ воинской славѣ, и чѣмъ, долѣе упивавшагося ею, тѣмъ болѣе жаждавшаго, народа, у котораго желѣзная Славянская мощь достигла высшей степени разгара, своего зенита, безъ всякой посторонней помочи и сотрудничества, но при лично-собственныхъ силахъ, такая огненная жизнь, неожиданно, ex abrupto прерванная судьбой на пути величайшаго своего расширенія, полнаго разлива, *на всемъ ходу,* на всемъ бѣгу корабля, несшагося къ землѣ обѣтованія, что спрашиваемъ, такая жизнь такого народа должна была произвести въ немъ самомъ?

Судя по человѣчески, никакого не могло быть другаго слѣдствія, какъ только одно неудовольствіе, прямо отъ глубины души шедшее и запечатлѣнное всею энергіей ея, одна досада на свою *щербатую долю.*

Потому-то и въ пѣсняхъ ихъ это неудовольствіе, эта досада, этотъ ропотъ на *долю,* вполнѣ отразились, во всѣхъ точкахъ проницаютъ ихъ, стоятъ на первомъ мѣстѣ. Чувствуя свое достоинство и полное право на лучшій жребій, но при всемъ усиліи не получая его, естественно изъ груди ихъ должны были вырваться горькія жалобы на свой рокъ, глубокая тоска, сильная грусть облечь сердце. Очень часто слышатся стоны, вопли, крики такіе болѣзненные, свѣжіе, живые, что вчужѣ заплачешь, обольешься го-

---

[1]) Указаніе на эти три періода жизни Украинцевъ находимъ въ слѣдующемъ куплетѣ одной изъ ихъ пѣсенъ:

«Ой хвортуно, хвортуныно!
Послужы жъ ще такъ корысно:
Служыла въ Бурлацьтвѣ, служыла въ Козацьтвѣ,
А послужы жъ ще й въ Чумацьтвѣ»...

рючими слезами; безнадежность же нигдѣ такъ болѣзненно, такъ нестерпимо-мрачно, такъ невыносимо-тяжело для сердца, такъ могильно не рисуется, такимъ гробовымъ холодомъ не обдаетъ, не пашетъ (sic) на васъ. Да, тутъ невольно скажешь и себѣ съ *Паліемъ* «*Лыхо жыты въ свѣтѣ*»!..

Ои пиду жъ я, пиду, да зъ сёго края пиду:
Ой покыну я да усимъ краи бѣду.
Ой оглянусь я за крутою горою,—
Ажъ иде бѣда слѣдочкомъ за мною...
Ой чого жъ ты, бѣда, за мною ввязалася?
— Я зъ тобою, безталанный, зъ тобою вѣнчалася.
Ой чого жъ ты, бѣда, за мною вчепылася?
— Я зъ тобою, безталанный, зъ тобою родылася.—

Или въ другой пѣснѣ:

Ой выйду я за ворота—погляну на провальля.
Чы всѣмъ людямъ таке жытьтя, а якъ мое безталаньня!...
Да жывить, люде добры, ой якъ то вамъ подалося,
А я буду тулятыся, бо такъ мынѣ довелося!..
Ой бодай ты, моя доле, на днѣ моря утонула,
Якъ ты мою головоньку въ неволю втопыла!..:

Характеръ женскихъ пѣсенъ--тотъ же самый. Тоска по избранномъ сердцемъ, увлеченномъ долгомъ *бороныты* Украину, долгомъ, отъ котораго ничто въ мірѣ не въ силахъ оторвать его, проклятія на виновниковъ одиночества, и отъ того жалобы на Небо, пеня на долю, сѣтованіе, скорбь, грусть, недовольство своимъ жребіемъ, и т. п., рѣдко, весьма рѣдко улыбка, растворенная счастьемъ: вотъ ихъ тема, до безконечности разнообразная. Здѣсь, кромѣ тоскливости, роптанія, часто, также, слышите безнадежное отчаяніе:

Ой хвортуно несчаслыва! що ты выробляешъ?
Дала начасъ познатыся, теперъ розлучаешъ!
Охъ вы рокы, охъ вы рокы, рокы неправдывы!

Вкоротите жытьтя мынѣ, будьте мылостывы!
Вкоротите жытьтя мынѣ, покиль въ смутку буду?
Лучьче жъ мене умертвите, то всёго забуду!
Охъ вы рокы, охъ вы рокы, хочъ не прыбувайте!
Колы вы насъ розлучылы, дакъ жытьтя не дайте!
Летѣвъ орелъ по-надъ моремъ, да й ставъ голосыты:
Тяжко важко намъ убогымъ багатыхъ любыты!
Не такъ счастьте, не такъ доля, якъ багаты люде:
Якъ розлучуть по любови, то й счастьтя не буде...
Степъ шырокый, воду выдно, мылого не бачу:
Якъ почую мову ёго, то заразъ заплачу.
Не зхотѣвъ же, мій мыленькый, дружыною буты:
Ой дай мынѣ того зильля, щобъ тебе забуты!
Е у мене таке зильля, блызько перелазу:
Якъ дамъ тобѣ напытыся—забудешъ одъ разу;
Буду пыты, выпываты, и капли не впущу:
Тодижъ тебе я забуду, якъ очи заплющу!...

Даже въ пѣсняхъ веселыхъ, гульливыхъ, въ коихъ дается полная, совершенная свобода разгулу, насмѣшливыхъ, издѣвочныхъ (сатирическихъ, ироническихъ), шуточныхъ, обрядныхъ, и т. п., тамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы встрѣтить, вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, замѣчаете примѣсь грусти, какой-то дальній отголосокъ знакомаго гореванья, извѣстной кручины, слышите *журбу-тугу*.

Что касается до изложенія, то оно, вслѣдствіе столько дѣятельной, бурной, кипучей, полной заботъ и безпокойствъ жизни, вездѣ почти *Драматическое*, что, наоборотъ, говоритъ о сильной дѣятельности того народа, коему принадлежатъ такія пѣсни. Гдѣ дѣятельная, разнообразная, исполненная трудностей и борьбы жизнь, тамъ и лично-народныя поэтическія произведенія непремѣнно отливаются въ форму *драматическую*, безъ вѣдома виновниковъ, ихъ бытія, потому что это ихъ прямой, естественный, единственный путь, а другаго нѣтъ и быть не можетъ. Въ противномъ случаѣ Поэзія эта не была бы собой, тѣмъ, чѣмъ она есть. Поэзіей народа, его свѣтлымъ и вѣрнымъ отраженіемъ, его

чистосердечной, *щырою* исповѣдью, его откровеніемъ; иначе онъ немилосердно, безсовѣстно *лгалъ бы* самъ на себя; а народы, отколь свѣтъ стоитъ, въ такихъ обстоятельствахъ, по свидѣтельству и мертвыхъ и живыхъ, никогда не притворствуютъ, не *лгутъ*. Если гдѣ, такъ именно здѣсь, и только здѣсь, извѣстная пословица: «гласъ народа—гласъ Божій», имѣетъ свое настоящее предложеніе. свое законное мѣсто. Въ этомъ отношеніи пѣсни Южно-Русскія—единственныя въ своемъ родѣ, стоятъ выше пѣсенъ всѣхъ прочихъ Славянскихъ племенъ, у коихъ рѣдко, очень рѣдко, встрѣтите драматическое положеніе, составляющее, потому, случайное явленіе, между тѣмъ какъ у первыхъ оно необходимое, повсемѣстное, существенно-естественное, природное свойство. Пѣсни Украинскія столько выше пѣсенъ другихъ Славянъ, сколько Драма выше прочихъ другихъ родовъ Поэзіи, составляя собой какъ соединеніе, единство всѣхъ ихъ въ одной себѣ, такъ и послѣднюю цѣль, конечное, полное, гармоническое развитіе всякой Поэзіи, сколько дѣйствіе превосходитъ умствованіе, чувствованіе—разсказъ, описаніе, и т. п. Кромѣ того, онѣ выше прочихъ и своею музыкой, напѣвомъ, голосами, языкомъ, въ высокой степени поэтическимъ и музыкальнымъ (который, въ этомъ случаѣ, сравнивать можно только, изъ древнихъ съ Греческимъ, изъ новыхъ съ Итальянскимъ), стихосложеніемъ, заключающимъ въ себѣ и размѣръ, и тонику, и риѳму, удивительно свободнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стройнымъ, разнообразнымъ и богатымъ, своею многочисленностію и разнородностію и т. д. [1]). Поэтому мы не

---

[1]) Все, сказанное нами теперь, слѣдовало бы подтвердить доводами, но это далеко бы отвлекло насъ за предѣлы нашего разсужденія; тѣмъ не менѣе, однако же, все это справедливо. Кто хорошо знакомъ съ языками Славянскими и ихъ народною и искусственною Литературой, тотъ, безъ сомнѣнія, не сочтетъ словъ нашихъ парадоксомъ, или еще хуже, пустымъ хвастовствомъ. Въ свое время мы надѣемся изложить этотъ важной предметъ во всей его обширности, и доказать его истинность. Что же касается до многочисленности пѣсенъ Украинскихъ, то скажемъ, что въ нашемъ собраніи ихъ, котораго отнюдь не выдаемъ за полное, начатомъ за 7 лѣтъ предъ этимъ и наполня-

думаемъ, чтобы какой-нибудь другой народъ, не исключая, даже, и остальныхъ Славянъ, могъ быть столько *пѣснолюбивымъ, пѣсеннымъ*, какъ Южные Руссы (Украинцы, Малороссіяне): тамъ на все и во всякое время—своя пѣсня, не одна, но цѣлыя сотни. Любовь къ музыкѣ и пляскѣ неразрывно соединяется у нихъ съ любовію къ пѣнію и пѣснямъ, идутъ объ руку: «*Москаль до чытання, Ляшокъ до скакання*, а *нашъ братъ Козакъ до спивання*»,—говоритъ ихъ пословица, вѣрно характеризующая въ этомъ случаѣ три сосѣдственные и одноплеменные между собой народы. Пѣсня—дневникъ Малороссіянина, въ который онъ вноситъ все, что ни мыслитъ, ни чувствуетъ, ни дѣлаетъ. «Въ этомъ отношеніи»,—справедливо замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей, хорошо постигающій Малороссію *(Н. Гоголь)*,—пѣсни для Малороссіи—все: и Поэзія, и Исторія, и отцевская могила (См. ст. о Малоросс. пѣсняхъ. въ его Арабескахъ). Онѣ могутъ вполнѣ назваться историческими, потому что не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ, тогдашнему состоянію чувствъ». Описанія въ нихъ, такъ сказать, мимоходомъ, эпизодическія, при всемъ томъ всегда удивительно согласныя съ природою. Въ нихъ, обыкновенно, самыя рѣзкія, характеристическія черты предмета схватываются, и то, большею частію, употребляются лишь для точнѣйшаго, сильнѣйшаго выраженія душевныхъ чувствъ, лавою исторгающихся изъ глубины сердца и ни на мгновеніе не охлаждаемыхъ многорѣчіемъ или длиною періода; напротивъ, всюду порывъ страсти, сжатость, твердость, лаконизмъ выраженія, простодушіе, естественность, особенная нѣжность и сила чувствъ. Вообще должно сказать, что эти образы, уподобленія, сравненія и т. д., въ пѣсняхъ Южно-Русскихъ отличаются всею безыскусственностію, непринужденностію, всею ненатянутостью, самобытностью, природнымъ изяществомъ и поразительной точностью, между тѣмъ какъ въ

емомъ пѣснями, собранными только въ одной Полтавской губерніи, то въ немъ теперь имѣется уже слишкомъ за *восемь тысячъ*, 8,000 пѣсенъ.

пѣсняхъ Сѣверо-Русскихъ видно, по замѣчанію *Максимовича* «больше искусственности, нѣкотораго рода произволъ, желаніе прикрасъ» (См. Предисл. въ Малорос. пѣснямъ). Сравненія послѣднихъ—безпрерывно *отрицательныя;* напротивъ того сравненія первыхъ вездѣ, исключая развѣ кой-какія Думы и Историческія пѣсни, постоянно—*положительныя.* Отъ этой-то любви къ положительному, нѣкоторымъ образомъ, происходитъ положительность даже въ самомъ выраженіи единичныхъ предметовъ, взятыхъ изъ внѣшняго (иногда и внутренняго) міра, и замѣняющихъ собой цѣлое, родъ ихъ, для означенія какого-нибудь обстоятельства, мѣста, времени, бывшихъ свидѣтелями того или другого случая, той или другой были:

Въ недѣлоньку рано розигралося море:
Не одному сыну на чужынѣ горе!

—

Шлы коровы изъ дубровы, овечкы изъ поля:
Выплакала кары очи кры Козака стоя.

—

Черезъ гору орелъ воду носыть:
Дѣвчынонька Козаченька просыть.

—

Рыбалочка по бережку да рыбоньку ловыть,
А мылая по мылому бѣлы ручкы ломыть.
Рыбалочка по бережку да рыбоньку удыть,
А мылая по мылому бѣлымъ свѣтомъ нудыть.
Рыбалочка по бережку рыбоньку хапае,
А мылая по мылому тяженько вздыхае.
Рыбалочка по бережку якъ ластивка вьецьця,
А мылая по мылому якъ орлыця бьецьця» [1]).

Опредѣленіемъ и объясненіемъ характера малорусскихъ пѣсенъ О. М. Бодянскій и заканчиваетъ собственно характеристику

---

[1]) О народной поэзіи славянскихъ племенъ, стр. 122—138.

пѣсенъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ. О пѣсняхъ остальныхъ славянъ онъ не говоритъ уже потому, что въ его время не существовало ихъ сборниковъ.

Конецъ книги посвященъ опредѣленію отличительныхъ свойствъ, общихъ пѣсенъ всѣхъ славянъ [1]). Во всѣхъ ихъ пѣсняхъ О. М. Бодянскій находитъ «какую то всеобщую *томность*, меланхолическое, жалостное *тоскливое чувство*, какую то *унылость*, печальность, траурность, какое то *грустное*, скорбное повѣтріе, что то мрачное, замѣтное, даже тамъ, гдѣ, по всему, нельзя было ожидать его, гдѣ самое содержаніе веселое, радостное» [2]). Всѣ славянскія пѣсни, по его мнѣнію, отличаются простотой и естественностью замысла и изложенія, самостоятельностью исполненія, совершенствомъ отдѣлки, необыкновенною рѣзкостью и энергіей выраженій. «Проникнуты онѣ какой-то братской любовью людей къ природѣ, патріархальной близостью съ предметами видимаго міра. Отсюда участіе въ пѣсняхъ славянъ существъ одушевленныхъ и нѣмыхъ, получающихъ на этотъ разъ душу, умъ, голосъ, языкъ и т. д. преимущественно же птицъ. Кромѣ того пѣсни славянскихъ племенъ особенно отличаются своими уменьшительными, предпочтительно любимыми, нѣсколько разъ повторяющимися, своими подражательными природѣ, словами» [3]).

Вскорѣ послѣ выхода книги Бодянскаго въ свѣтъ, о ней появилась небольшая критическая замѣтка въ «Библіотекѣ для чтенія». Говорятъ, замѣтка эта принадлежала перу извѣстнаго Сенковскаго.

«Славяне—*первый* народъ въ мірѣ по своему поэтическому характеру, и пѣсни ихъ показываютъ *славу* и *добродѣтели* великаго народа славянскаго. Вотъ тема на которую г. Бодянскій написалъ новыя варіаціи—говоритъ Сенковскій.

Казалось бы, спорить тутъ не о чемъ. Первобытная пѣсня вездѣ составляетъ одно изъ основаній всякой народной поэзіи

---

[1]) Тамъ же, 149—152 и стр. 154.

[2]) О народной поэзіи, стр. 147—152.

[3]) Тамъ же, стр. 146.

но это еще не поэзія, а лепетанье младенца, и оно у каждаго народа отличается особыми достоинствами. Романсъ испанца, пѣсня араба, сага скандинава, легенда германца, всѣ прекрасны въ своемъ мѣстѣ и подъ своею точкою зрѣнія. Потомъ у каждаго народа наступаетъ эпоха заимствованія, учености, и наконецъ, уже изъ нея развиваются начала поэзіи истинно національной, настоящей поэзіи,—сложный результатъ климата, мѣстности, рода жизни и исторіи.

Но западные славяне, г. Венелинъ, г. Бодянскій не такъ думаютъ объ этомъ дѣлѣ. Для нихъ все заключено въ первобытной поэзіи: славяне являются на этомъ поприщѣ самымъ славнымъ поэтическимъ народомъ, и, слѣдственно, изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ, ни у кого поэзія «не была такъ дома», какъ у славянъ. Съ энтузіастами разсуждать невозможно. Скажемъ, однакожъ, что въ диссертаціи г. Бодянскаго есть много частныхъ дѣльныхъ замѣчаній и любопытныхъ подробностей, которыя показываютъ большую начитанность и близкое знакомство съ славянскими языками» [1]).

При всемъ уваженіи къ трудамъ О. М. Бодянскаго, нужно все-таки сказать, что замѣчанія Сенковскаго заключаютъ въ себѣ очень много вѣрнаго. Правда, проф. А. А. Кочубинскій видитъ въ нихъ ни больше, ни меньше, какъ простую «издѣвку» надъ трудомъ О. М. Бодянскаго [2]). Но мы считаемъ такое мнѣніе совершенно несправедливымъ. Диссертація Бодянскаго построена, дѣйствительно таки односторонне, мысли, развитыя въ ней требуютъ большей обоснованности и меньшей парадоксальности, чѣмъ мы это находимъ. На это, въ сущности, и указывалъ Сенковскій.

Въ концѣ мая 1837 года О. М. Бодянскій защищалъ диссертацію и получилъ степень магистра. Защита была признана «весьма удовлетворительною» [3]). Тогда серьезно былъ поставленъ

---

1) Библіотека для чтенія 1837 г., т. XXIII, отд. VI. Литературная лѣтопись, стр. 16.

2) Вѣст. Европы, 1896 г., іюль, стр. 191—192.

3) Тамъ-же, стр. 191.

вопросъ объ отправленіи его за границу, для приготовленія къ профессурѣ, А. А. Котляревскій на основаніи разсказовъ современниковъ, не отвергаемыхъ и самимъ Бодянскимъ, передаетъ, что въ этомъ отношеніи О. М. Бодянскому много помогла статья, помѣщенная Бодянскимъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» о книгѣ Булгарина «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ» [1]).

«Книга эта, по отзыву покойнаго К. Н. Бестужева-Рюмина, отличающаяся нѣкоторымъ чисто-юношескимъ увлеченіемъ, построена на чрезвычайно—вѣрной мысли: русская исторія должна быть изучаема въ связи съ славянскою и вообще европейскою; большая, хотя неупорядоченная начитанность, ясность мысли и талантъ изложенія выдвигаютъ высоко эту книгу» [2]). Она была подписана Ѳ. Булгаринымъ, но собственно не онъ былъ авторомъ ея, а молодой дерптскій ученый Н. А. Ивановъ, бывшій впослѣдствіи профессоромъ въ Дерптѣ и въ Казани. Нуждаясь въ деньгахъ и не имѣя возможности издать книгу на собственныя средства, Ивановъ обратился за содѣйствіемъ къ Ѳаддею Булгарину. Тотъ согласился, но подъ условіемъ, чтобы авторомъ книги былъ названъ онъ. Въ такомъ видѣ книга и вышла въ свѣтъ. Вся эта исторія была затѣмъ разоблачена дерптскимъ профессоромъ Крузе въ «Jenaische Allgemeine Litteratur-Zeitung» и надѣлала много шума. Булгаринъ, не докончивъ изданіе «Россіи», уѣхалъ за границу и долго оттуда не возвращался» [3]).

Критическая статья О. М. Бодянскаго объ этой книгѣ появилась въ печати до разоблаченій Крузе. Подписана она псевдонимомъ «Далиборъ О. Варвинскій» и помѣчена Переяславомъ, конечно, полтавскимъ [4]).

О. М. Бодянскій не зналъ о происхожденіи книги и говоритъ, поэтому о ней, какъ о произведеніи Ѳ. Булгарина. Кри-

---

[1]) Московскій Наблюдатель, 1837 г., апрѣль кн. I.

[2]) *К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.* Русская исторія, т. I. Введеніе, стр. 232.

[3]) Заря 1871 г., кн. 4. Изъ воспоминаній петербургскаго старожила. Четверги у Греча, стр. 35—36.

[2]) Московскій Наблюдатель 1837 г., апрѣль, кн. I.

тическая статья его чрезвычайно рѣзка. Эта рѣзкость была вызвана тѣмъ самодовольно-нахальнымъ тономъ, которымъ Ѳ. Булгаринъ написалъ свое *Введеніе* къ книгѣ. «Какъ нашъ вѣкъ ни недовѣрчивъ, говоритъ Бодянскій, какъ ни мало расположенъ онъ вѣрить кому-бы то ни было на слово, но все еще мы не дошли до той степени отчаяннаго скептицизма въ совѣсть человѣка, чтобы сколько-нибудь не повѣрить ему, когда онъ такъ, какъ г. Булгаринъ, станетъ твердить намъ: «*Я* составилъ собственную свою систему и методу изложенія;—*Я* ввелъ въ *мою* Русскую исторію *всѣ важнѣйшія* всемірныя событія;—*Я* представилъ *полные* очерки Вѣры, законодательства, Правленія, Управленія, нравовъ и обычаевъ различныхъ народовъ, бывшихъ въ прямыхъ или косвенныхъ сношеніяхъ съ нашими предками... *Я* сдѣлалъ то, что въ моей книгѣ «*каждая* эпоха представляется въ своемъ подлинномъ характерѣ, причины объясняются *сами собою*, а послѣдствія ведутъ всякаго къ собственнымъ заключеніямъ. Читатель *поневолѣ долженъ* думать, разсуждать и поучаться.—*Я* открылъ въ историческихъ источникахъ *новыя стихіи*, *новыя* качества и свойства. Многое, что до *меня* почиталось истиннымъ, кажется лишь ложнымъ, или сомнительнымъ, многое, что считалось ложнымъ, или сомнительнымъ, не заслуживающимъ вниманія принято мною или за истинное, или за важное вспомогательное или за достойное особеннаго вниманія. Для отысканія истины, *я* употреблялъ *всѣ* извѣстныя средства и *всѣ* системы, призвавъ *здравый смыслъ* на помощь памяти и науки»... Дальше слѣдуютъ выписки изъ книги Булгарина въ такомъ же родѣ [1])... *Я* устраняю всѣ безхарактерныя событія и избираю только тѣ, которыя имѣли вліяніе на судьбу народа и государства. *Дѣло велъ я совѣстно*».

Хотя въ послѣднемъ никто не сомнѣвается—говоритъ Бо-

---

[1]) Подробная выписка изъ статьи О. М. Бодянскаго сдѣлана А. А. Котляревскимъ. См. Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 435—539.

дянскій съ ироніей, конечно, но если бы авторъ «Россіи» могъ выполнить и десятую долю того, что обѣщаетъ въ Введеніи, то вся книга его была бы первенствующею между историческими сочиненіями не только въ нашей, не довольно еще богатой самостоятельными трудами литературѣ, но и во всѣхъ древнихъ, новыхъ и допотопныхъ... Теперь вѣковыя задачи ума рѣшены. «Я не хотѣлъ, говоритъ почтенный авторъ, чтобы *мои* читатели, занимаясь *моею* Русскою исторіею, заглядывали въ другія книги, чтобы они припоминали читанное, справлялись или поучались въ другихъ авторахъ». Альфа и омега человѣческаго разумѣнія! Имѣя такую книгу, мы можемъ уже безъ всякой потери оставить въ покоѣ всѣ другія книги и замѣнить ихъ однимъ сочиненіемъ Булгарина; читатели *поневолѣ должны будутъ думать, разсуждать и поучаться,* за что не брались ни логика, ни математика. Такова-то наша ручная книга для русскихъ всѣхъ сословій!!!

Но оставимъ шутки. Скажите, ради Бога, случалось ли кому-нибудь на Руси читать подобныя объявленія? За кого насъ принимаютъ, думая увѣрить, что мы... но пусть говоритъ самъ г. Булгаринъ: «прежде нежели я принимаю показанія писателей *древнихъ, среднихъ вѣковъ и новаго времени,* я разсматриваю: 1) кто онъ былъ; 2) какъ былъ образованъ; 3) къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической и литературной партіи; 4) гдѣ писалъ и подъ какими условіями или вліяніемъ; 5) въ какихъ отношеніяхъ находился къ народу, котораго событія описывалъ; 6) какими источниками пользовался; 7) былъ ли самовидцемъ, или писалъ по слухамъ; 8) въ чьихъ рукахъ хранилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея»... Г. Булгаринъ основывается, напримѣръ, на Геродотѣ, Страбонѣ, Тацитѣ, Птолемеѣ, Цезарѣ: легко жъ ли это ему было доискаться о каждомъ изъ нихъ: кто онъ былъ? какъ былъ образованъ? къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической и литературной партіи, и въ чьихъ рукахъ находилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея? когда этого не могли привести въ ясность и

всѣ совокупныя усилія европейскихъ филологовъ! Удобно ли ему было заниматься византійскими историками и западными латинскими лѣтописцами, когда въ одно и то же время онъ писалъ и издавалъ Выжигиныхъ, Чухиныхъ и еще кое-что въ этомъ родѣ! Обращаюсь, говоритъ Бодянскій, съ этимъ вопросомъ ко всѣмъ 2656 подписчикамъ, выставленнымъ въ концѣ 1-й части. И потому, прежде нежели начнутъ читать Булгарина, пусть они сами послѣдуютъ его благоразумному примѣру и разберутъ его собственные вопросы... Просмотрѣвъ такимъ образомъ сочиненіе, каждый уже будетъ знать, какое мѣсто дать ему въ ряду историческихъ сочиненій»[1].

Въ своей критической статьѣ Бодянскій обращаетъ главное вниманіе на исторію славянъ и старается разсмотрѣть, какими источниками пользовался Булгаринъ и какъ онъ ими пользовался? Выводы получились самыя неблагопріятныя: неправильное толкованіе источниковъ, странныя заключенія, отсутствіе ссылокъ на авторовъ... «Незнакомый съ твореніями писателей, говоритъ Бодянскій, подумаетъ, что все, насказанное въ нихъ О. В. составляетъ его *благопріобрѣтенную* собственность, добытую кровными трудами, честнымъ, и, выражаясь его же словами, *совѣстнымъ* образомъ. Кто такъ *совѣстно ведетъ свое дѣло*», у кого такое «крайнее разумѣніе», тотъ можетъ «не жалѣть времени для сохраненія воспоминаній о подвигахъ principis terrarum populi, можетъ надѣяться, что въ толпѣ историковъ имя его *озарится славою*, не мучить себя «блескомъ и величіемъ своихъ счастливыхъ совмѣстниковъ». Вѣдь и его подвигъ «*стоилъ* ему *много труда, времени и терпѣнія*». Какъ не скажешь послѣ этого съ Гораціемъ: Nil hominibus arduum est»[2]!

Статья Бодянскаго заканчивается словами: «переходимъ къ разбору *второй* части «Россіи» Г. Булгарина»; но такой статьи не появлялось въ печати. Вторая статья писана уже не Бодян-

---

[1]) Московскій Наблюдатель, 1837 г., апрѣль, кн. I. Критика, стр. 398—400.

[2]) Тамъ-же, стр. 422.

скимъ, а И. Кумеровымъ и посвящена статистикѣ Россіи. Продѣлка Ѳ. Булгарина была въ это время разоблачена, и И. Кумеровъ говоритъ о Булгаринѣ только какъ о *хозяинѣ* книги, авторомъ же называетъ Иванова[1]). Отзывъ И. Кумерова, въ общемъ, довольно благопріятенъ для книги Иванова.

Хотя замѣчанія Бодянскаго по существу книги, изданной Булгаринымъ, должны относиться собственно къ Иванову (кромѣ, конечно введенія, которое цѣликомъ написано Булгаринымъ), но такъ какъ авторство его не было извѣстно, то вся статья была направлена противъ Булгарина и произвела очень сильное впечатлѣніе въ обществѣ, особенно послѣ того, какъ Крузе разоблачилъ исторію книги. Мы уже знаемъ, что современники разсказывали, будто бы эта то статья собственно и выдвинула О. М. Бодянскаго и доставила ему кафедру въ университетѣ [2]). Но это положительно не вѣрно. Факты говорятъ, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ другое.

Ник. Василенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Московскій Наблюдатель, 1837 г., ч. XII, іюнь. Критика стр. 326 и слѣд.

[2]) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 435.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Два письма къ Н. И. Костомарову. Н. И. Костомаровъ всегда стремился какъ можно разностороннѣе изучить изслѣдуемыя имъ историческія явленія. Какъ извѣстно, онъ не ограничивался одними лишь письменными матеріалами; онъ обращалъ много вниманія также и на устныя сказанія, старался собрать и узнать ихъ, вводилъ ихъ въ свое повѣствованіе. Чтобы добыть ихъ и, главное, чтобы какъ можно живѣе представлять себѣ и потомъ изложить для читателей всѣ условія мѣстности, гдѣ нѣкогда совершались историческія событія, Николай Ивановичъ предпринималъ туда поѣздки, подробно осматривалъ и изучалъ всѣ замѣчательныя въ историческомъ отношеніи мѣста, всѣ сохранившіяся древности. Такъ поступалъ Костомаровъ смолоду въ 40-выхъ годахъ прошлаго вѣка, когда готовилъ свой трудъ о Богданѣ Хмельницкомъ—онъ объѣхалъ тогда всѣ мѣста, гдѣ разыгрывалась эта великая историческая эпопея; такъ поступалъ онъ и впослѣдствіи: въ концѣ 70-хъ годовъ, уже старикомъ, посредствомъ личнаго посѣщенія изучалъ онъ мѣстности, ознаменованныя дѣятельностью Мазепы, монографію о которомъ онъ тогда готовилъ. Онъ побывалъ въ Кіевѣ, гдѣ списалъ полуистертую надпись на могилѣ Искры и Кочубея, тогда еще существовавшей на лаврскомъ дворѣ. Посѣтилъ онъ также Батуринъ и очень тщательно изучилъ его, а поѣздку свою въ эту столицу Мазепы онъ описалъ въ газетѣ «Порядокъ» (1881 г., № 87). По поводу этой статьи ему замѣтили, что онъ назвалъ мѣсто жительства Мазепы въ Батуринѣ «Гончаровкой», тогда какъ оно называлось «Городокъ». Кромѣ того, по напечатаніи монографіи о Мазепѣ, протоіерей П. Г. Лебединцевъ въ письмѣ указалъ Николаю Ивановичу,

что онъ неправильно скопировалъ надгробную надпись на могилѣ Искры и Кочубея; неправильность эта вполнѣ понятна, если вспомнить слабое зрѣніе историка и истертость самой надписи. Эти указанія покойный историкъ, повидимому, рѣшилъ имѣть въ виду при слѣдующемъ изданіи изслѣдованія о Мазепѣ. Для этой цѣли онъ вложилъ въ оставленный имъ для собственной библіотеки томъ своей монографіи о Мазепѣ письмо П. Г. Лебединцева о надгробной надписи, а также письмо А. М. Лазаревскаго, въ которомъ послѣдній между прочимъ касается и вопроса о Гончаровкѣ, подтверждая правильность указанія Николая Ивановича.

Просматривая этотъ томъ по поводу предпринятаго Обществомъ Пособія Литераторамъ и Ученымъ (Литературный фондъ) изданія «Собранія сочиненій Н. И. Костомарова», вдова покойнаго, Алина Леонтьевна, нашла эти два письма и любезно предоставила ихъ для напечатанія въ нашемъ журналѣ.

Вотъ эти письма:

I. *Письмо А. М. Лазаревскаго.*

Глубокоуважаемый Николай Ивановичъ! Кое-какія свѣдѣнія о женѣ Мазепы у меня найдутся, но сообщить эти свѣдѣнія я могу Вамъ не раньше октября, такъ какъ теперь у насъ горячее время, по случаю каникулъ, когда судъ работаетъ только въ половинномъ составѣ.

Повидимому, Мазепа женатъ былъ на вдовѣ какого-то поляка Фридрикевича, такъ какъ не разъ встрѣчается въ показаніяхъ разныхъ свидѣтелей нач. XVIII в. «пасынокъ Мазепы Криштофъ Фридрикевичъ».

Очень жалѣю, что не видѣлъ Васъ въ нашихъ мѣстахъ. Въ Батуринѣ Вы, конечно, ничего не нашли послѣ Меншиковской Руины. Лѣтъ пятнадцать назадъ я нарочно поселился было въ Батуринѣ, чтобы порыться въ людской памяти но ничего не добылъ... Мазепа жилъ въ Батуринѣ, на Гончаровкѣ, которая составляетъ предмѣстье около такъ называемой Тепловки; а передъ измѣной, онъ укрѣпилъ такъ называемый Городокъ, гдѣ теперь пасѣка извѣстнаго нашего пчеловода Великдана.

Замѣтили-ли Вы въ «Пчелѣ» 1876 г., кажется, рисунокъ Шевченка «Остатки дома Мазепы въ Батуринѣ». Откуда взялъ Ш. этотъ рисунокъ—трудно угадать, такъ какъ объ оригиналѣ людская память

и пятнадцать лѣтъ назадъ ничего не сохранила. Притомъ же, по преданію, послѣ разоренія Батурина въ 1708 г., въ немъ осталось только три дома, въ томъ числѣ и Кочубеевскій домикъ, который теперь обезображенъ неумѣлымъ реставраторомъ. (Но подвалы въ этомъ домикѣ и теперь хороши, съ тѣми кольцами, на которыхъ висѣли бочки со всякимъ питіемъ).

Есть у меня и о Мазепѣ кой-какія частныя свѣдѣнія, напр. о тѣхъ взяткахъ, которыя онъ бралъ у старшинъ за уряды и за универсалы; о его хозяйствѣ, пока онъ былъ еще «дворяниномъ» Самойловича.—Все это сообщу Вамъ, буде понадобится, со всякою охотою. Въ Москвѣ Вы, разумѣется, найдете не мало малоизвѣстныхъ свѣдѣній въ Архивѣ М. И. Д.; но кое-что, вѣроятно, есть и въ бывшемъ архивѣ Ник. Маркевича, въ Румянцевскомъ музеѣ; архивъ Маркевича набранъ изъ дѣлъ Генеральной канцеляріи, сохранившейся, впрочемъ, лишь съ 1709 г., такъ какъ прежній архивъ сгорѣлъ при взятіи Батурина.—Лучшія архивныя свѣдѣнія о Батуринѣ въ томъ видѣ, какъ онъ взятъ былъ Меншиковымъ въ свое владѣніе въ 1727 г., кажется, имѣются у Никол. Бѣлозерскаго (младшій братъ Василія Мих-ча), зарывшаго не мало добытыхъ имъ шпаргаловъ въ его хуторѣ, подъ Борзною. О сподвижникахъ Мазепы также многое у меня есть; но желательно бы знать о комъ и что́ Вамъ нужно. Ближайшими людьми къ Мазепѣ были Дмитрій Горленко, Ломиковскій и Апостолъ. О первомъ, что зналъ, я напечаталъ въ Русск. Арх. 1875 г. Апостола Вы знаете, вѣроятно, лучше меня, изъ Московск. архива, а о Ломиковскомъ свѣдѣнія въ его завѣщаніи, въ Харьковскомъ Молодикѣ 1844 г.

Будьте здоровы! Искренно уважающій Васъ Ал. Лазаревскій.

1 сентября 1878 г. Нѣжинъ.

—

II. *Письмо прот. П. Г. Лебединцева.*

Пречестнѣйшій Господине Николай Петровичъ! Дочитавшись въ Вашей книжкѣ о Мазепѣ до казни Искры и Кочубея, встрѣтилъ я тамъ надгробіе имъ, скопированное въ непр вильномъ видѣ. Не желая, чтобы эти эррары повторялись при новомъ изданіи Вашей прекрасной книги, сообщаю Вамъ на оборотѣ сего сіе надгробіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно возстановлено М. А. Максимовичемъ и напечатано мною въ «Кіев. Еп. Вѣдомостяхъ» за 1866 годъ.

Къ сему считаю не излишнимъ присовокупить, что по мѣстному преданію они, по доставленіи въ Борщаговку, содержались въ хатѣ, на нынѣшней священнической усадьбѣ, а потомъ ведены для казни за мѣстечко, на гору, по дорогѣ въ с. Кашевъ, и казнь ихъ совершена тамъ на мѣстѣ, на которомъ близъ дороги виднѣется и теперь довольно большая могила. Вѣроятно, по этой возвышенности, на правомъ берегу р. Роси, стоялъ обозъ Мазепы.

Пожелавъ при семъ случаѣ Вамъ доброго здоровья и душевнаго спасенія въ наступившіе дни В. Поста, остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ Вамъ преданный Петръ Лебединцевъ.

2 марта 1883 г. Кіевъ.

Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
Елицы здѣ естесмо положени сущи?
Понеже намъ страсть и смерть повелѣ молчати,
Сей камень возопіетъ о насъ ти вѣщати:
Ижъ за правду и вѣрность ку Монарсѣ нашу
Страданія смерти испилисмо чашу.
За уданемъ Мазепы, о Всевѣдче правый,
Посѣчени зоставше топоромъ во главы,
Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычны,
Подающей всѣмъ своимъ рабомъ животъ вѣчный.

Старинная картина не на своемъ мѣстѣ. Въ Софійскомъ соборѣ, на хорахъ, находится очень древній чудотворный образъ св. Николая, именуемаго *Мокраго*. Это наименованіе дано иконѣ въ память чудеснаго спасенія младенца, котораго уронили въ Днѣпръ родители, ѣхавшіе лодкой изъ Вышгорода въ Кіевъ, и который на другое утро былъ найденъ живымъ и невредимымъ въ Софійскомъ храмѣ, предъ этой иконой. По преданію, событіе это произошло въ концѣ XI вѣка.

Подъ колокольней собора, на стѣнѣ, прибита старинная картина, изображающая это самое событіе. Писана она на холстѣ, въ чорныхъ деревянныхъ рамахъ, около $2^1/_4$ аршинъ длины и $1^3/_4$ высоты. На ней изображены два момента: въ лѣвой части картины виденъ широкій разливъ Днѣпра съ неясными очертаніями отдаленнаго Вышгорода; на срединѣ рѣки лодка съ двумя фигурами въ ней, изъ коихъ

одна въ ужасѣ подняла вверхъ руки надъ упавшимъ въ воду спеленаннымъ ребенкомъ. Остальныя двѣ трети полотна заняты изображеніемъ другого момента: представлена внутренность храма, вправо кіотъ съ образомъ св. Николая, по обѣимъ сторонамъ его иноки въ мантіяхъ, а внизу лежитъ спеленанный цвѣтнымъ «повивачомъ» младенецъ. Слѣва къ нему приближаются изумленные родители, а за ними видны фигуры какихъ-то молодыхъ женщинъ. Все это изображено довольно живо и искусно, но манерно, совершенно въ стилѣ южнорусской живописи XVIII ст.. Въ изображеніи родителей спасеннаго ребенка замѣтна даже попытка художника воспроизвести мѣстный типъ и костюмъ. Внизу подъ картиной, на бѣломъ полѣ, идутъ силлабическія вирши:

За князя Всеволода и митрополіта
Ефрема, бывшаго здѣ на престолѣ лѣта
Тысяща девятьдесятъ втораго, святитель
Чудотворецъ Николай въ Софійску обитель
Призрѣвъ свыше, гдѣ его Икона святая,
Возлюбилъ мѣсто сіе и въ даръ себѣ в . . . ая [1])
Съ вѣрою приходящихъ, началъ здѣ оттомъ
Различная чудеса творити по волѣ
Бога всеблагаго. Межъ тыми чудесами
Въ первихъ есть знаменито се, что предъ очами:
Пловущимъ съ Вышгорода кіевлянамъ, мало
Дитя внегда . . . . . . въ Днѣпръ упало,
И абіе утопе; но какъ въ домъ прибили
И къ сему святителю горько возопили,
Услышалъ ихъ: нощію взявъ зъ воды ихъ сына,
Внеслъ въ церковъ предъ свой образъ жива. Се причина,
Что сего чудотворца Мокримъ называютъ.
При сей Иконѣ и днесь цѣльбы многи получаютъ.
Здѣлано 1768 году, генваря 30 дня.

Такимъ образомъ предъ нами точно датированная картина кіевскаго письма половины XVIII вѣка. Уже по этому одному, не говоря о ея художественномъ достоинствѣ, картина эта заслуживаетъ самаго

[1]) Точками означены буквы и цѣлыя слова, которыхъ нельзя уже прочесть вслѣдствіе того, что краска совсѣмъ облѣзла.

тщательнаго храненія, ибо много ли сохранилось у насъ памятниковъ мѣстной живописи половины позапрошлаго столѣтія? И болѣе чѣмъ странно видѣть, что такая художественная древность хранится не въ храмѣ и не въ музеѣ, а въ воротахъ подъ колокольнею, гдѣ ее заноситъ пылью, дождемъ и снѣгомъ. Когда и кому пришла странная мысль помѣстить ее здѣсь—не знаемъ; въ извѣстномъ «Описаніи Кіева» Н. Закревскаго, составленномъ въ 1865 г., эта картина отмѣчена тамъ же, гдѣ и нынѣ. Очевидно, она находится здѣсь около 40 лѣтъ, если не больше. И нужно только удивляться тому, что, подвергаясь такъ долго разрушительному дѣйствію влаги и пыли, она все еще хорошо сохранилась; только нижнія строки виршей нѣсколько испортились. Пора, давно пора убрать отсюда эту драгоцѣнность и помѣстить ее туда, гдѣ всего приличнѣе находиться ей,—въ Церковно-археологическій музей при Дух. Академіи.

О. Л.

Къ исторіи народнаго повѣрья о „скарбахъ" (кладахъ). Нахожденіе кладовъ было исконнымъ явленіемъ на территоріи Южной Руси. Въ огромномъ количествѣ они остались здѣсь еще отъ древнихъ кочевниковъ и затѣмъ съ великокняжеской эпохи. Статутъ Литовскій 1566 года уже трактуетъ «о найденью скарбу, захованого въ земли або у якомъ покладеню», какъ о фактѣ обычномъ: «Уставуемъ, коли бы ся трафило кому налѣзти (найти) въ земли який скарбъ: гроши, золото, серебро або иншое, яко се трафляеть находити»... (Розд 9, артыкулъ 20). Въ томъ же XVI в. на пустынныхъ степяхъ нынѣшней Полтавщины, въ тогдашнихъ «Сиверскихъ уходахъ», мы встрѣчаемъ кладоискательство, какъ спеціальный промыселъ; такихъ промышленниковъ называли тогда «копачами». Въ 1552 г. каневскіе мѣщане жаловались королевскимъ люстраторамъ, что имъ много вредятъ («переказують») въ пользованіи тѣми «уходами» «копачи зъ драбовъ [1]), которые по городищамъ и селищамъ ходячи, могилы (курганы) роскопываютъ, ищущи тамъ обручей а перстеней, мощи погребенныхъ выкидываютъ, на помъсту за то живымъ и невиннымъ» [2]).

---

[1]) Драбами назывались жолнеры-пѣхотинцы; въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о мѣстномъ замковомъ гарнизонѣ.

[2]) Архивъ Юго-зап. Россіи, часть VII, т. I, стр. 103.

Между тѣмъ условія тогдашней жизни—частыя войны, безпрестанныя вторженія татаръ постоянно способствовали новому накопленію кладовъ въ нѣдрахъ земли: во время подобныхъ тревогъ жители разбѣгались по лѣсамъ и болотамъ, а болѣе цѣнное имущество—деньги, утварь и т. под. зарывали въ землю. Не всѣ владѣльцы зарытаго добра благополучно возвращались въ покинутые дома; многіе погибали отъ враговъ, другіе попадали въ плѣнъ, а припрятанный ими «скарбъ» становился нерѣдко цѣлью нарочитыхъ розысковъ со стороны сосѣдей [1]).

Такимъ образомъ вполнѣ естественно, что въ малорусскомъ народѣ съ древнихъ временъ возникла и укрѣпилась увѣренность въ существованіи въ нѣдрахъ земли многочисленныхъ кладовъ, а затѣмъ уже народная фантазія создала цѣлый рядъ поэтическихъ повѣрій, связанныхъ съ этимъ предметомъ. Однимъ изъ такихъ вымысловъ, и нынѣ широко распространенныхъ въ народной средѣ, является вѣрованье, что на мѣстѣ зарытаго клада при извѣстныхъ условіяхъ появляются горящія свѣчи и вообще огни. Оказывается, что это повѣрье существовало уже въ половинѣ XVII ст. Вотъ документальное свидѣтельство объ этомъ.

Въ актовой книгѣ Полтавскаго полковаго суда, находившейся въ библіотекѣ В. В. Тарновскаго (нынѣ принадлежащей Черниг. губ. земству), имѣется судебный актъ 31 іюля 1671 г. по дѣлу объ отрытомъ въ землѣ кладѣ гдѣ-то близъ Полтавы, именно допросъ пастуха Васька, служившаго у какого-то Гринца. На судѣ, въ присутствіи полковника Ѳедора Жученка, этотъ Васько далъ слѣдующее показаніе: «Панове! Ведле повинносты моеи, выгналемъ рано пасти товаръ (скотъ) по святой недели, съ понеделка на вовторокъ, и такъ обачилемъ — огонь горитъ розними матеріями, и домислилемся, же (что) то скарбъ мѣетъ бити, и сталемъ копати ножемъ и докопалемся казанъ, прикритий глиною. Ознаймилемъ то заразъ господареви моему Гринцу. Теди (тогда) Гринецъ, господарь мой, дождавши вечера, открилъ той казанъ грошѣй и зась тое срѣбро мѣхомъ носилъ въ лѣсъ, а мене отправилъ: «пойди ти къ дому, товаръ гляди, будетъ и тобѣ тихъ грошей». Теди-мъ (тогда я), ведле его росказаня, и пошолъ, нѣчого собѣ не взявши. Теди напотомъ, кгди южъ вибралъ Гринецъ той скарбъ, сталъ мнѣ говорити, кгди люди того мѣли бы довѣдатися, бо мѣсце

---

[1]) См. подобный случай въ нашихъ „Очеркахъ народной жизни въ Малороссіи во 2-й половинѣ XVII ст.“, стр. 196—200.

значне и трудно его закрити: «Ты кажи на Сѣдаковъ на Стефана, на Моисѣя и на Процика». Теди-мъ мусѣлъ ведле мови Гринцевои, господара моего, на тихъ людей невинниxъ неправдиве говорити, а Гринецъ самъ той скарбъ, винявши, затаилъ».

Судьи, «вислухавши тоеи мови», не повѣрили свидѣтелю «и казали того Васка потрикротне, безъ жадного милосердя, сродзе, публѣце, на рынъку нагайками бити», т. е. подвергли его пыткѣ. «За першимъ битемъ, за вторимъ и за третимъ все той Васко едно твердилъ: «хочъ мя панове, на смерть вбийте, тилко самъ Гринецъ той скарбъ винялъ, а мнѣ и едного таляра не далъ». Протоколъ заключается такимъ опредѣленіемъ: «Ми, по томъ немилостивомъ караню Васка до вязеня (подъ арестъ) давши, отложили тую справу на далшій часъ и до книгъ мѣскихъ Пултавскихъ велѣли вписати, року и для вишменованого».

Этотъ отрывочный документъ заставляетъ лишь догадываться о сущности дѣла. По всей вѣроятности, кладъ былъ откопанъ на чужой землѣ, а въ Лит. Статутѣ на этотъ счетъ существовалъ такой законъ: если находка скарба будетъ сдѣлана на собственной землѣ, то скарбъ долженъ принадлежать тому, чья земля; а если на чужой землѣ, то нашедшій обязанъ дать половину тому, на чьей землѣ нашелъ; «а хто бы умысльне (съ умысломъ, намѣренно) на чужой земли кладу искалъ и нашолъ, тогды маеть, што будеть найдено, все тое отдати, чій грунтъ есть». (Лит. Ст. 1566 г., разд. 9, арт. 20; Лит. Ст. 1588 г., разд. 9, арт. 30). Очевидно, на основаніи этого закона, владѣлецъ земли и претендовалъ къ Гринцу о выдѣлѣ половины клада, а Гринецъ отвергалъ самый фактъ находки «скарбу». Доказчикомъ и уличителемъ Гринца выступилъ его пастухъ Васько, якобы участвовавшій въ открытіи «скарба»; но мы видѣли, что судъ не далъ вѣры его показаніямъ, и хотя Васько, подвергнутый троекратному истязанію, продолжалъ стоять на своемъ, судьи, отложивъ дѣло, все-таки подвергли его заключенію.

Самая любопытная черта въ этомъ документѣ—упоминаніе о горящемъ огнѣ, какъ примѣтѣ скарба; но столь же любопытно и то обстоятельство, что благоразумные люди (въ данномъ случаѣ члены полковаго суда) и въ то время не придавали вѣры этимъ суевѣрнымъ росказнямъ.

О. Л.

Школа чистописцевъ, существовавшая въ Полтавѣ. Пользуясь архивнымъ матеріаломъ, можемъ сообщить исторію этой рѣдкой школы, въ которой получили образованіе многіе изъ нынѣ здравствующихъ чиновныхъ лицъ. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ баронъ Компенгаузенъ въ іюлѣ 1823 года сообщилъ малороссійскому генералъ-губернатору Н. Г. Репнину о необходимости, на основаніи представленія комитету министровъ министра вн. дѣлъ В. П. Кочубея, устроить въ Малороссіи, подъ вѣдомствомъ Приказа Общ. Призрѣнія, школу для приготовленія писцовъ. Такихъ школъ на первое время предполагалось устроить двѣ: одну въ Ярославѣ, гдѣ Приказъ имѣлъ большія средства, а другую въ Полтавѣ. Нельзя не обратить вниманія на мотивъ учрежденія этихъ школъ. «Въ домахъ воспитательныхъ (писалъ В. П. Кочубей) призрѣваются незаконнорожденные (подкидыши), которые тожъ воспитываются или въ домахъ сихъ или внѣ оныхъ; воспитанники таковые увольняемы были изъ вѣдомства приказовъ по собственному ихъ распоряженію и терялись изъ виду, такъ что ни правительство за попеченіе свое о призрѣніи ихъ никѣмъ не вознаграждалось, ни общество не получало никакой пользы. Въ семъ уваженіи государь императоръ въ 1820 году, обративъ вниманіе на участь воспитанниковъ, Приказами призрѣваемыхъ, высочайше утвердить изволилъ представленіе мое объ опредѣленіи ихъ на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: 1) чтобы воспитанники были увольняемы изъ Приказа съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ не иначе, какъ по засвидѣтельствованіи мѣстнаго начальства о соотвѣтственномъ устроеніи ихъ участи, и 2) чтобы воспитанники обращаемы были въ общеполезныя заведенія по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ». Этихъ воспитанниковъ министерство опредѣляло въ С.-Петербугскую аптекарскую школу, въ школы садоводства, существовавшія тогда въ губерніяхъ полт. и пензенской, въ сады—екатеринославскій, одесскій, крымскій; въ наборщики казенныхъ типографій и т. под. Изъ этихъ же питомцевъ должна была состоять и проектируемая школа въ Полтавѣ, цѣль которой—«приготовить молодыхъ людей на службу для тѣхъ губерній, кои, по отдаленности или другимъ причинамъ, имѣютъ въ канцелярскихъ служителяхъ большой недостатокъ». Въ школу эту принимались мальчики не моложе 10 лѣтъ. Они ходили учиться или въ гимназію, или въ уѣздное училище; но для уроковъ чистописанія должны быть положены особые часы, такъ какъ воспитанники должны были писать хорошимъ почеркомъ, правильно и скоро. Тѣхъ изъ

воспитанниковъ «школы чистописцевъ», которые проходили гимназическій курсъ, опредѣляли на службу писцами, а болѣе способные изъ нихъ могли получить мѣсто помощника столоначальника. Смотря по успѣхамъ, окончившіе получали званіе старшихъ и младшихъ писцовъ. Образцы письма окончившихъ представлялись въ министерство, которое и опредѣляло ихъ на службу. За полученное образованіе надо было прослужить отъ 8 до 10 лѣтъ; а по выслугѣ можно было получить оберъ-офицерскій чинъ. Если позволялъ возрастъ, то разрѣшалось опредѣлять воспитанниковъ на службу и до окончанія курса ученія. Неуспѣвавшихъ или дурного поведенія учениковъ обращали въ ремесленниковъ, работниковъ въ заведенія, содержимыя приказами; опредѣленные же на службу писцами, въ случаѣ дурного поведенія или неспособностей, обращаемы были въ податное состояніе. На такихъ основаніяхъ была открыта «Школа чистописцевъ» въ Полтавѣ. Содержалась она на счетъ Приказа. По штату въ ней положено было имѣть 50 воспитанниковъ. Первоначальное обзаведеніе ея обошлось 9996 р. 55 к., а ежегодное содержаніе стоило 12136 р. $3^1/_2$ к. Для помѣщенія былъ нанятъ домъ Руденка (гдѣ раньше помѣщался «домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ», а нынѣ здѣсь губернская земская Управа), для приспособленія котораго было истрачено 16683 р. 90 к. Первые питомцы «Школы чистописцевъ» въ Полтавѣ по распоряженію министерства внутр. дѣлъ были присланы изъ воспитательныхъ домовъ: смоленскаго, тульскаго, калужскаго и воронежскаго. Завѣдующимъ этой школой былъ назначенъ депутатъ полтавскаго генеральнаго Суда 1 департамента Ѳедоръ Константиновичъ. Точной программы обученія въ школѣ не существовало. Въ нее поступали нерѣдко совершенно неграмотные, которыхъ и обучали здѣсь; иные учились ариѳметикѣ и грамматикѣ, а всѣ безъ исключенія чистописанію. Введено было рисованіе, и директоръ училищъ полт. губерніи Огневъ увѣдомивъ въ августѣ 1825 г. начальника училища, что «воспитанники Школы чистописцевъ могутъ не ходить въ уѣздное училище по средамъ и субботамъ, чтобы заниматься рисованіемъ». Школа эта просуществовала въ Полтавѣ до начала 1860-хъ годовъ, когда была закрыта. При этой школѣ, добавимъ, существовалъ прекрасный церковный хоръ, пѣвшій въ церкви богоугоднаго заведенія. (Арх. Полт. Губ. Земства. Дѣла Приказа по описи № 317).

И. Ф. Павловскій.

Пастырская увѣщательная грамота Кіевск. Митроп. Гавріила. Въ мартѣ 1802 года въ типографіи кіево-печерской лавры «съ Оуказнаго дозволенія Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода» напечатана «Пастырская Оу́вѣща́тельная Грамота» Митрополита Кіевскаго Гавріила «къ Духовенству Кіевской Епархіи, и Благочинническая Інструкція». Въ своей увѣщательной грамотѣ митрополитъ Гавріилъ отмѣчаетъ нѣсколько весьма любопытныхъ явленій въ жизни подвѣдомственнаго ему духовенства.

«По входящимъ къ Намъ и въ Дикастерію Нашу доносамъ, жалобамъ и прозбамъ, съ великимъ удивленіемъ, и крайнимъ сожалѣніемъ видимъ Мы. а) Что многіе изъ нихъ» («Пастырей словеснаго стада»), разными способами вступивши въ Духовный чинъ;—говоритъ Высокопреосвященный Гавріилъ,—не ищутъ пользы церкви, не стараются по долгу присяги о спасеніи ввѣренной имъ паствы, и о благолѣпіи храмовъ Божіихъ: но или съ великимъ роптаніемъ жалуясь на скудость того прихода. каковъ сами добровольно избрали, или на недоброхотство своихъ прихожанъ, безпрестанно просятъ о переводѣ ихъ въ другіе лучшіе приходы, въ противность обязательства ихъ и правилъ Святыхъ Отецъ: но такіе прихоти свои стараются прикрыть разными сторонними причинами, в) Нѣкоторые нарушая свою совѣсть, стараются клеветами, ласкательствомъ къ прихожанамъ своимъ и помѣщикамъ, и другими пронирствами вытѣснить законно опредѣленнаго Пастыремъ Священника изъ прихода, и занять оной сами: и такъ по слову Христову, не входятъ дверми но прелазятъ инудѣ, г) Другіе имѣя по видимому въ предметѣ одно стяжаніе богатства, вступаютъ въ несвойственные Священническому сану торги и промыслы, и дѣлая связи даже съ Евреями заимодавствомъ имъ денегъ, для одной лихвы, порокомъ скверностяжательства себя безобразятъ, простираются на обманы, обиды и другіе неправды во вредъ ближняго, отъ чего безпрерывно умножаются жалобы, и они подвергаются сужденіямъ и штрафамъ. И такъ, по Апостолу, яко хотящіи богатитися впадаютъ въ напасти и сѣти, и въ похоти многи, несмысленны, и враждующыя, яже погружаютъ человѣка во всегубительство и погибель. Корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть: егоже нѣцыи желающе, заблудиша отъ вѣры, и себе пригвоздиша болѣзнемъ многимъ, д) Иные до нынѣ не отстаютъ отъ піянства, и не только въ домѣхъ. въ гостяхъ, но и входя въ корчмы напиваются до піяна, и не живутъ мирно, тихо и любовно: но съ разными людьми входятъ

въ ссоры, и не только съ низшими и равными себѣ, но и съ вышшими обходятся сурово, угрюмо, строптиво и предпріимчиво: другіе, забывъ страхъ божій, руками, коими приносятъ безкровную жертву, дерзаютъ причинять по злости и необузданной ярости своей, тяжкіе людямъ побои даже до крови, и тѣмъ кромѣ того, что не подаютъ паствѣ своей добраго примѣра, служатъ къ разврату, и наводятъ на себя справедливое отъ прихожанъ нарѣканіе: а самы подвергаются нещастному жребію. Изъ числа таковыхъ дерзкихъ людей, нѣкоторый Священникъ въ недавнемъ времени, за побои причиненные прихожанину, отъ коихъ онъ чрезъ нѣсколько дней умеръ, подпалъ оуголовному суду: а за тѣмъ строгому оштрафованію, съ отрѣшеніемъ отъ прихода, е) Нѣкоторые священники или самы между собою, или съ свѣтскими людьми собравшись, вмѣсто того, чтобы, яко учителямъ ввѣренной имъ паствы и строителямъ таинъ Святыхъ, продолжать бесѣды полезные, и къ назиданію душъ человѣческихъ служащіе, даютъ полную волю языку своему: и не только гнилые, смрадные и буесловные рѣчи произносятъ, безъ всякаго разсужденія въ соблазнъ другимъ: но еще заводятъ разговоры нелѣпые, неосновательные, и по легкомыслію своему, разглашенія дѣлаютъ о такихъ дѣлахъ кои до нихъ вовсе не принадлежатъ и тѣмъ и другихъ повреждаютъ, и самы подпадаютъ нещастіямъ».

Всѣ эти и «подобные имъ неустройства и буянства» происходили, по мнѣнію Митрополита, отъ невниманія священниковъ «званію своему, и тому спасительному предмету, для коего они въ Священный санъ поступили: ибо многіе изъ нихъ не только Священныхъ полезныхъ книгъ, но и ставленныхъ своихъ грамотъ, сокращенаго катихизиса и книги о должности пресвитеровъ не читаютъ, и поведенія своего съ евангельскимъ ученіемъ и правилами Святыхъ Отецъ сображать не стараются». Кромѣ того—«отъ слабаго смотренія за поведеніемъ ихъ Благочинныхъ, и Духовныхъ Правленій: ибо довольно примѣчено нами,—говоритъ Митрополитъ Гавріилъ,—что, гдѣ оуѣздные Протоіереи и Благочинные къ своей должности ревностны, отправляютъ оную рачительно, и ни какихъ безчинствъ, и неустройствъ подчиненныхъ своихъ безъ должнаго вниманія не оставляютъ, въ тѣхъ оуѣздахъ Духовенство исправнѣе и спокойнѣе, напротиву того по дѣламъ довольно извѣстно, что нѣкоторые Духовные Правленіи и Благочинные, по доходящимъ къ Намъ свидѣніямъ, жалобамъ и доносамъ о піянствѣ, ссорахъ, о дракахъ и другихъ разныхъ престу-

пленіяхъ и оупущеніяхъ должностей Священно и церковнослужительми, или въ закрытіе ихъ преступленій, не входятъ въ испытаніе и обнаруженіе дѣла, и не предаютъ виновныхъ сужденію, или же оканчиваютъ дѣла тѣ примиреніемъ: и такъ оставляютъ виновныхъ въ прямомъ преступленіи должности своей являющихся, безъ всякаго суда и заслуживаемаго ими по мѣрѣ преступленій оштрафованія, чемъ подаютъ поводъ простираться и впредь на вящшыя дерзости и буянства».

«Имѣя попеченіе о приведеніи епархіи въ надлежащее благоустройство», митрополитъ Григорій, отмѣтивъ выше указанные неустройства и буянства» въ средѣ духовенства, завѣщаетъ «именемъ Божіимъ» и «властію Пастырскою» повелѣваетъ «Протоіереамъ, Іереамъ, Діаконамъ и причетникамъ вообще: Въ званіи своемъ свято и непорочно пребывати: поступая вовсемъ по ставленнымъ грамотамъ: и прилѣжая прямо, своей должности; скверностяжательства удаляться, довольствуясь положенными по Оуказамъ оброками и доброхотнымъ подаяніемъ: держась ученія Святого Апостола Павла». Особенно же предписываетъ Благочиннымъ: «за поведеніемъ Священно и церковнослужителей имѣть неослабное наблюденіе, чего ради какъ при посѣщеніи церквей, такъ и при всякомъ случаѣ не упущать изъ виду ничего по Інструкціи имъ предписаннаго: а дабы Священно и церковнослужители съ своей стороны извѣстны были, чего Благочинные смотрѣть и наблюдать за ними обязаны, а тѣмъ бы въ порядкѣ и добронравіи образовались», митрополитъ повелѣваетъ «напечатавъ оные Інструкціи церковными литерами на щетъ заплаты изъ церковныхъ денегъ, раздать во всѣ церкви ко всегдашнему прочитыванію: а за симъ Благочиннымъ печатные вручить, къ непремѣнному исполненію, за подписомъ Дикастеріи»...

Духовнымъ Правленіямъ митрополитъ предписываетъ «смотрѣть неослабно за Благочинными, дабы они должность свою исправляли неопустительно, и были бы примѣромъ всякаго благонравія своимъ подчиненнымъ... Въ недоумѣніяхъ ихъ Благочинныхъ, наставлять, и къ исправному прохожденію должностей руководствовать».

Предложивъ цѣлый рядъ болѣе частныхъ указаній касательно того, какъ должны поступать священно и церковнослужители, благочинные и духовныя Правленія, митрополитъ, въ заключеніе своей пастырской увѣщательной грамоты высказываетъ слѣдующее: «За всѣмъ таковымъ Нашимъ распоряженіемъ надѣемся, что оуѣздные Прото-

іереи присутствующіе въ Духовныхъ Правленіяхъ, и Благочинные потщатся проходить должности свои прилѣжно, усердно, вѣрно: а симъ самимъ пресѣкутъ не только развратъ священно и церковнослужителей: но и всякія къ тому поползновенія. И тѣмъ содѣлаютъ себя достойными Нашего Пастырскаго особливаго объ нихъ вниманія, и за ревностные труды ихъ награжденія: объявляя при томъ всѣмъ и каждому изъ нихъ, что нерадивые, и возложеннаго на ихъ званія по долгу присяги неисполняющіе, и о благѣ общемъ непекущіеся, не только отрѣшены будутъ отъ должностей своихъ: но подвергнутся и неизбѣжному сужденію. И притомъ, ни прозбы ихъ, ни прежнія заслуги, ни извиненія не вѣдѣніемъ порядка, и ни какія сторонныя объ нихъ ходатайства, не будутъ имѣть мѣста къ облегченію судьбы ихъ».

Въ концѣ увѣщательной грамоты поставлена дата: «дана въ Богоспасаемомъ Градѣ Кіевѣ. Августа 12 дня. 1801 года». А на заглавномъ листѣ значится: «Печатана съ Оуказнаго дозволенія Святѣйшаго Правительствующаго Сvнода, въ тvпографіи Кіевопечерской Лавры, 1802 года. Марта дня.

В. С

Народныя повѣрія, суевѣрія и примѣты, пріуроченныя къ „Благовищеню". (Записаны въ волынск. губ., въ уѣздахъ: заславл., староконстант. и ковельскомъ и подольской губ. каменецкій уѣздъ). Послѣ «Велыкодня» и «Риздвяныхъ святъ» въ понятіи и вѣрованіи нашего народа однимъ изъ главнѣйшихъ праздниковъ считается «Благовищеня». Насколько этотъ праздникъ считается важнымъ въ понятіи народа,—свидѣтельствуетъ та масса повѣрій, суевѣрій и примѣтъ, какая существуетъ у него въ связи съ этимъ праздникомъ. Мы раньше сообщали уже въ «Кіев. Стар.» повѣрія, суевѣрія и примѣты, пріуроченныя къ «Велыкодню», «Риздвянимъ Святамъ» и «Спасу», теперь предлагаемъ читателямъ подобныя-же повѣрья, пріуроченныя къ «Благовищеню».

По понятію народа «Благовищеня» такой же важный и большой праздникъ, какъ и Пасха, и въ этотъ день, какъ и на Пасху, можно ѣсть скоромное,—«але-жъ на йиденъ день не вартъ паскудытысь и скоромытысь»,—прибавляютъ крестьяне.

На Благовѣщеніе, какъ и на Пасху—даже грѣшниковъ въ аду не мучатъ. Всякая, даже малѣйшая работа на Благовѣщеніе безусловно грѣшна и воспрещена: такъ, напримѣръ, если на Благовѣщеніе взять въ руки или только прикоснуться къ огороднымъ, цвѣточнымъ или хлѣбнымъ сѣменамъ для посѣва и посадки, то онѣ отъ этого сейчасъ потеряютъ всхожесть и не взойдутъ. Яйца домашней птицы: куръ, утокъ, нельзя подсыпать подъ насѣдку, ибо изъ этихъ яицъ или ничего не выйдетъ, и яйца будутъ «бовтуны», или изъ такихъ яицъ цыплята выйдутъ уроды и калѣки.

На Благовѣщеніе даже ни одна птица не вьетъ гнѣзда; кукушка давнымъ давно вздумала было въ этотъ день вить гнѣздо,—но ее Господь за это проклялъ, воспретилъ навсегда вить себѣ гнѣздо. (Каменецкій уѣздъ, подол. губ.).

Къ Благовѣщенію «боцюнъ» (аистъ) успѣваетъ уже или сѣсть на яйца, или во всякомъ случаѣ снести первое яйцо. Народъ по «боцюнамъ» примѣчаетъ: если боцюны на Благовѣщеніе сидятъ уже на яйцахъ,—весна будетъ теплая и весеннихъ морозовъ не будетъ, если къ Благовѣщенію они чуть лишь начинаютъ нестись,—весна будетъ холодная. (Заславл. и староконстант. уѣзды, волын. губ.). По аисту народъ также предвидитъ и ожидающійся урожай: народъ вѣритъ, что аистъ ежегодно что-нибудь выбрасываетъ изъ гнѣзда—яйцо или птенца-дѣтеныша; если аистъ выброситъ яйцо,—на хлѣбъ будетъ урожай и онъ будетъ дешевъ; если выброситъ птенца, дѣтеныша,—будетъ неурожай хлѣба и онъ будетъ такъ дорогъ, что его не купить и за дитя (ковельск. уѣздъ, волын. губ.).

Если благовѣщенскую просфору положить въ «засикъ» (закромъ) или мѣшокъ съ хлѣбнымъ зерномъ для посѣва,—то зерно это дастъ хорошій урожай, мыши его не будутъ ѣсть, а градъ на полѣ не побьетъ его. (Каменец. уѣздъ, подольск. губ.).

На Благовѣщеніе просыпаются отъ зимней спячки и вылазятъ на свѣтъ Божій: гадюки, ужи.

На Благовѣщеніе „весна зиму вже зовсимъ поборе“; и съ Благовѣщенія наступаетъ «вже правдыва (т. е. настоящая) весна“.

Если весна поздняя,—то на Благовѣщенье пчеловоды выставляютъ пчелъ изъ зимовниковъ и омшанниковъ и первый разъ кормятъ ихъ сытою съ благовѣщенскою просфорою и артосомъ

Если на Благовѣщеніе родится что либо изъ скота—теленокъ или лошенокъ, то будетъ или калѣкою, или недолговѣчнымъ; родив-

шійся въ этотъ день ребенокъ тоже будетъ недолговѣченъ и скоро умретъ,—а если и будетъ живъ, то будетъ злой, нехорошій человѣкъ или какой-нибудь преступникъ.

Если на Благовѣщеніе дождь,—будетъ урожай на грибы,—если гроза—ожидать теплаго лѣта и урожая орѣховъ.—Въ этотъ день недѣли въ который припадаетъ Благовѣщеніе въ данномъ году, до конца года ничего нельзя начинать или предпринимать, т. к. будетъ неудача и неуспѣхъ въ дѣлѣ или предпріятіи.

Воры, напротивъ, на Благовѣщеніе стараются что-либо украсть, чтобы цѣлый годъ имѣть успѣхъ

Равнымъ образомъ по народному вѣрованію, вѣдьмы тоже на Благовѣщеніе стараются подоить чужихъ коровъ, чтобы цѣлый годъ имѣть успѣхъ въ кражѣ у чужихъ коровъ молока.

Горохъ, посѣянный подъ Благовѣщеніе, будетъ очень урожайный и не будетъ червивый (староконст. уѣздъ).

Ив. Бѣньковскій.

Легенда о горохѣ. 1) Въ староконстантиновскомъ уѣздѣ, волын. губ., горохъ крестьяне называютъ «слезами Адама» и о происхожденіи гороха разсказываютъ слѣдующую легенду: «То, якъ Господь выгнавъ Адама зъ раю, то винъ мусивъ взятыся за роботу, оброблять землю,—щобъ прокормыты себе зъ Эвою. Трудно було Адамови прывыкаты до тяжкои праци, и отъ, якъ винъ першый разъ взявся оброблять землю и першый разъ ходывъ за плугомъ,—то дуже плакавъ; и де падалы на землю ёго слёзы,—тамъ вырисъ горохъ». (С. Молчаны, баба Прокопыха).

Ив. Бѣньковскій.

Текущія извѣстія.

Юбилей А. Н. Пыпина. 25 марта состоялось въ Петербургѣ чествованіе извѣстнаго ученаго академика А. Н. Пыпина по поводу 50-лѣтія его учено-литературной дѣятельности. Въ исходѣ 2-го часа дня, небольшая квартира юбиляра была переполнена его знакомыми, почитателями и членами депутацій. Въ $2^1/_2$ часа началось чтеніе адресовъ. Первыми привѣтствовали А. Н. Пыпина отъ Императорской

Академіи Наукъ академики Ал-ръ Н. Веселовскій и Н. Ѳ. Дубровинъ; проф. И. А. Шляпкинъ произнесъ привѣтствіе отъ историко-филологич. факультета Петербургскаго университета, проф. Гельсингфорскаго университета г. Мандельштамъ прочелъ адресъ отъ историко-филологич. факультета и отъ профессорской корпораціи этого университета (на латинскомъ языкѣ); затѣмъ читали адресы: отъ общества любителей россійской словесности проф. Алексѣй Н. Веселовскій, отъ Московскаго Археологическаго Общества, Московскаго Общества исторіи и древностей. Отъ литературнаго фонда привѣтствовали П. И. Вейнбергъ и Н. Ѳ. Аненнскій, отъ историческаго общества при Спб. университетѣ—проф. Н. И. Карѣевъ и В. И. Семевскій, отъ этнографическаго отдѣла музея имп. Александра Ш—Д. А. Клеменцъ, отъ украинцевъ Д. Л. Мордовцевъ и А. А. Русовъ (текстъ послѣдняго адреса, помѣщаемый ниже, былъ покрытъ въ Петербургѣ болѣе чѣмъ 80 подписями), отъ Лицейскаго Пушкинскаго Общества—нѣсколько бывшихъ лицеистовъ, съ директоромъ Имп. Публичной Библіотеки Д. Ѳ. Кобеко во главѣ, отъ редакціи «Міра Божія», отъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музея, избравшаго юбиляра почетнымъ членомъ и др., Чтеніе адресовъ сопровождалось шумными рукоплесканіями. Потомъ началось чтеніе нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ полученныхъ телеграммъ, а именно: отъ управляющаго Музеемъ Имп. Александра Ш Е. И. В. Вел. князя Георгія Михайловича, отъ Казанскаго университета, избравшаго А. Н. почетнымъ членомъ, отъ историко-филологическихъ факультетовъ университетовъ Кіевскаго, Харьковскаго и Варшавскаго, отъ Историч. Общества Нестора Лѣтописца, съ извѣщеніемъ объ избраніи въ почетные члены, отъ Сибирякова, отъ редакціи «Русскаго Богатства», Томскихъ общеобразовательныхъ вечернихъ курсовъ, И. Е. Забѣлина и др.

Во всѣхъ адресахъ и телеграммахъ были отмѣчены выдающіяся научныя заслуги юбиляра, его неуклонное стремленіе къ правдивому изображенію прошлой жизни славянскихъ народовъ и русской общественности, благородное отстаиваніе правъ на уваженіе и самобытное развитіе, какъ всѣхъ славянскихъ народностей, такъ и всего разноплеменнаго состава Русскаго государства. Особенно сильно подчеркнуты были заслуги юбиляра въ дѣлѣ защиты народной самобытности въ привѣтствіяхъ изъ Сибири.

Взволнованный и растроганный юбиляръ, отвѣчая кратко, благодарилъ всѣхъ за необыкновенное вниманіе къ его трудамъ, ощути-

тельно напоминающее, что его жизнь прошла не безслѣдно и что работалъ онъ не даромъ.

Послѣ чтенія привѣтствій, продолжавшагося болѣе часа, въ 6 ч. вечера состоялся обѣдъ въ ресторанѣ Донона съ многочисленными искренними и задушевными рѣчами и тостами.

Текстъ адреса, поднесеннаго украинцами, проживающими въ Петербургѣ.

Высокошановный Олександеръ Мыколаёвычъ!

Помежы прывитаннямы, яки пидносять вамъ зъ поводу Вашои 50-литнёи литературнои праци, дозволяемо соби й мы, украинци, выголосыты щыру подяку Вамъ за спивчуття Ваше бажаннямъ розвою нашои риднои мовы и литературы.

Справди, 50 годъ назадъ, колы Вы ступылы на шляхъ ученои и публицистычнои діяльносты середъ интеллигенціи не тилькы повитовыхъ и губерньскыхъ мистъ, але й у столыцяхъ нашого царства багато зустричалося людей, що здвыгалы плечыма, колы передъ имы згадувано про Украинську літературу й мову. «Де жъ той народъ, пыталы воны, якый говорыть цією мовою? Ни у Кыиви, ни въ Одесси, а ни въ Харькови - не чуты тіеи мовы, нигде по кныгарняхъ не знайдешъ кныжокъ, такъ званои, «Украинськои» литературы, а газетъ, або другыхъ выдань періодычнои пресы—и не шукайте! Яка жъ то литература?!»

Своею кныжкою про «Исторію Славяньскыхъ литературъ» за-для молодого поколиння 60-хъ рокивъ Вы подалы доказъ, що той народъ, якому зъ-за часивъ Кырылла та Меѳодія Солуньскыхъ и Володымера Святого викивъ 8 прыходылося пысаты й чытаты на чужыхъ мовахъ, здобувъ, накинець, помежы своимы сынамы—пысателивъ и заснувавъ свою литературу.

Колы сами етнографы украиньски безнадійно сумувалы и журылыся, що пидъ гоминъ и брязкитъ поступового розвою милитаризму гыне мова украиньска й скоро може и зовсимъ переведется нинавищо, Вылингу зброи наукъ исторіи, молвистыкы и етнологіи, пидтрымувалы ихъ виру у правдывый прогресъ всихъ народивъ и въ своёму труди про етнографію называлы марнымы и непидставнымы таки погляды, яки высловлювавъ зъ цёго поводу, напр., Метлинськый у 30—40 рокахъ мынулого вику, бо колы мова Украиньска, казалы Вы, выражае особлыви напрямкы духовного жыття великого народа, то

тилькы, не вміючы дошукатыся у тому жытти чого слидъ, можна прыйты до такыхъ думокъ!

Не разъ, якъ ученый публицыстъ, пиднималы Вы голосъ въ оборону Украинськои идеи проты нападивъ на неи Угрюмъ-Бурчеевыхъ, ризныхъ верствъ и котерій.

Звисно, «разъ добромъ налыте серце въ викъ не прохолоне!»— и мы певни, що колы Вамъ доведется дожыты до часу дозволу друкуваты по-украинськы вичну кныгу усихъ народивъ про Хрыста-Спасытеля и вси инши кныжкы, журналы и газеты за-для 90% народу Полудневои Россіи,—то й Ваше серце озветься на цей актъ политычного зросту нашого царства зъ такымъ же щырымъ почуттямъ, яке огорне и всихъ землякивъ нашыхъ.

Прыймить же, Высокошановный Добродію, видъ насъ щыре бажання ще не разъ чуты зъ Вашыхъ компетентныхъ вустъ прыхыльни и пидкрепляючи слова про неодминнисть розвою духовного благобыту усихъ славянськыхъ народивъ, поможъ якымы Ваше имья стало славнымъ, черезъ Ваши невпынни праци на поли розповсюднення гуманныхъ поглядивъ и думокъ.

На переплетѣ изящнаго, покрытаго свѣтлою обложкой адреса выбито: Велыкому заступныкови народнёго слова Олександру Мыколаевычу Пыпину видъ украинцивъ. 1853—1903.

Археологическій музей въ г. Глуховѣ. Въ самомъ недалекомъ будущемъ Приднѣпровскому краю предстоитъ обогатиться новымъ археологическимъ музеемъ, открываемымъ въ г. Глуховѣ, черниг. губ., по мысли одного изъ мѣстныхъ археологовъ, нынѣ уже покойнаго Н. В. Шугурова. Всю жизнь посвятивъ собиранію книгъ и художественныхъ изданій, относящихся къ Малороссіи, Н. В. Шугуровъ не разъ высказывалъ пожеланіе, чтобы Глуховъ устроилъ у себя музей древностей по примѣру Конотопа, гдѣ музей возникъ по идеѣ А. М. Лазаревскаго. Желаніе покойнаго осуществляется только теперь. Въ очередную сессію 1902 г. глуховского земск. собранія предсѣдатель управы В. М. Аммосовъ внесъ предложеніе, поддержанное гласнымъ П. Я. Дорошенкомъ, объ учрежденіи въ Глуховѣ, при земской управѣ, «Собранія предметовъ мѣстной старины»; цѣль учрежденія этого «Собранія»— сохранить, насколько возможно, быстро исчезающіе вещественные и письменные памятники исторіи и культуры данной мѣстности, что для

Глухова, какъ города, игравшаго въ свое время видную роль въ политической жизни Малороссіи, является прямой необходимостью.

Предложеніе г.г. Аммосова и Дорошенка было принято собраніемъ, и затѣмъ особой комиссіей были выработаны «Основныя правила собранія предметовъ мѣстной старины:» 1. Имѣя въ виду собрать и сохранить отъ уничтоженія различнаго рода памятники мѣстной старины, какъ вещественные, такъ и письменные, глух. уѣздн. земск. собр. учреждаетъ «Собраніе предметовъ мѣстной старины». 2. Въ составъ собранія входятъ: старинныя иконы и кресты, всевозможныя археологическія находки, всякаго рода старинное оружіе, предметы стар. домашняго обихода, портреты мѣстныхъ дѣятелей, картины, гравюры и т. д.; всякаго рода историческіе и юридическіе акты, какъ-то: Высочайшія грамоты на имѣнія, гетманскіе универсалы, оффиціальная и частная переписка, купчія крѣпости, духовныя завѣщанія и т. п. Желательно при «Собраніи» имѣть библіотеку печатныхъ источниковъ для изученія мѣстной старины и искусствъ, и кромѣ того, собрать по возможности всѣ тѣ сочиненія, которыя касаются собственно исторіи г. Глухова и мѣстности, занимаемой нынѣшнимъ глуховскимъ и сосѣдними съ нимъ уѣздами. 3. «Собраніе предм. мѣстн. ст.» глуховск. земства должно находиться при глух. земск. управѣ и быть въ ея вѣдѣніи. Всѣ поступающіе въ «Собраніе» предметы должны вноситься въ особый инвентарь съ краткимъ обозначеніемъ свѣдѣній о нихъ, а также съ указаніемъ, кѣмъ они пожертвованы. Земская управа должна ознакомить населеніе съ цѣлью и задачами учрежденія «Собранія», а также принимать мѣры къ его пополненію. 4. Правилъ внутренняго порядка «Собранія», какъ-то: размѣщеніе вещей, обзоръ ихъ публикою и т. п., земское собраніе не устанавливаетъ, поручая это усмотрѣнію земской управы, съ той лишь оговоркою, что выдача предметовъ и документовъ на домъ ни подъ какимъ видомъ не должна быть допускаема».

Управленіе музеемъ будетъ находиться въ рукахъ особаго комитета, состоящаго изъ членовъ управы и 3 лицъ отъ земства.

Для помѣщенія музея предположено отвести комнату во вновь строящемся зданіи публичной библіотеки. Мѣсто выбрано очень удачно— въ центрѣ города, на базарной площади, вблизи учебныхъ заведеній; къ сожалѣнію, помѣщеніе отведено для музея слишкомъ тѣсное. Не мѣшало бы теперь же позаботиться о расширеніи его.

Для новаго музея уже обѣщаны довольно щедрыя пожертвованія книгъ и вещей. Такъ Н. А. Шугурова, согласно высказанной покойнымъ ея мужемъ волѣ—пожертвовать свою довольно цѣнную коллекцію г. Глухову, рѣшила всю библіотеку Николая Васильевича передать въ глуховскій музей; П. П. Скоропадскій обѣщалъ дать большіе старинные портреты гетмана и гетманши Скоропадскихъ и образцы фарфоровыхъ издѣлій бывшей фабрики Миклашевскихъ; поступили обѣщанія и отъ другихъ, менѣе крупныхъ жертвователей. („Кіевская Газ. № 97").

Музей имени А. Н. Поля въ Екатеринославѣ. Музей находится въ настоящее время въ Потемкинскомъ дворцѣ, гдѣ занимаетъ двѣ комнаты. Въ музеѣ производится разборка и систематизація коллекцій. Такъ какъ витрины еще не закончены отдѣлкой, то всѣ коллекціи размѣщаются на столахъ, но съ соблюденіемъ предполагаемаго въ будущемъ порядка классификаціи. На первомъ планѣ здѣсь выдвигается отдѣлъ каменнаго вѣка. Всѣ коллекціи этого отдѣла относятся къ неолитическому періоду. Между интереснѣйшими предметами этого періода отмѣтимъ фрагментъ мельничнаго жернова, живого свидѣтеля того, что уже въ ту эпоху существовало земледѣліе; мельницы существовали исключительно ручныя, самой примитивной формы; цѣлый рядъ молотковъ, характерныхъ тѣмъ, что одновременно они служили и топорами (hâche-marteau); при помощи ихъ воздвигались всѣ постройки и, въ особенности—свайныя; точильные камни, на которыхъ оттачивались орудія каменнаго вѣка, и къ нимъ полировочные камни для болѣе тонкой отдѣлки и т. д., и т. д. Изъ украшеній отмѣтимъ буссы изъ какого то слоистаго вещества; тѣ-же буссы служили точильнымъ камнемъ для мелкихъ вещей, какъ, напримѣръ, наконечниковъ стрѣлъ.

Наиболѣе замѣчательны между этими коллекціями образцы знаменитой на югѣ мастерской (стоянки) каменныхъ, костяныхъ и гончарныхъ издѣлій—фрагменты съ довольно грубой орнаментаціей. Въ этомъ отдѣлѣ свыше 30 отдѣльныхъ коллекцій.

Отдѣлъ бронзоваго вѣка содержитъ, приблизительно, такое же число коллекцій, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе бронзовые браслеты и фибулы, найденные на мѣстѣ древняго Танаиса. Весьма богатой является коллекція наконечниковъ стрѣлъ разныхъ типовъ и временъ.

Отдѣлъ древней керамики насчитываетъ до 20 коллекцій. Особенно интересны между ними орнаментированные пунктиромъ горшки бронзоваго вѣка и погребальная урна каменнаго вѣка.

Центромъ музея долженъ быть признанъ отдѣлъ козацкихъ древностей. Не говоря уже о такихъ уникахъ, какъ булава сотника Поповича, здѣсь можно найти живыхъ свидѣтелей славнаго прошлаго. Здѣсь имѣются предметы, относящіеся къ козацкому обиходу, и образцы козацкихъ вооруженій; довольно богатъ также отдѣлъ козацкой керамики.

Живопись представлена въ музеѣ классическими картинами, описаніе которыхъ можно найти въ сочиненіяхъ Скальковскаго, Эварницкаго и друг. Здѣсь играющій на бандурѣ козакъ, окруженный аттрибутами козацкой жизни—горилкой, люлькой и двумя повѣшенными «жидами», а тамъ изображена цѣлая сцена въ корчмѣ.

Естественно-историческій отдѣлъ также начатъ разборкой и приведеніемъ въ порядокъ. Повидимому, здѣсь является богатымъ отдѣлъ палеонтологіи; главное, что имѣетъ значеніе въ смыслѣ изученія края, это—извѣстныя коллекціи профессора Гурова полезныхъ ископаемыхъ екатеринославской губерніи, а равно почвъ и горныхъ породъ, которыя имѣютъ быть систематизированы по районамъ мѣстонахожденія.

Нумизматическій отдѣлъ музея можетъ уже конкурировать и съ болѣе старыми музеями. Здѣсь имѣются цѣнныя коллекціи монетъ: римскихъ и греческихъ колоній; довольно обширна коллекція русскихъ монетъ и медалей.

Научная библіотека музея насчитываетъ до 200 томовъ, а вмѣстѣ съ документами и старинными актами въ этомъ отдѣлѣ насчитывается до 1,000 номеровъ.

Недавно въ этотъ музей поступили пожертвованія: отъ В. I. Строменка коллекція «украинскихъ писанокъ», собранныхъ въ екатеринославскомъ уѣздѣ. Коллекція запорожскихъ люлекъ и серебряныхъ монетъ изъ Подпиленской сичи (екатеринославскій у.). Отъ г. Красицкаго—наконечникъ гайдамацкаго копья, найденный въ лѣсу между Смѣлой и Жаботинымъ (кіевской губ.). Музеемъ пріобрѣтены за пятьдесятъ руб. двѣ запорожскія иконы и два портрета запорожцевъ Шыянивъ (всѣ копіи). («Приднѣпровскій Кр.», 1765 и 1778).

Кобзарь Пархоменко въ Екатеринославѣ. 24-го марта, въ Екатеринославскомъ коммерческомъ училищѣ состоялся вечеръ въ пользу архивной комиссіи, при участіи еще молодого слѣпого кобзаря Терешка Пархоменка. Присутствовали члены архивной комиссіи; начальницы гимназій, и довольно много публики. Программа вечера была разнообразна, но центромъ всеобщаго вниманія былъ, конечно, кобзарь Терешко Пархоменко, онъ спѣлъ слѣд. псальмы, думы и пѣсни. Отдѣлъ религіозный (псальмы): «Ангелы душу пробуждають»; „Плачъ душе моя всегда"; «Про Почаивську Божу матерь»; «Що въ мыри являеться». Отдѣлъ историческій (думы): «Про Савву Чалого», «Невольныцькый плачъ»; «Про трёхъ братывъ Азовськыхъ»; «Про Хведора Безридного»; «Про смерть Хмельницького»; «Про оборону Почаивськои Лавры»; «Про бурю на Чорнимъ мори и Олексу Поповича». Отдѣлъ бытовой (пѣсни): «Побратався сокилъ съ орломъ сызокрылымъ»; «Про Морозенка»; «Оженывъ мене батько». Наибольшій успѣхъ имѣла „Дума про Морозенка". («Приднѣпров. Кр.», 1772).

29-го марта въ помѣщеніи желѣзнодорожнаго училища состоялся «вечеръ народной музыки». Передъ концертнымъ отдѣленіемъ г. Любченко прочелъ историческій очеркъ о малорусскихъ народныхъ думахъ, составленный А. Лисовскимъ. Затѣмъ кобзарь Т. М. Пархоменко исполнилъ своимъ мягкимъ пріятнымъ баритономъ нѣсколько народныхъ думъ и историческихъ пѣсенъ. Пѣніе кобзаря вызвало бурныя одобренія публики, его заставляли повторять свои №№ по нѣсколько разъ. («Вѣстникъ Юга», 387).

Къ предстоящему открытію памятника И. П. Котляревскому. Недавно состоялось засѣданіе комиссіи по устройству памятника И. П. Котляревскому.

Городской голова В. П. Трегубовъ, сообщивъ объ окончаніи вчернѣ памятника, предложилъ на обсужденіе комиссіи вопросъ о расположеніи на памятникѣ горельефовъ и надписи, не измѣняя по существу редакціи ея, какъ уже утвержденной правительствомъ.

Членъ комиссіи Л. В. Падалка, исходя изъ того соображенія, что памятникъ есть оцѣнка поэта, предложилъ на лицевой сторонѣ памятника въ верхней части пирамиды помѣстить выдержку изъ кобзаря Шевченка, какъ первую, достойную и самую вѣрную оцѣнку

поэта Котляревскаго, а въ нижней части пирамиды—горельефъ изъ «Энеиды», какъ самаго лучшаго, по его мнѣнію, произведенія Котляревскаго, показавшаго впервые возможность передѣлки классическаго произведенія на родной языкъ.

Городской голова и большинство членовъ комиссіи, признавая «Наталку Полтавку» образцовымъ безсмертнымъ произведеніемъ автора, находили лучшимъ на лицевой сторонѣ помѣстить горельефъ и выдержку изъ «Наталки».

Послѣ обмѣна мнѣній, комиссія постановила: 1) на лицевой сторонѣ памятника, обращенной къ Александровской улицѣ, расположить: а) вверху пирамиды, въ полированномъ медальонѣ, годы столѣтія «Энеиды» (1798—1898), изъ бронзовыхъ накладныхъ цифръ, б) ниже бюста въ верхней части пирамиды—«Котляревскій», годы рожденія и смерти его *(1769—1838)* и четверостишіе изъ „Наталки-Полтавки": «Де згода... сторона» и в) внизу пирамиды—горельефъ съ изображеніемъ сцены изъ «Наталки». 2) на противоположной сторонѣ: а) въ верхней части пирамиды надпись изъ «кобзаря» Шевченка: «На вічну памьять Котляревскому». А подъ ней фамилію автора, б) затѣмъ въ нижней части пирамиды помѣстить дѣловую надпись на бронзовой, темнаго цвѣта, доскѣ, одинаковой по размѣру съ горельефами, объ отливкѣ которой просить П. М. Певнаго вести переговоры въ Харьковѣ и о результатахъ переговоровъ сообщить управѣ. По предложенію Г. И. Маркевича, комиссія рѣшила измѣнить редакцію второй половины дѣловой надписи, а именно: послѣ словъ... «скульпторъ Л. В. Позенъ», сдѣлать слѣдующее добавленіе: «Пьедесталъ, по проекту архитектора, класснаго художника 1-й степени, А. И. Ширшова изготовленъ изъ днѣпровскаго гранита и поскавленъ П. М. Певнымъ». 3) на правой боковой сторонѣ памятника, обращенной на юго-востокъ, по направленію къ старому городу, комиссія рѣшила поставить горельефъ изъ «Энеиды»—походъ Троянцивъ.

Г. И. Маркевичъ доложилъ, что средства особаго фонда на устройство памятника И. П. Котляревскому ко дню засѣданія составляли 13.868 руб. 97 к.; расходъ же къ этому времени выразился въ суммѣ 14.268 руб. 68 коп.; кромѣ того предстоитъ расходъ по уплатѣ за исполненныя работы до 400 р., на устройство ограды, вѣнка и другія болѣе мелкія потребности. Комиссія рѣшила просить городского голову доложить думѣ, чтобы устройство бульвара и рѣшетки было принято за счетъ города, въ виду недостатка средствъ, а также

и въ виду того, что городская дума, кромѣ отвода мѣста, до сихъ поръ никакихъ денежныхъ пожертвованій на сооруженіе памятника Котляревскому не дѣлала. Относительно же увеличенія фонда—просить членовъ комиссіи позаботиться о притокѣ новыхъ пожертвованій. Съ цѣлью усиленія средствъ фонда, Г. И. Маркевичъ предложилъ заказать фотографическіе снимки съ горельефовъ памятника и открытыя письма для продажи въ пользу фонда на сооруженіе памятника: снимки по 1 р., а открытки по 4—5 к. за штуку.

Въ заключеніе комиссія постановила: просить г. Хмѣлевскаго изготовить фотографіи съ горельефовъ, съ каждаго въ количествѣ 100 штукъ, по цѣнѣ 50 к. экземпляръ, и если будутъ требованія—увеличить до 1000 штукъ, при чемъ просить Л. В. Падалку и Н. А. Дмитріева составить для фотографіи надлежащія пояснительныя надписи. Разослать потребное количество экземпляровъ фотографій почетнымъ лицамъ. Относительно открытыхъ писемъ, комиссія большинствомъ голосовъ высказалась, что до открытія памятника пускать въ продажу открытокъ не слѣдуетъ, но нужно заблаговременно заказать.

М. И. Сосновскій предложилъ комиссіи выразить благодарность Л. В. Позену за живое участіе и дѣятельное содѣйствіе, которое онъ безвозмездно оказалъ исполненіемъ для памятника Котляревскому бюста и горельефовъ и вообще всѣмъ лицамъ, оказавшимъ весьма сочувственное отношеніе по устройству памятника Котляревскому въ Полтавѣ. Предложеніе это единодушно было принято. („Полтавскій Вѣстникъ", № 90).

Предполагаемыя украинскія изданія. Среди петербургскихъ украинцевъ возникла мысль издать сборники сочиненій слѣдующихъ малорусскихъ писателей: Леси Украинки, Васыля Стефаныка и Михайла Старицкаго, послѣдняго—лирическія произведенія; къ составленію этихъ сборниковъ уже приступлено. Нельзя не привѣтствовать эту мысль нашихъ петербургскихъ земляковъ, во первыхъ, потому, что широкая публика россійской Украины почти не знакома до сихъ поръ съ произведеніями этихъ авторовъ, по той причинѣ что всѣ они изданы за границей (въ Галиціи изданы слѣдующіе сборники Леси Украинки: «Думи і мріі», «На крилах пісень» и „Відгуки" и В. Стефаника; „Синя книжечка", „Дорога" (новелі) и „Камінний хрест"), а во вторыхъ, въ виду высокой цѣнности многихъ изъ предполагаемыхъ къ изданію произведеній: несомнѣнно, что украинской интеллигенціи важно

познакомиться съ этими авторами, чего въ данное время она лишена по весьма понятнымъ причинамъ.

Тамъ же, въ Петербургѣ, „Благотворительное общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ" для малорусскаго народа предполагаетъ издать иллюстрированныя поэмы Т. Шевченка и байкы Глибова. Это изданіе является несомнѣнно желательнымъ въ интересахъ народа. („Вѣстникъ Юга", 390).

Литературный фондъ и украинскіе писатели. Вдовѣ недавно скончавшагося украинскаго поэта-гражданина Павла Арсеньевича Грабовскаго литературный фондъ русскихъ писателей предполагаетъ назначить ежегодную пенсію въ 300 руб. Это не первый случай проявленія высокогуманнаго отношенія литературнаго фонда къ заслугамъ безкорыстныхъ тружениковъ на украинской литературной нивѣ. Мы знаемъ, что фондъ постановилъ выдавать и уже выдаетъ ежемѣсячно по 50 руб. вдовѣ покойнаго украинскаго писателя П. А. Кулиша—извѣстной также украинской писательницѣ Ганнѣ Барвинокъ; выдаетъ онъ, если не ошибаемся, пенсію и престарѣлому украинскому драматургу М. П. Старицкому и, наконецъ, теперь предполагаетъ выдавать вдовѣ Грабовскаго, которая, къ слову сказать, осталась съ малолѣтнимъ сыномъ. («Вѣстникъ Юга», № 390).

Новое изданіе сочиненій Н. И Костомарова. Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (литературнымъ фондомъ) задумано новое изданіе: «Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Все изданіе составитъ 21 томъ (около 375 печатныхъ листовъ) и въ него войдутъ всѣ историчечкія монографіи и изслѣдованія покойнаго историка.

Всѣ двадцать одинъ томъ историческихъ монографій и изслѣдованій Н. И. Костомарова въ предполагаемомъ изданіи будутъ размѣщены въ восьми книгахъ. («Кіевская Газ.», № 105) [1]).

Поѣздка гр. П С. Уваровой въ Екатеринославъ.—Предсѣдательница Императорскаго московскаго археологическаго общества графиня П. С. Уварова,—отправляется въ скоромъ времени въ Екатеринославъ для выработки, совмѣстно съ организаціоннымъ комите-

---

[1]) См. объявленіе въ концѣ книги.

томъ по устройству въ Екатеринославѣ въ 1905 г. XIII археологическаго съѣзда, программы дѣятельности предварительнаго комитета на лѣтнее время. («С.-Петербургск. Вѣд.», № 87).

Сектанты и раскольники въ херсонской губ. По отчету, составленному противо-сектантскимъ миссіонеромъ М. Кальневымъ, въ 1902 г. въ херсонской епархіи насчитывалось: штундистовъ до *5500* чел., хлыстовъ до *500* чел., штундо-хлыстовъ до *180* чел. пашковцевъ до *100* чел. и скопцовъ до *30* чел. Въ этомъ году, говорится въ отчетѣ, пропаганда штундизма велась съ большей интенсивностью, чѣмъ прежде. Авторомъ отчета за это время было произведено до 40 судебныхъ экспертизъ по дѣламъ о штундистахъ. Что касается секты хлыстовъ, то въ послѣднее время наблюдается весьма замѣтный ея упадокъ, въ виду того, что она постепенно поддается вліянію другихъ сектъ напр,, пашковщины и по мѣстамъ—толстовства. Иногда, подъ вліяніемъ сектантства, на бесѣдахъ православные задаютъ миссіонерамъ вопросы въ чисто сектантскомъ духѣ и тонѣ. Въ отчетѣ, составленномъ М. Кальневымъ, указывается на то, что, кромѣ штундизма, нѣтъ совращеній ни въ одну секту за весь отчетный годъ. Совратилось изъ православія въ штунду 139 чел., считая, впрочемъ, и дѣтей; возвратилось изъ штундизма въ православіе 151 чел. Раскольниковъ-старообрядцевъ въ епархіи насчитывалось въ прошломъ году 25 тыс., изъ этого числа безпоповцевъ—1000 чел. («Югъ», № 1440).

Совѣщаніе объ отмѣнѣ сервитутовъ.—При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образовано особое совѣщаніе по вопросу объ отмѣнѣ сервитутовъ въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ изъ представителей всѣхъ министерствъ и особо приглашенныхъ въ качествѣ экспертовъ крупныхъ землевладѣльцевъ западнаго края. («Русск. Вѣд.» № 100).

Выселеніе нѣмцевъ изъ Волыни. Эмиграціонное движеніе нѣмецкихъ колонистовъ изъ волынской губерніи съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней начинаетъ усиливаться. Кромѣ житомирскаго уѣзда, гдѣ значительно пустѣютъ колоніи по Новоградволынскому шоссе и вблизи Фасовой, эмиграція обнимаетъ также значи-

тельную часть нѣмецкихъ колоній дубенскаго уѣзда, особенно расположенныхъ на сѣверо-восточной его части, такъ называемыхъ, «лѣсныхъ нѣмцевъ», живущихъ по линіи селъ Сатыевъ, Косарево, Новинки, Надчицы и пр. Есть также свѣдѣнія, что нѣмецкіе колонисты сѣверо-западной части луцкаго уѣзда также имѣютъ въ виду переселеніе изъ Россіи.

Въ послѣдніе два года нѣмецкія переселенія въ дубенскомъ и прочихъ сѣверныхъ уѣздахъ волынской губерніи уже имѣли мѣсто, но прежде нѣмцы выселялись отдѣльными семействами; теперь же переселеніе имѣетъ болѣе или менѣе общій характеръ. Куда именно переселяются нѣмецкіе колонисты, опредѣлить весьма затруднительно. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ въ виду переселеніе сначала въ Привислинскій и Западный край, а потомъ переселеніе въ познанскія провинціи и въ восточную Пруссію, другіе же прямо имѣютъ въ виду переселиться въ юго-западную часть Познани. («Биржив. Вѣд.» № 171).

Въ обществѣ изслѣдователей Волыни. 26 марта состоялось засѣданіе общества.—Этнографическая секція представила на разсмотрѣніе членовъ *программу для собиранія этнографическаго матеріала на Волыни;* эту программу постановлено отпечатать въ 2000 экз. и разослать ее учителямъ, священникамъ и др. лицамъ. Затѣмъ секція рѣшила собирать свѣдѣнія о монетныхъ находкахъ, кладахъ, составить каталогъ библіотеки и описаніе музея общества. («Волынь», № 71).

Научная командировка. Харьковскій юридическій факультетъ въ засѣданіи своемъ постановилъ ходатайствовать о командированіи съ научной цѣлью профессора Н. А. Максимейко въ тѣ заграничные и россійскіе города, гдѣ находятся матеріалы по исторіи литовско-русскаго права. («Южный Край», № 7676).

Новое научное Общество въ Харьковѣ. Среди профессоровъ харьковскаго университета возникла мысль организовать научное антропологическое Общество, которое не носило бы спеціальнаго характера и было бы доступно для каждаго образованнаго человѣка—не спеціалиста. Иниціаторами и учредителями этого Общества яв-

ляются представители различныхъ каѳедръ университета. На дняхъ было собраніе учредителей этого Общества, въ которомъ вырабатывался проектъ устава. По проекту устава, членами Общества могутъ быть, кромѣ лицъ, занимающихся научной дѣятельностью при университетѣ, всѣ образованные люди, при чемъ первые принимаются безъ баллотировки, вторые по баллотировкѣ. Предметами занятій Общества будутъ: антропологія, психологія и этнографія. Уставъ Общества въ скоромъ времени поступитъ на утвержденіе въ обычномъ порядкѣ, и надо надѣяться, что съ осени это интересное Общество вступитъ въ жизнь. («Южный Край», № 7693).

Естественно-историческое изученіе Южной Руси.—Новороссійское общество естествоиспытателей предприняло по особо выработанной программѣ рядъ интересныхъ научныхъ изслѣдованій по изученію природы трехъ южно-русскихъ губерній: херсонской, бессарабской и таврической, предназначенныхъ для докладовъ на будущемъ одесскомъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей. Часть намѣченной задачи—уже осуществлена обществомъ. Начатыя въ прошломъ году работы продолжаются и въ нынѣшнемъ 1903 году. («С.-Петербургскія Вѣдом.» № 83).

Годовое общее собраніе С.-Петербургскаго „Благотворительнаго Общества“. 16 марта состоялось въ помѣщеніи городской думы годовое общее собраніе «Благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» на малорусскомъ языкѣ. Изъ отчета, прочитаннаго секретаремъ г. Стебницкимъ, видно, что издательская дѣятельность общества выразилась въ выпускѣ 8-ми брошюръ, изъ которыхъ шесть появились на свѣтъ впервые, а двѣ—переизданы. Всего появилось на свѣтъ въ отчетномъ году 85 тыс. экземпляровъ, обошедшихся въ 2195 р. 55 к.; продажа ихъ даетъ 50 проц. чистой прибыли. Въ общество поступило въ 1902 году 14 рукописей и брошюръ, достойными же напечатанія оказались лишь 4. Въ отчетномъ году поступили три брошюры по сельскому хозяйству и пять по медицинѣ и гигіенѣ. Комиссія, въ составъ которой вошли: В. И. Филипьевъ, В. Г. Котельниковъ, В. В. Пашкевичъ, проф. П. П. Пелехинъ, д-ръ В. И. Долинскій и д-ръ В. В. Пасажный, не присудила первой преміи по сельскому хозяйству никому, а по медицинѣ и ги-

гіенѣ г-ну Задёрѣ за брошюру: «Якъ годуваты малыхъ дитей». Дѣйствіе конкурса на лучшую брошюру по сельскому хозяйству продолжено еще на одинъ годъ, т. е. до 1-го января 1904 г. Въ отчетномъ же году была учреждена комиссія для выработки общей программы издательства. Въ виду желательности содѣйствія поднятію образовательнаго уровня сельскаго населенія южно-русскихъ губерній правленіемъ возбуждено ходатайство о допущеніи въ читальни и народныя библіотеки книгъ на малорусскомъ языкѣ на одинаковомъ основаніи съ русскими: это—лучшее средство популяризаціи знаній въ народѣ. Правленіе ходатайствовало также о пособіи изъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ на дальнѣйшее изданіе книгъ по сельскому хозяйству. Ходатайство это уважено, и общество получило отъ министерства 200 р. Изъ денежнаго отчета видно, что весь приходъ равняется 3673 р. 41 к. въ томъ числѣ отъ продажи изданій 695 р. 74 к. расходъ—2,713 р. 44 к. Въ заключеніе состоялись выборы. («С.-Петербургскія Вѣд.», № 74).

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 1070 рублямъ (см. № 4-й, стр. 41) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-тилѣтняго юбилея, вновь прислано: 1) В. Ф. Симиренкомъ—1000 руб.; 2) свящ. Ант. Г.—8 руб.; 3) К—имъ—5 руб.,—что, вмѣстѣ съ прежними, составитъ *2083 рубля.*

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

Нужды Лемкивщини. Лемкивщина—съ большими или меньшими поселками, разбросанными всюду по Мазурщинѣ, одинъ изъ самыхъ глухихъ угловъ Галичины. Совершенно почти отрѣзанная отъ центровъ Галицкой народной жизни, она цѣлые вѣка жила своей собственной жизнью, предоставленная волѣ судебъ, почти забытая русинскимъ обществомъ. И нужно удивляться чрезвычайной стойкости и отпорной энергіи населенія ея: лишенное въ теченіе ряда вѣковъ всякаго духовнаго руководства, залитое со всѣхъ сторонъ мазурскимъ моремъ, оно сохранило свое національное бытіе. Еще самое сердце Лемкивщини—Карпатское подгорье—находится въ

лучшихъ условіяхъ, тамъ, по крайней мѣрѣ, широкія пространства заселены сплошь русинами. Но много «руських» островов въ долинахъ, отрѣзанные десятками миль отъ родного корня, словно тонутъ въ мазурскомъ морѣ. И при такихъ условіяхъ Лемки не денаціонализовались, напротивъ, сохранили не только прадѣдовскую вѣру, но и національное самосознаніе и чистый родной языкъ. По правительственной переписи населенія за 1900 г. въ западной Галичинѣ живетъ 153.850 человѣкъ греко-кат. обряда, изъ нихъ «признало сь до руськои народности 139,208», не считая смѣшанныхъ „повітів" надъ Сяномъ, на пограничьи. Такая масса народа при лучшихъ обстоятельствахъ принесла бы очень большую пользу народному дѣлу, а такъ едва прозябаетъ. Духовныхъ руководителей Лемки никогда не имѣли и не имѣютъ. Духовенство, за единичными исключеніями, не чувствуетъ другихъ обязанностей относительно своей паствы, кромѣ совершенія богослуженія да—крайне рѣдко—произнесенія проповѣди на такомъ темномъ «язычьи», котораго народъ совсѣмъ не понимаетъ. Про какія-нибудь читальни «Просьвіти», или хоть бы даже Качковскаго въ лемкивських селахъ ничего не слышно. И, несмотря на эту вѣковую тьму кромѣшную, лемкивський народъ—замѣчательный матеріалъ, если бы было кому добросовѣстно заняться имъ. Лемки очень подвижны, любознательны, предпріимчивы, далеко практичнѣе своего брата-русина изъ восточной Галичины, особенно подоляка. Земля въ Лемкивщинѣ и вездѣ въ Мазурщинѣ, гдѣ живутъ русины, очень плоха, неплодородна. Земельные участки крайне раздроблены; въ среднемъ на одного хозяина едва выпадаетъ 5 морговъ гористаго поля. И однако Лемки не эмигрируютъ въ Бразилію или Канаду. Матеріальное благосостояніе ихъ стоитъ значительно выше, чѣмъ у подолянина—владѣльца самой плодородной земли. Единственнымъ побочнымъ источникомъ дохода для Лемковъ—служатъ заработки въ Америкѣ, въ Пруссіи и въ Угорщинѣ. Тысячи Лемковъ уѣзжаетъ на заработки (не на поселеніе) въ Америку, работаютъ тамъ на фабрикахъ стали, въ рудокопняхъ; хорошій работникъ получаетъ ежедневно 2—3 доллара, за годъ въ среднемъ сберегаетъ до 700 злр. Черезъ годъ-два онъ возвращается въ родное село, выплачиваетъ долги, ставитъ новую хату; не станетъ денегъ, ѣдетъ въ другой—третій разъ и опять вскорѣ возвращается съ деньгами. Вслѣдствіе этого цѣна на землю очень поднялась, всюду на нее большой спросъ: за моргъ плохой земли тутъ платятъ 300—400 злр. и больше.

На Лемкивщинѣ настоящее перенаселеніе. Удивительно, что до сихъ поръ никто не постарался, чтобы при парцелляціи имѣній въ восточной Галичинѣ, приглашать Лемковъ, которые на Мазурахъ съ трудомъ и очень дорого покупаютъ землю, а о продажѣ земли въ Восточной Галичинѣ ничего не знаютъ. Тогда земля русинская переходила бы въ свои, а не въ мазурскія руки.—Въ послѣднее время начало разсвѣтать и на глухой Лемкивщинѣ благодаря неутомимымъ трудамъ новосандецкихъ дѣятелей. Необходимо расширить Новосандецкую бурсу, чтобы она дала пріютъ сотнямъ молодыхъ лемковъ, стараться основать бурсы и въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Краковѣ и Ясли, чтобы поскорѣе воспитать молодое сознательное поколѣніе Лемковъ. До сихъ поръ отъ окончившихъ школы Лемковъ не было помощи народному дѣлу. Изъ нихъ выходили или заскорузлые москвофилы, или деморализованные прислужники польской гакаты. И неудивительно. Въ польскихъ гимназіяхъ они не слыхали родного языка, тамъ некому привить въ нихъ любовь и охоту трудиться для своего родного дѣла.

Среди Лемковъ есть много состоятельныхъ людей, которые могутъ посылать своихъ сыновей въ школы, нужно только заохотить ихъ. Есть на Лемкивщини и народныя школы съ русинскимъ преподавательскимъ языкомъ и учителями русинскими. Только эти учителя, при всѣхъ благихъ желаніяхъ, не въ состояніи много сдѣлать въ такомъ захолустьи. Лемкивщинѣ нужны какъ можно скорѣе просвѣтители съ національнымъ самосознаніемъ—и прежде всего молодые, идейные священники. Имъ должны помочь въ народной работѣ свѣтскіе интеллигенты заточники на мазурахъ, основывая бурсы, въ мѣстечкахъ, читальни и лавки въ селахъ. Такой работой они поразятъ гакату въ самомъ ея сердцѣ и покажутъ, что перемѣщеніе русиновъ на мазура можетъ принести лишь пользу русинскому національному дѣлу («Діло, 7280»).

Интерпелляціи русинскихъ пословъ. 18-го декабря 1902 г. русинскіе послы обратились къ Вѣнскому правительству съ интерпелляціей, въ которой указывали на перемѣщенія русиновъ-чиновниковъ и учителей изъ восточной Галичины въ западную, «на Мазури», и на вредныя послѣдствія, какія происходятъ отъ этого и для перемѣщенныхъ русиновъ и для всего русинскаго населенія. На эту интерпелляцію отвѣта и до сихъ поръ не послѣдовало, а перемѣщенія продолжаются дальше. Такое поведеніе галицкихъ краевыхъ властей нужно

считать просто—преслѣдованіемъ и терроризированьемъ русинскихъ чиновниковъ и учителей, которые—особенно въ глухихъ мѣстностяхъ—часто являются единственной русинской интеллигенціей; у нихъ хотятъ отнять возможность публичной дѣятельности на пользу культурнаго и экономическаго развитія родного народа.—На чужбинѣ, далеко отъ родной стороны, «заточники» не слышатъ своего богослуженія, не могутъ удовлетворять своихъ религіозныхъ потребностей, дѣтей своихъ принуждены крестить по латинскому обряду, а за этимъ обыкновенно наступаетъ ихъ денаціонализація. На мѣсто ихъ переселяются въ восточную Галичину совсѣмъ незнакомые съ русинскимъ языкомъ. Указавъ на всѣ эти несправедливости, въ интерпелляціи къ вѣнскому правительству отъ 31 марта 1903 г. посолъ Романчукъ съ товарищами спрашиваетъ: 1) «Какое положеніе занимаетъ ц. к. центральное правительство относительно этого тенденціознаго и систематическаго поведенія ц. к. галицкихъ властей»! 2) Готово ли оно (т. е. президентъ министровъ, министръ финансовъ и министръ просвѣщенія), позволить перемѣщеннымъ противъ собственной воли чиновникамъ и учителямъ—вернуться на родину, въ восточную Галичину»? 3) «Захочетъ ли ц. к. правительство допустить дальнѣйшія принудительныя перемѣщенія русинскихъ чиновниковъ и учителей изъ восточной Галичины въ западную»? («Діло», 72).

21 марта пос. Романчукъ съ товарищами внесли центральному правительству интерпелляцію «о незаконномъ ограниченіи свободы выхода изъ края и отниманіи возможности заработка со стороны галицкихъ властей». Приведя относящіеся сюда факты (см. IV кн. «Кіев. Стар.», стр. 44—45) и констатировавъ, что поведеніе галицкихъ властей противорѣчитъ 4-ой статьѣ основного закона (21/XII—1867), интерпелляція оканчивается слѣдующими требованіями: 1) «Немедленно приказать ц. к. галицкимъ властямъ, чтобы тамошнимъ крестьянамъ и рабочимъ, которые хотятъ эмигрировать изъ края или искать за предѣлами края временнаго заработка, не ставили никакихъ затрудненій, не основанныхъ на законѣ, и безпрепятственно выдавали паспорты и рабочія книжки». 2) Дать выходцамъ необходимую охрану какъ во время дороги, такъ и на мѣстѣ ихъ будущаго пребыванія.» 2) „Безпроволочно приступить къ урегулированію дѣла эмиграціи и облегченія въ отысканіи заработковъ въ краѣ и заграницей, что было обѣщано въ тронной рѣчи 4/II 1901 г.».

На эту интерпелляцію д-ръ Керберъ обѣщалъ дать отвѣтъ сейчасъ послѣ пасхальныхъ праздниковъ («Діло, 67).

Францъ Вол. Ригеръ о русинахъ. Покойный (ум. 18 февр. с. г.) великій вождь чеховъ Фр. Ригеръ относился съ большой симпатіей къ русинскому народу. Особенно благопріятное положеніе относительно русиновъ занималъ Ригеръ въ кромерижскомъ сеймѣ 1848 г., когда въ дебатахъ надъ пропозиціей русинскихъ пословъ о раздѣлѣ Галичины высказалъ слѣдующія памятныя слова. «Я признаю русиновъ самостоятельнымъ народомъ. По собственнымъ наблюденіямъ знаю Галичину и говорю здѣсь вполнѣ объективно. Три милліона русиновъ живетъ въ Галичинѣ и 13 милліоновъ въ Россіи, и этотъ 16-милліонный народъ не пропадетъ, согласитесь вы на раздѣлъ Галичины или нѣтъ. Такого народа не затаите, однимъ почеркомъ не вымажете съ карты Европы. Свобода слова придастъ теперь силы русинскому элементу. Его литература, проникнутая свободой, растопитъ твердый ледъ рабства. Она станетъ Архимедовымъ рычагомъ, который разрушитъ то темное царство, оторвавъ отъ него милліоны закрѣпощенныхъ русиновъ. Уважайте національныя стремленія этого народа, призваннаго къ самостоятельной жизни и до сихъ поръ подвергающагося преслѣдованіямъ, какъ бы ни было это непріятно для васъ, поляковъ. Уступки, какія вы дѣлаете русинамъ, очень малы. Если русины ничего не добьются отъ васъ, они сумѣютъ найти себѣ помощь; но помните, господа, что это принесетъ вредъ не только польскому элементу, не только Австріи, а и всему дѣлу свободы». (Protokolle des Verfassungsausschusses im Österr. Reichstage im J. 1848—1849. («Діло», 40).

Народное просвѣщеніе въ Галичинѣ. Главной организаціей въ Галичинѣ, имѣющей широкія просвѣтительныя задачи и огромное значеніе для края, является основанное въ 1868 году общество «Просьвіта» съ его филіями и читальнями. Это общество въ настоящее время имѣетъ около 8000 дѣйствительныхъ членовъ, 21 филіальное отдѣленіе и 1193 читальни съ 60.000 дѣйствительныхъ членовъ и 100.000 библіотечныхъ томовъ; кромѣ того оно распространило до сихъ поръ въ народѣ болѣе 1½ милліона популярныхъ книжекъ. Въ сред-

немъ каждый повѣтъ съ украинскимъ населеніемъ имѣетъ по 21 читальнѣ «Просьвіти». Если къ упомянутымъ 1193 читальнямъ «Просьвіти» прибавимъ около 50 читаленъ «самостійних» да около 20 «Народних спілок» (на Покутьи) и столько же сельских «Січей» і «Соколів»,—то вся просвѣтительная огранизація украинская на селахъ можетъ быть выражена въ количествѣ 1200 читаленъ. Если принять во вниманіе, что на всей украинской территоріи Галичины насчитывается до 4000 «громадъ», то оказывается «что около 2800 мѣстностей, т. е. болѣе $^2/_3$ края остается безъ всякой просвѣтительной организаціи. („Діло", ч. 20).

Конкурсъ. Виділ «Українсько-руського драматичного товариства ім. Івана Котляревского у Львови» объявилъ конкурсъ на два сценическія произведенія изъ области драмы, трагедіи или комедіи въ одномъ или двухъ актахъ (діях). Срокъ конкурса полугодичный, именно—произведенія должны быть присланы до послѣдняго числа сентября мѣсяца сего 1903 г. первая премія 100 кор., вторая—70 кор.

Почетное избраніе русина. Narodopisna Společnost Československa избрала своимъ членомъ корреспондентомъ проф. Волод. Шухевича за «заслуги въ области славянской этнографіи». Главной наиболѣе замѣчательной научной работой Шухевича является его работа про Гуцульщину.

„Клюб Русинок" во Львовѣ. На общемъ собраніи «Клюба Русинок» 4 марта с. г. принятъ проектъ перемѣны устава этого общества. Основанное 10 лѣтъ тому назадъ товар-о «Клюб Русинок» поставило себѣ такую цѣль: создать очагъ интеллектуальной жизни, оживить умственное движеніе среди русинокъ, укрѣпить и поднять въ нихъ народный духъ и пробудить товарищескую жизнь. Соотвѣтственно этой цѣли былъ составленъ и статутъ Товар-а. Теперь рѣшено въ область дѣятельности «Клюба» включить—«заохочуване» Русинок къ труду надъ распространеніемъ образованія и экономическаго прогресса народа. Для пріобрѣтенія матеріальныхъ средствъ «Клюб Русинок» принимаетъ членскіе взносы, добровольные дары, наслѣдства, призываетъ къ пожертвованіямъ.—Въ общемъ собраніи „Клюба" участвовало 36 членовъ. Согласно отчету за послѣднее время прибавилось—

20 съ лишнимъ новыхъ членовъ, засѣданій было 14, на нихъ обстоятельно обсуждался вопросъ объ основаніи «дівочоі бурси» во Львовѣ.

Съѣздъ „русскихъ женщинъ“ во Львовѣ. 12 (25) марта во Львовѣ, въ залѣ «народнаго дома», происходило засѣданіе «съѣзда русскихъ женщинъ» изъ Галиціи и Буковины, подъ продсѣдательствомъ г-жи Геровской; всего собралось до 168 женщинъ. На съѣздѣ были, въ качествѣ гостей, и мущины. Былъ прочитанъ рядъ докладовъ: «По вопросу о положеніи червоно-русской женщины»—г-жей Лѣсковацкой, «Объ организаціи червоно-русскихъ женщинъ»—г-жею Дудкевичъ, «По вопросу о женскомъ образованіи»—г-жею Яновской и «По вопросу о женскомъ образованіи»—г-жею Ясиницкою. („С.-Петерб. Вѣдом.“, № 76).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Дубове лыстя. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша. *Упорядкувалы: М. Чернявськый, М. Коцюбинськый, Б. Гринченко. 278 стр. К. 1903 г. ц. 1 р. 50 к.*

Въ послѣднее время вошло въ обычай чествовать память выдающихся литературныхъ дѣятелей особыми, посвященными имъ сборниками. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ отрадный фактъ, что этотъ симпатичный обычай прививается и въ нашей украинской литературѣ. Недавно вышелъ литературный сборникъ, посвященный памяти А. Я. Конисскаго, а вотъ передъ нами и другой сборникъ—«альманахъ на згадку про П. О. Кулиша».

Заслуги покойнаго П. А. Кулиша предъ украинской литературой извѣстны не только спеціальнымъ знатокамъ ея, но и всѣмъ вообще интересующимся исторіею этой литературы. Всю свою жизнь, не выпуская пера изъ рукъ, работалъ П. А. Кулишъ для горячо любимой родной литературы. И труды его были далеко не безрезультатны: своею дѣятельностью въ качествѣ поэта, беллетриста, переводчика, критика и ученаго онъ оставилъ въ украинской литературѣ прочные, неизгладимые слѣды.

Всякое напоминаніе о подобныхъ труженикахъ слова имѣетъ большое значеніе не только какъ выраженіе почтенія къ ихъ памяти, но и какъ средство моральнаго воздѣйствія на современное поколѣніе. Нашему времени и нашему поколѣнію такъ недостаетъ энергіи и бодрости, такъ свойственна апатія, бездѣятельность и вялость, что нужно пользоваться

всякимъ средствомъ для его пробужденія и возбужденія. Напоминаніе о дѣятеляхъ, подобныхъ Кулишу, можетъ имѣть въ этомъ отношеніи не маловажное значеніе.

Въ виду всего этого нельзя не радоваться появленію въ свѣтъ сборника, посвященнаго памяти П. А. Кулиша.

Предъ редакторами настоящаго сборника была очень интересная и почтенная, но въ то же время и далеко не легкая задача: составить такой сборникъ, который бы соотвѣтствовалъ заслугамъ Кулиша и явился, дѣйствительно, чествованіемъ его памяти.

Обратимся, однако, къ самому сборнику и посмотримъ, насколько удачно выполнена редакціею эта трудная задача.

Сборникъ, какъ и слѣдовало ожидать, открывается краткимъ, живымъ, довольно полнымъ очеркомъ жизни и литературной дѣятельности покойнаго Кулиша, составленнымъ Б. Д. Гринченкомъ.

Далѣе въ сборникѣ помѣщена талантливая композиція Н. В. Лисенка на одно изъ лучшихъ стихотвореній Кулиша—«У досвита вставъ я»... Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ разсказовъ, очерковъ и стихотвореній многихъ изъ лучшихъ современныхъ украинскихъ писателей.

Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ прекрасный очеркъ П. Мырного—«Середъ степивъ». Давно уже намъ не приходилось читать въ украинской литературѣ такъ сочно, такъ красиво, такъ художественно написаннаго произведенія. Собственно въ этомъ очеркѣ нѣтъ какого либо опредѣленнаго содержанія. Весь очеркъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ рядъ художественно описанныхъ картинъ природы, какія пришлось наблюдать автору во время одного изъ его путешествій по степи. Только сильная рука такого художника, какъ Мырный, можетъ дать такія яркія, и подробныя, такія блестящія и пластичныя картины восхода солнца, утра, полдня, захода солнца, вечера и наступленія ночи. Всѣ эти картины какъ будто оживаютъ и проносятся передъ читателемъ. Читатель чувствуетъ себя такъ, какъ будто онъ самъ перенесся въ степь и самъ лично наблюдаетъ все то, что описываетъ своею мастерскою рукою художникъ авторъ. Однако, увлекаясь самъ и увлекая читателей прелестью степи, нашъ авторъ не забываетъ, что жизнь полна страшныхъ контрастовъ, что эти контрасты не даютъ возможности человѣку съ чуткою душою вполнѣ отдаться наслажденію красотами природы, что эти контрасты способны отравить человѣку самое сильное наслажденіе, способны пробудить

его отъ самаго сильнаго очарованія... Взошло солнце, и подъ его благодатными лучами все живое какъ-то усиленно ощущаетъ прелесть жизни, еще выше цѣнитъ ее, всѣми силами стремится къ этой жизни. Но вотъ появляется маленькій хищникъ ястребокъ—и вмѣстѣ съ нимъ смерть и насиліе. Вся картина, прежде такъ ласкавшая, радовавшая взоръ, теряетъ вдругъ все свое очарованіе. «Смерть... розбій!.. тёхнуло у вашому серци. Середъ сіеи красы свитовои, де заклёвуется радисть та счастя, де прокыдается любовъ до всёго,—лыха смерть та розбій появылыся!.. На що то? За-що?.. Видразу помутылась у вашыхъ очахъ краса свитова, тыхая радисть почала зныкаты, щось васъ злегка вщыпнуло за серце,—не болисть—а якесь недобре почування окрыло вашу душу» (23 стр.)... Солнце поднялось выше, щедро обливаетъ оно всю природу своими теплыми, животворными лучами. «Вы дывытесь и дывуетесь; вамъ здается, що вы йидете не по вбытій дорози зеленого степу, а якымсь невидомымъ краемъ красы та чару, та вильного повитря. Вамъ легко дышется, легко жывется. Все, що васъ колысь давыло та смутокъ будыло,—зныкло; знову люби та мылы почування почалы васъ огортаты, сны якись душу колышуть; зъ самого глыбу серця вырынають думкы непрымитни, гадкы легкокрылы,—самы мчатся и васъ мчать за собою... Куды?.. Не пытайте! Не шукайте»!.. (25 стр.). Но вотъ показались скрипучіе возы переселенцевъ, отправляющихся на Амуръ,—возы, наполненные жалкими пожитками крестьянской нищеты, и «голова ваша похылылася, смутокъ облягае душу, нерадисни думкы почалы за серце щыпаты»... (26 стр.). Спустилась ночь, небо покрылось миріадами звѣздъ, этихъ отдаленныхъ, таинственныхъ, необъятныхъ міровъ. Величіе картины наводитъ автора на грустныя мысли о человѣкѣ, его мѣстѣ и значеніи на землѣ, его настоящемъ и прошломъ, въ которомъ такъ много жестокости, борьбы, насилія, зла... Подъ вліяніемъ всего этого авторъ сомнѣвается въ томъ, что онъ будетъ въ силахъ вмѣстѣ съ остальною природою забыться ночью въ благодатномъ освѣжающемъ снѣ. «Чы зійде жъ сонъ на вашу заклопотану душу? Чы заспокое винъ ваше розражене серце розьятрену душу?»—(43 стр.) спрашиваетъ въ заключеніе авторъ.

Несомнѣнно крупный художественный интересъ представляетъ также и небольшой разсказъ г. Грыгоренка—«Вона письменна». Разсказъ, помимо своихъ художественныхъ достоинствъ, интересенъ новизною своей темы. Г. Грыгоренко въ своемъ разсказѣ касается вопроса о тяжеломъ положеніи даровитой, выдающейся дѣвушки въ

крестьянской средѣ. Тяжело положеніе даровитаго мальчика, но онъ имѣетъ хоть какую-нибудь, хоть слабую надежду выбиться изъ этихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, увидѣть тотъ свѣтъ, къ которому онъ такъ рвется. Положеніе выдающейся дѣвушки въ крестьянской средѣ почти безнадежно,—она должна забыть всѣ свои лучшія желанія, лучшія надежды и мечты,—для нея у насъ пока еще нѣтъ пути къ свѣту. Вотъ такую то богато одаренную отъ природы дѣвушку, тонкую, поэтичную, художественную натуру и выводитъ въ своемъ разсказѣ Г. Грыгоренко въ лицѣ молодой крестьянки Оксаны. Оксана рѣзко выдѣляется изъ среды своихъ сверстницъ и подругъ,—она жаждетъ знанія, стремится къ свѣту знанія. Но окружающая ее среда не можетъ понять ея желаній и стремленій; сверстницы и парни смѣются надъ нею, а старшее поколѣніе идетъ еще далѣе—награждаетъ своими насмѣшками не только Оксану, но и ея родителей. Родители любятъ Оксану, имъ даже нравится, что она умѣетъ читать, но имъ больно выслушивать насмѣшки по ея адресу и видѣть ее всегда какою то грустною, убитою. Хотя родители и снисходятъ *къ слабостямъ* своей дочки, однако и они явно не понимаютъ ея: они были бы гораздо болѣе довольны, если бы ихъ дочка была такая же, какъ и всѣ остальныя ея подруги. Вышедши замужъ за Ивана Недопеченого, Оксана силится передѣлать себя, забыть всѣ свои прежнія мечты и думы, распроститься навсегда съ книгами. На время это ей какъ будто удается. Но одинъ разъ, въ воскресенье, когда никого не было въ хатѣ, Оксанѣ такъ сильно захотѣлось почитать, что она не удержалась,—вынула книгу и начала читать, сидя около постельки своего маленькаго сына. Входитъ Иванъ и удивляется. Оксана страшно смущена и перепугана,—она ожидаетъ отъ мужа, если не ругательствъ, то, по крайней мѣрѣ, острыхъ, злыхъ насмѣшекъ. И вдругъ, совершенно неожиданно она встрѣчаетъ со стороны мужа сочувствіе: мужъ одобряетъ ее и радъ, что она сможетъ сама выучить грамотѣ своего сына. Прекрасно передаетъ авторъ радость и смущеніе Океаны послѣ этихъ столь неожиданныхъ для нея словъ мужа... Оксанѣ на минуту улыбнулось счастье. Однако эта минутка счастья не въ силахъ побороть тяжелыхъ, безотвѣтныхъ думъ читателя, разбуженныхъ грустною исторіею Оксаны. До какихъ поръ тьма и невѣжество будутъ царить среди нашего крестьянства,—долго ли еще истинно талантливые, выдающіеся элементы крестьянства будутъ гибнуть, не встрѣчая себѣ сочувствія и не находя себѣ выхода,—

вотъ вопросы, которые мучительно, болѣзненно стоятъ въ мозгу и требуютъ себѣ отвѣта...

Разсказъ г-жи Яновской «Рукавычкы» производитъ какое то неопредѣленное впечатлѣнiе. Съ одной стороны, разсказъ этотъ, безусловно, недурно задуманъ и мѣстами хорошо написанъ, съ другой стороны—центральное мѣсто всего разсказа—самоубiйство Мыкыты является какъ то очень слабо мотивированнымъ. Вмѣсто настоящей подробой мотивировки авторъ даетъ только отдѣльные намеки. Въ результатѣ: прочитаешь этотъ симпатичный разсказъ, и дѣлается какъ то положительно досадно на автора, что онъ не далъ себѣ труда обработать болѣе тщательно столь интересную тему.

Сильное впечатлѣнiе производитъ на читателя небольшой талантливо написанный очеркъ I. Франка «Мiй злочынъ». Авторъ разсказываетъ о томъ, какъ въ раннемъ дѣтствѣ онъ замучилъ маленькую невинную птичку. Почему то воспоминанiе объ этомъ проступкѣ сохранилось у автора на всю жизнь. Находясь черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого убiйства въ тюрьмѣ, онъ невольно вспомнилъ о невинно замученной имъ птичкѣ. И съ этого времени нашъ авторъ не можетъ избавиться отъ этого мучительнаго воспоминанiя. «Мени здается,—говоритъ онъ,—що все дурне, безцильне, жорстоке и погане, що я тилькы зробывъ у своимъ жыттю, скрысталызовалося въ конкретный образъ отсёго малого, невынно замордованого пташка, щобы тымъ докучлывище мучыты мене» (80 стр.).

Въ этюдѣ г. Коцюбинскаго «Лялечка» разсказывается о томъ, какъ тридцатилѣтняя земская учительница Раиса, переведенная на новое мѣсто въ другое село, вначалѣ недовѣрчиво и даже враждебно относится къ мѣстному вдовцу священнику о. Василiю, а затѣмъ постепенно подчиняется его влiянiю и влюбляется въ него.—Настоящее произведенiе г. Коцюбинскаго далеко не можетъ идти въ сравненiе съ прежними работами этого талантливаго автора. Трудно понять прежде всего цѣль и задачу автора,—что хотѣлъ сказать своимъ произведенiемъ г. Коцюбинскiй?.. Затѣмъ, приходится отмѣтить не вполнѣ ясную и отчетливую характеристику главныхъ персонажей (Раиса и о. Василiй) и общую какую то сухость и вялость разсказа. Впрочемъ, и въ настоящемъ произведенiи есть нѣсколько поистинѣ прекрасныхъ мѣстъ, которыя ярко свидѣтельствуютъ о сильномъ талантѣ автора. Достаточно вспомнить здѣсь хотя бы интересное, оригинальное, въ

духѣ Чеховскихъ «мужиковъ» описаніе села, куда ѣхала Раиса, (104 стр.) и художественное описаніе грозы (111 стр.).

Разсказу г. Чернявскаго «Змій» недостаетъ простоты и естественности: слишкомъ сгущены въ немъ краски и слишкомъ много ненужной, хотя и очень красивой лирики.

На глубокія размышленія наводитъ талантливый разсказъ г. Гринченка «Якъ я вмеръ», въ которомъ авторъ коснулся тяжелаго, ненормальнаго положенія украинскихъ писателей. «У поэта,—говоритъ авторъ,—въ голови йе мозокъ, а въ грудяхъ почування... Си дви речы прызначено на те, щобъ служыты поэзіи во имья счастя ридного краю й народу. Але поэзія у насъ мае зъ усёго тилькы недогрызкы: той мозокъ зйидае канцелярія чы контора, а почування вытрачуется на эквилибрыстыку мижъ мріямы про вильный свитъ шырокый и порозуминнямъ зъ слугамы запаморочення. На поэзію мае поэтъ килькы сонныхъ видъ утомы хвылынъ, якъ що ихъ не забере ёму хатній клопитъ... Середъ пустыни жыве у насъ поэтъ. Ёго слово—гласъ вопіющаго въ пустыни...» (156 стр.). Разсказу г. Гринченка нѣсколько недостаетъ выдержанности тона: то въ немъ беретъ верхъ сатирикъ, то публицистъ.

«Бытва» г-жи Кобылянской представляетъ поэтическую картину рубки стараго, вѣкового лѣса. Если бы не тяжелый мѣстами языкъ, не неправильная конструкція рѣчи и не рискованныя подчасъ выраженія въ декадентскомъ вкусѣ, то это произведеніе г-жи Кобылянской можно было бы признать вполнѣ художественнымъ.

Недурной поэтъ, сатирикъ и литературный критикъ, г. Маковей въ своемъ очеркѣ «Самота», кажется, дѣлаетъ попытку написать нѣчто въ современномъ модномъ духѣ и стилѣ. Герой очерка г. Маковея—безусловно какой то маленькій Übermensch: онъ ничѣмъ не доволенъ, онъ презираетъ толпу, онъ всѣхъ и все безпощадно анализируетъ. Имѣя въ виду изобразить современнаго моднаго героя, г. Маковей прибѣгаетъ и къ модному способу письма: пишетъ коротенькими, отдѣльными строчками, употребляетъ предложенія безъ подлежащихъ и т. д. Кажется, однако, г. Маковею не вполнѣ удалось написать нѣчто модное: въ его произведеніи слишкомъ много яснаго смысла и очень мало философскаго тумана...

«Мали люде,—мале й горе», разсказъ г. Ефремова, читается съ интересомъ, хотя и страдаетъ растянутостью.

Съ интересомъ же читается и разсказъ г. Гринченка «Болотяна квитка».

Кромѣ прозаическихъ произведеній въ разсматриваемомъ нами сборникѣ есть не мало и стихотвореній. Здѣсь помѣщены талантливыя стихотворенія г-жи Леси Украинки—«Египетськи фантазіи» и ея-же прекрасная поэма «Робертъ Брюсъ». По обыкновенію красивы, но не блестящи, стихотворенія г. Крымскаго—«На темы зъ Хейяма» и «Зъ Абуль-Аля». Заслуживаютъ вниманія также стихотворенія г.г. Самійленка, Чернявскаго, Грабовскаго и Вороного.

Значительную цѣнность сборнику придаетъ тщательно составленный г. Баликою библіографическій указатель произведенія П. А. Кулиша.

Мы обозрѣли, насколько возможно было подробно въ библіографической замѣткѣ, все содержаніе сборника, посвященнаго памяти П. А. Кулиша. Въ общемъ, сборникъ составленъ очень тщательно и умѣло,—выше мы видѣли, какъ много интересныхъ произведеній помѣщено на его страницахъ. Очевидно, редакторы сборника вполнѣ прониклись важностью предстоявшей имъ задачи и съ любовью взялись за ея осуществленіе. Результатомъ такого серьезнаго и любовнаго отношенія къ дѣлу со стороны редакціи и явилась настоящая книга, вполнѣ достойная имени П. А. Кулиша.

Что касается внѣшности сборника, то ее нужно признать вполнѣ безукоризненною: сборникъ отпечатанъ четкимъ шрифтомъ на плотной бѣлой бумагѣ и кромѣ того снабженъ четырьмя портретами П. А. Кулиша, видомъ его дома, погребенія и могилы.

Сборникъ «Дубове лыстя» является цѣннымъ пріобрѣтеніемъ на сравнительно небогатомъ украинскомъ книжномъ рынкѣ.

Принимая во вниманіе внутреннія и внѣшнія достоинства настоящаго изданія, а также и его не высокую цѣну (1 р. 50 к.), отъ души желаемъ ему самаго широкаго распространенія и смѣло рекомендуемъ его вниманію всѣхъ любителей украинской литературы.

В. Мировець.

Ганна Варвинокъ (О. М. Кулишева). *Оповидання зъ народнихъ устъ. I—XXV+544 стр. Кіевъ 1902 г. ц. 1 р. 75 к.*

Давно уже признано, что, идя впередъ, необходимо всегда осматриваться назадъ Это общее житейское правило примѣнимо въ значи-

тельной степени и къ литературѣ. Прошлое даетъ много уроковъ для настоящаго, помогаетъ оріентироваться въ сложныхъ, разнообразныхъ литературныхъ направленіяхъ, даетъ возможность хоть сколько-нибудь приподнять темную завѣсу будущаго. Вообще полезно не забывать прошлаго. Но бываютъ и особенныя, исключительныя обстоятельства, когда дѣлается положительно необходимымъ заглянуть въ прошлое, провѣрить имъ настоящее и опредѣлить путь для будущаго. Современная намъ украинская литература переживаетъ именно подобное состояніе. Въ настоящее время почти всѣ молодые представители ея, не удовлетворяясь старыми, по ихъ мнѣнію, уже отжившими формами и содержаніемъ литературныхъ произведеній, ищутъ чего то новаго, какихъ то новыхъ путей, новыми вліяніями стараются оживить старое. Въ виду такого положенія современной украинской литературы, намъ далеко не безполезно оглянуться назадъ.

Исходя изъ этого положенія, нельзя не признать благовременнымъ изданіе произведеній маститой украинской писательницы Ганны Барвинокъ—А. М. Кулишъ, жены извѣстнаго украинскаго писателя П. А. Кулиша. Сорокъ уже слишкомъ лѣтъ служитъ родной литературѣ А. М. Кулишъ. Недавно вся украинская читающая публика праздновала сорокалѣтній юбилей ея писательской дѣятельности. Появившееся въ прошломъ году собраніе ея сочиненій можно считать поэтому въ нѣкоторомъ родѣ юбилейнымъ. Въ громадномъ томѣ, заключающемъ въ себѣ свыше 500 страницъ текста, помѣщено тридцать разсказовъ почтенной писательницы. Какъ показываетъ самое заглавіе книги, разсказы г-жи Кулишъ всѣ взяты изъ народной жизни. Мало того, разсказы эти, по замѣчанію автора, записаны изъ «народнихъ устъ», т. е. представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ этнографической записи. Однако, между простою этнографическою записью и произведеніями г-жи Кулишъ существуетъ громадная разница. Въ то время, какъ этнографъ записываетъ все характерное для извѣстной мѣстности, записываетъ, мало обращая вниманія на художественность или нехудожественность матеріала, записываетъ съ буквальною точностью,—г-жа Кулишъ, обладая несомнѣннымъ художественно развитымъ вкусомъ, изъ всего громаднаго количества встрѣчавшагося ей въ жизни, при постоянномъ сношеніи съ крестьянами, матеріала, записывала у себя только наиболѣе яркое, наиболѣе поэтичное и художественное. Трудно предположить при томъ же, чтобы самъ авторъ только буквально записывалъ изъ устъ народа и чтобы ему

всегда случались столь краснорѣчивыя, такъ богато одаренныя разсказчицы. Естественнѣе, кажется, полагать, что г-жа Кулишъ, дѣйствительно, имѣла нѣсколько такихъ исключительно одаренныхъ знакомыхъ крестьянокъ, а отъ нихъ уже и сама переняла до мельчайшихъ подробностей крестьянскій складъ рѣчи, крестьянскій способъ разсказа и вообще все тѣ мелкія, мало замѣтныя черточки, которыя роднятъ ея произведенія съ народными, чисто этнографическимъ способомъ записанными разсказами. Прекрасно изучивши бытъ народа и его языкъ, г-жа Кулишъ въ своихъ произведеніяхъ не рабски слѣдуетъ народному разсказу, а пользуется имъ нерѣдко какъ только подходящимъ матеріаломъ, измѣняя его сообразно съ требованіемъ своего художественнаго вкуса. Народный разсказъ въ ея обработкѣ является чѣмъ то въ родѣ канвы, на которой она своею искусною рукою вышиваетъ разнообразные узоры. Близость къ народнымъ произведеніямъ, дѣлающая разсказы г-жи Кулишъ вполнѣ понятными и доступными для народа, сообщающая имъ высшую степень реализма и объективности, въ то же время отчасти и вредитъ имъ: даетъ имъ слишкомъ однообразную, подчасъ утомительную форму, заставляетъ автора дѣлать много отступленій въ сторону, благодаря чему сильно запутывается и затемняется самый разсказъ. Вообще, въ смыслѣ техники произведеніямъ нашего автора многаго недостаетъ,—современная техника выработала гораздо болѣе изящную, удобную и совершенную форму разсказа, чѣмъ та однообразная форма, какою пользуется г-жа Кулишъ.

Одинъ изъ критиковъ (Б. Д. Гринченко) назвалъ Ганну Барвинокъ «поэтомъ жиночого горя». И дѣйствительно, почти всѣ произведенія почтенной писательницы посвящены изображенію тяжелаго положенія женщины въ крестьянской средѣ. Читая подрядъ всѣ разсказы г-жи Кулишъ, приходишь къ убѣжденію, что она прямо поставила себѣ цѣлью въ своихъ разсказахъ изобразить тяжелую долю женщины-крестьянки. И сколько самыхъ разнообразныхъ женскихъ натуръ мы встрѣчаемъ при чтеніи этихъ разсказовъ: тутъ и веселыя и грустныя, и счастливыя и несчастныя, и кроткія, терпѣливыя, выносливыя и болѣе самостоятельныя, протестующія, энергичныя, смѣлыя, и среднія, не возвышающіяся надъ уровнемъ посредственности и богато одаренныя, выдающіяся. Но всѣхъ этихъ женщинъ объединяетъ и, такъ сказать, сближаетъ одна общая всѣмъ имъ тяжелая, горькая доля. Вникая въ жизнь крестьянки, нашъ авторъ своимъ любящимъ взоромъ находитъ въ ней много такого, что не доступно обычному менѣе вни-

мательному взору: онъ открываетъ въ нашей невзрачной съ виду, запуганной, загнанной, забитой крестьянкѣ много ума, воли, настойчивости, терпѣнія, любви и преданности. Однако, при всемъ этомъ, г-жа Кулишъ отнюдь не идеализируетъ своихъ героинь: на ряду съ симпатичными женщинами она рисуетъ передъ нами и не мало совсѣмъ не симпатичныхъ («Вирна пара», «Половынщыкъ» и др.). Благодаря строгой реальности, объективности и отсутствію идеализаціи, разсказы почтенной писательницы, обнимающіе собою почти сорокалѣтній періодъ, могутъ служить очень цѣннымъ историческимъ матеріаломъ, при изученіи вопроса о положеніи женщины у нашихъ крестьянъ.

Не всѣ разсказы г-жи Кулишъ одинаково обработаны. Есть между ними и такіе, что по своимъ художественнымъ достоинствамъ могутъ служить украшеніемъ любой литературы («Русалка», «Перемогла»...); но есть не мало и такихъ, что почти ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенной этнографической записи.

Великимъ незамѣнимымъ достоинствомъ произведеній г-жи Кулишъ является ихъ прекрасный, вполнѣ народный, богатый, колоритный, образный языкъ.

Хорошо было бы, если бы и современные намъ молодые писатели позаботились такъ изучить народъ, его бытъ и народный языкъ, какъ изучила ихъ г-жа Кулишъ. Тогда, безъ сомнѣнія, многіе изъ нихъ нашли бы интересныя, богатыя и благодарныя темы для своихъ произведеній изъ народной жизни,—тогда они не говорили бы, что нечего уже писать изъ жизни народа, что всѣ темы использованы,—тогда они не терзали бы и себя и читателей напрасными потугами сказать что-то новое, особенное, оригинальное,—тогда они не залазили бы въ непроходимыя дебри символистической метафизики,—тогда они писали бы для всѣхъ интересно и ясно,—писали бы чистымъ, народнымъ, правильнымъ украинскимъ языкомъ.

Книгѣ разсказовъ г-жи Кулишъ предпослана обстоятельная интересная статья о ней г. Гринченка.

В. Мировецъ.

Хроніка україньско-руського Наукового Товариства імени Шевченка у Львові. *Вип. I. Р. 1903 (ч. 13). Львів, 1903, стр. 1—86.*

Наукове Товариство імени Шевченка, для ознакомленія публики со своей широкой дѣятельностью, съ 1900 года начало издавать «Хроніку», ежегодно по 4 выпуска, на украинскомъ языкѣ, и одновременно, для тѣхъ, кто не понимаетъ нашего языка, на нѣмецкомъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ издано было 12 выпусковъ, и сейчасъ передъ нами лежитъ 1-ый выпускъ за 1903 годъ по счету 13-ый.

Считаемъ небезъинтереснымъ для нашихъ читателей пересказать вкратцѣ главнѣйшіе факты дѣятельности почтеннаго научнаго общества, заканчивающаго въ настоящемъ году 30-лѣтіе своего существованія (первоначально, до 1892 года—носившаго характеръ литературнаго), а также отмѣтить то духовное и матеріальное достояніе, какимъ обладаетъ оно въ данное время.

По статуту, которымъ до сихъ поръ руководствовалось общество (въ минувшемъ мѣсяцѣ предположено было его нѣсколько видоизмѣнить), Наукове Товариство, имѣющее цѣлью «плекати та розвивати науку і штуку в україньско-руській мові, збирати та зберегати всякі наукові предмети і памятки старовини України-Руси» (а по вновь предложенному проекту: «взагали дбати про поступ україньско-руськоі нациі на всіх полях людського знаня»), состоитъ изъ членовъ: 1) «звичайних»—имъ можетъ быть каждый, принадлежащій къ украинско-русской націи, кто будетъ принятъ «виділом» (правленіемъ Общества); 2) «дійсних»—избранныхъ одной изъ секцій общества за самостоятельные научные труды, и прежде всего—за выдающееся участіе въ изданіяхъ Общества. 3) «основателів»—тѣ, кто былъ именованъ на основаніи давняго статута; 4) «почесних»—людей, избранныхъ на общемъ собраніи, оказавшихъ крупныя заслуги въ области науки, искусства, литературы или по отношенію къ самому Обществу.

Къ началу 1903 г. во всѣхъ 3-хъ секціяхъ Общества: історичнофільософічній, фільольогічній і математично-природописно-лікарській,—состояло 37 дѣйствительныхъ членовъ. Всѣ же «наукові комісиі», составляемыя секціями, а именно: археографическая, юридическая, етнографическая, языковая, медицинская, а также административныя: для завѣдыванія типографіей, для выдачи пособій изъ фонда литераторовъ—насчитывали 94 члена.

Въ теченіе минувшаго года всѣ секціи имѣли 34 засѣданія, на которыхъ было доложено 46 рефератовъ, – почти вдвое болѣе сравнительно съ предыдущимъ годомъ.

Археографическая и этнографическая коммиссія имѣли по 3 засѣданія, на которыхъ обсуждался планъ предстоящихъ изданій, а въ послѣдней еще планъ этнографической экспедиціи, на которую этнографическая коммиссія получила спеціальное пособіе отъ мѣстнаго правительства.

Языковая коммиссія имѣла два засѣданія, на которыхъ главнымъ предметомъ обсужденія явился вопросъ урегулированія правописанія и изданіе пособія, въ которомъ должны быть отмѣчены всѣ отклоненія отъ обычнаго правописанія. Юридическая коммиссія также имѣла нѣсколько засѣданій, лишь медицинская коммиссія не собралась ни разу. Въ послѣднее время явился проектъ основанія новой коммиссіи—технической. Проектъ принятъ и Виділомъ і секціями, но пока еще коммиссія эта не начала функціонировать.

Издательская дѣятельность секцій и коммиссій возросла въ минувшемъ году до солидной цифры 39 томовъ (не считая оттисковъ). Сравнительно со средствами, располагаемыми Товариством, это весьма значительная цифра, которая, съ увеличеніемъ ихъ безъ сомнѣнія, возрастетъ еще болѣе. Къ прежнимъ изданіямъ: Записки Наукового Товариства (т. т. XLV—L), Збірників секциі: історично-фільософічноі (т. V), фільольогічноі (т. V), математично-природописно-лікарськоі (т. VIII), Часопись правнича і економічна (т.т. IV и V), Правнича Бібліотека (III выпускъ), Руська Історична Бібліотека (т. 22), Жерела до історіі Украіни-Руси (т. VII), Памятки украінсько-руськоі мови і літератури (т. III), Етнографічний Збірник (т. XI—XIII), Материяли до украінсько-руськоі етнольогіі (т. V), Хроніка товариства— на украинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, Літературно-Науковий Вістник (5 годъ изданія),—прибавилось новое изданіе фільольогічноі секциі «Украінсько-Руська Бібліотека, которой вышло уже 3 тома (писаня Осипа Юрія Федьковича).

Распорядительная и административная власть товариства находится въ рукахъ «Виділа», состоящаго изъ «голови», 6 членовъ и 3 кандидатовъ. «Головою», какъ и въ прежніе годы, состоялъ проф. М. Грушевський.

Главнѣйшей заботой Виділа было финансовое хозяйство Товариства. Онъ прилагалъ всяческія старанія, къ увеличенію доходовъ.

его, такъ какъ расходы съ каждымъ годомъ непрестанно возрастаютъ въ особенности на научныя изданія. Изъ сравнительной таблицы расходовъ на послѣднія, за послѣдніе три года, видно, что цифра 1900 года 40.810 коронъ возросла въ 1902 году до 54.800 кор. Между тѣмъ субсидія, назначаемая Товариству мѣстнымъ правительствомъ (краем) и государствомъ, не увеличилась севершенно, хотя Виділ и старался объ этомъ; какъ и въ 1901 г. она равнялась 16 000 кор. (6.000 государственныхъ и 10.000 краевыхъ). Такимъ образомъ бюджетъ научныхъ изданій Товариства превышаетъ болѣе чѣмъ втрое получаемую субсидію. Что въ неувеличеніи Товариству субсидіи играли роль не причины финансоваго характера, а совершенно иныя, видно ясно изъ того, что аналогичныя съ нашимъ Товариствомъ научныя институціи Академіи въ Краковѣ и Прагѣ получили просимое увеличеніе.

Главнѣйшимъ источникомъ доходовъ Товариства является его типографія, на которую и обращено Виділом особое вниманіе. Общая же цифра бюджета Товариства въ минувшемъ году выразилась въ 144.289 кор. Въ это число вошли и слѣдующіе фонды, находящіеся въ оборотѣ Наукового Товариства: запасной академичный—10.285 кор., стипендія им. Мих. Грушевського—3.640 кор., фондъ доцентовъ--3.135 кор., фондъ памятника Т. Шевченку—2.350 кор., литературный им. Д. Мордовцева—2.266 кор., литературный им. Котляревскаго—1.496 кор., фондъ для пособій—1 959 кор., фондъ художниковъ—25 кор.

Бібліотека Товариства содержитъ 6470 названій въ 12361 томахъ. Періодическихъ изданій 862, изъ числа которыхъ въ настоящее время получается 358. Библіотекой пользовались въ мин. году 574 душъ (въ количествѣ 2459 разъ) которые потребовали 3118 назв. (въ 1901 г. 189 душъ и 1566 назв.). За деньги куплено книгъ не много,—преимущественно пополнялся отдѣлъ «Ruthenica», который современемъ будетъ выдающимся по полнотѣ. Отдѣлъ рукописей возросъ до 80 (въ мин. году 53). Важнымъ шагомъ въ развитіи библіотеки и Товариства слѣдуетъ признать присоединеніе его въ минувшемъ году къ международному союзу библіотекъ академій и научныхъ Обществъ для взаимнаго одолженія рукописей, архивныхъ дѣлъ и рѣдкихъ книгъ. Такимъ образомъ для нашихъ научныхъ дѣятелей является возможность пользоваться иностранными архивами при условіи исполненія правилъ выработанныхъ Берлинской академіей наукъ и принятыхъ съѣздомъ академій въ Парижѣ 16—18 апрѣля 1901 г.

(Правила эти помѣщены на стр. 51 «Хроники»). Главнымъ источникомъ пополненія библіотеки, не считая даровъ, является обмѣнъ изданіями Товариства съ изданіями другихъ институцій. Число послѣднихъ возросло въ мин. году до 202 (въ 1901 г. 143), которыя снабжаютъ Товариство 358 періодическими изданіями. Здѣсь мы встрѣчаемъ литературно-научныя изданія всего міра. Болѣе всего приходится на долю Россіи (80), затѣмъ идутъ Чехи, Поляки Сѣверная и Южная Америка (30), Германія (25), Австрія (25 украинскихъ и 13 нѣмецкихъ и русскихъ), Сербы и Хорваты (18), Румынія и Швейцарія (9), Англія, Голландія, Норвегія, Венгрія (8), Болгарія (6), Славонія, Италія (4), Финляндія и Австралія (3), Греція и Испанія (2), Бельгія и Португалія (1).

При Товаристві существуетъ музей, еще не очень многочисленный, но содержащій не мало цѣнныхъ предметовъ. Болѣе широкое развитіе музея можетъ начаться лишь тогда, когда онъ будетъ имѣть отдѣльное собственное помѣщеніе и хоть небольшой, но постоянный фондъ на пріобрѣтеніе предметовъ.

Уже изъ этого краткаго обзора состоянія и дѣятельности Наукового Товариства явствуетъ, что оно упрочило вполнѣ свое положеніе, и если бы встрѣчало больше сочувствія со стороны своего правительства, развивало бы свою дѣятельность еще плодотворнѣе. Но пока—надо еще удивляться той настойчивости и энергіи, съ какой руководители Товариства въ теченіе послѣдняго десятка лѣтъ, несмотря на не совсѣмъ благопріятныя условія, достигли такихъ поразительно крупныхъ результатовъ. Gutta cavat lapidem nonvi, sed saepe cadendo!

В. Д.

Хто робыть, той и мае. *Оповиданне про Джемса Гарфильда. За людьмы переказавъ Б. Гринченко. Спб. 1—71 стр. Цина 6 коп.*

Нельзя не привѣтствовать отъ всей души стремленія С.-Петербургскаго благотворительнаго общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ знакомить нашъ народъ съ біографіями выдающихся писателей (Шевченко, Котляревскій, Гребинка) и общественныхъ дѣятелей (Антонъ Головатый, Богданъ Хмельницкій, Выговскій) родной стороны. Брошюры, знакомящія народъ съ жизнью и дѣятельностью

выдающихся людей родины не только безусловно полезны, но даже и необходимы, особенно если принять во вниманіе, что въ нашихъ школахъ совершенно игнорируется все родное—и языкъ, и литература, и исторія. Подобныя брошюры могутъ хотя отчасти замѣнить народу недостающее ему знаніе родного прошлаго. Однако, на ряду съ знаніемъ родной исторіи народу необходимо знакомство и съ жизнью другихъ народовъ. Сознавая хорошо все это, Петербургское общество и издало настоящую брошюру о Джемсѣ Гарфильдѣ, жизнь котораго представляетъ много интереснаго и поучительнаго для народа.

Разсматриваемая нами, прекрасно изданная брошюра принадлежитъ перу извѣстнаго украинскаго писателя Б. Д. Гринченка, неоднократно уже заявившаго себя опытнымъ и талантливымъ популяризаторомъ. Въ своей тщательно и обстоятельно составленной книжечкѣ уважаемый авторъ въ живой, доступной и интересной формѣ разсказываетъ поучительную повѣсть о жизни и дѣятельности Гарфильда, изъ простого рабочаго постепенно возвысившагося до званія президента Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ Штатовъ. Каждый фактъ изъ жизни этого выдающагося дѣятеля свидѣтельствуетъ о его любви къ знанію, необыкновенной энергіи, выносливости, стойкости, работѣ и трудолюбіи. Благодаря этому и вся вообще брошюра г. Гринченка является чѣмъ то въ родѣ призыва къ свѣту, къ знанію, къ энергичному, настойчивому труду, къ надеждѣ на себя, на свои силы. Всякій внимательный наблюдатель согласится съ авторомъ, что этого то именно и нужно народу для улучшенія его въ настоящее время довольно тяжкаго соціально экономическаго положенія.

Интересная, полезная и строго проведенная идея, чистый, прекрасный языкъ, живое и легкое изложеніе,—все это является несомнѣннымъ плюсомъ книжки г. Гринченка. Кажется только, что мѣстами авторъ впадаетъ въ излишнія подробности, а мѣстами пишетъ въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ. Впрочемъ, это—уже мелочи...

Если принять во вниманіе указанныя выше достоинства брошюры о Гарфильдѣ, а также ея безукоризненное изданіе и полезную доступность по цѣнѣ, то нельзя не пожелать этой книжечкѣ самаго широкаго распространенія среди народа.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать еще нѣсколько словъ по поводу этой брошюры. Выше мы сказали, что народу необходимо знакомство съ родной исторіей и исторіей другихъ народовъ. Если мы примемъ во вниманіе всю необходимость такого знакомства и сопо-

ставимъ съ нею то, что нами уже сдѣлано въ этомъ направленіи, то увидимъ, какъ много намъ еще предстоитъ работы. Хорошо было бы, если бы и мы—интеллигенція, подобно Гарфильду, бодро и энергично взялись за работу. Тогда, быть можетъ, и мы скоро бы достигли утѣшительныхъ, положительныхъ результатовъ: «Хто дбае, той и мае»...

В. Мировець.

Линевичъ Д. М. О разверстаніи и хуторскомъ хозяйствѣ. *Винница, 1901 г. Изданіе Подольск. Общества сельск. хоз.*

Хоть наша рецензія на настоящее изданіе 1901 года нѣсколько запоздала, но это произошло потому, что мы только теперь случайно узнали о существованіи вышеназванной брошюрки, что лишній разъ указываетъ, на сколько бы желательно было, чтобы авторы и издатели, а тѣмъ болѣе являющіяся въ роли издателей мѣстныя сельскохозяйственныя и всякія другія «Общества», въ видахъ распространенія въ публикѣ свѣдѣній объ ихъ же изданіяхъ, доставляли въ редакцію по одному экземпляру своихъ изданій—для отзыва и опубликованія въ спискѣ нововышедшихъ книгъ за каждый мѣсяцъ. Данная брошюра, несмотря на изданіе ея въ 1901 г., имѣетъ вполнѣ современное значеніе, потому что трактуетъ о вопросѣ, интересующемъ землевладѣльческіе классы въ настоящее время, что съ особенною яркостью выяснилось на засѣданіяхъ уѣздныхъ и губернскихъ Комитетовъ края по вопросамъ сельскохозяйственной промышленности. Брошюра довольно подробно знакомитъ съ положеніемъ хуторского вопроса въ крестьянскихъ селеніяхъ житомирскаго уѣзда, гдѣ мѣстное населеніе добровольно перешло на хутора, и потому фактическія данныя, въ ней приводимыя, имѣютъ несомнѣнный интересъ, который былъ бы еще выше, еслибы авторъ не ограничивался относительно нѣкоторыхъ селеній приведеніемъ лишь краткихъ оффиціальныхъ справокъ, выдержекъ изъ общественныхъ приговоровъ и т. п. и привodидъ бы, рядомъ съ фактами, свидѣтельствующими о выгодахъ перехода на хутора, также и факты обратнаго свойства, существованіе которыхъ по собраннымъ свѣдѣніямъ, не подлежитъ сомнѣнію. Было бы также очень полезно для лучшаго выясненія даннаго вопроса, если-бы авторъ располагалъ данными объ экономическомъ положеніи добровольныхъ хуторянъ *до* переселенія на хутора *и теперь,* чтобы,

сравненіемъ тѣхъ и другихъ данныхъ между собою, выяснить, къ какимъ экономическимъ результатамъ приводитъ разселеніе по хуторамъ крестьянскія хозяйства разныхъ типовъ: богатыя, среднія, бѣдныя, мало- и многорабочія, мало- и многоскотныя и т. п.

Увлекаясь теоретическими соображеніями о пользѣ хуторского хозяйства, а также и двумя фактами добровольныхъ разверстаній крестьянъ съ помѣщиками ради перехода на хутора, авторъ настойчиво рекомендуетъ принятіе всевозможныхъ мѣръ къ переходу крестьянъ на хутора съ цѣлью скорѣйшаго разрѣшенія сервитутнаго вопроса безъ выдачи крестьянамъ вознагражденія за теряемые сервитуты. Разумѣется, такое пожеланіе, не разъ высказывавшееся нѣкоторыми аграріями и въ засѣданіяхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохоз. промышленности, вполнѣ естественно въ устахъ лица, желающаго скорѣйшаго уничтоженія сервитутовъ во чтобы то ни стало, но можно очень сомнѣваться, чтобы такое разрѣшеніе вопроса, кромѣ одноличныхъ исключительныхъ случаевъ, оказалось выгоднымъ для крестьянъ.

Л. С. Л.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы текущаго года: 1) Журн. Мин. Народнаго Просвѣщенія, № 4; 2) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 3; 3) Варшав. Университ. Извѣстія, № 2; 4) Записки Импер. Харьковскаго Университета, № 1; 4) Труды Кіевск. Дух. Академіи, № 3; 6) Всемірный Вѣстникъ, № 2; 7) Вѣстникъ Европы, № 3; 8) Этнографич. Обозрѣніе, № 1; 9) Літерат.-Науков. Вістник, № 4; 10) Научное Обозрѣніе, № 2 и 3; 11) Русскій Вѣстникъ, № 4; 12) Книжки Восхода, № 3.

Журналъ Минист. Нар. Просв., № 4.

И. В. Якубовскій. Земскіе привилеи Великаго княжества Литовскаго (стр. 239—279).—Здѣсь помѣщено начало—введеніе и 1-ая часть работы. Авторъ подвергаетъ критическому анализу только формальную сторону привилеевъ, устанавливаетъ правильный текстъ этихъ важнѣйшихъ для изученія государственнаго права Литвы документовъ. Въ 1-ой части данъ разборъ текстовъ общеземскихъ привилеевъ; въ концѣ приложена таблица всѣхъ разобранныхъ 16 привиллевъ (1-ый

отъ ^{20}/II 1387, XVI-ый ^{1}/VII 1568) съ обозначеніемъ, кѣмъ, когда, гдѣ выданъ. привилей, и гдѣ онъ напечатанъ. Въ этомъ трудѣ молодой ученый обнаруживаетъ рѣдкую начитанность и пріемы строго-научнаго критическаго мышленія.

Въ отдѣлѣ Критики помѣщенъ сочувственный отзывъ *А. Кирпичникова* о книгѣ проф. *А. С. Лебедева.* Бѣлогородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности. Критикъ признаетъ это изслѣдованіе очень цѣннымъ вкладомъ въ культурную исторію Россіи вообще, въ извлеченіи приводитъ самыя характерныя черты изъ исторіи Бѣлогородской епархіи и ея іерархіи.

Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 3.

М. А. Стельмашенко. Политическая дѣятельность Петра Скарги (окончаніе, 151—210). Здѣсь рѣчь идетъ о взаимной полемикѣ между католиками и православными, о значеніи Скарги, какъ полемиста; о вліяніи Скарги на внѣшнія политическія отношенія Польши—враждебныя къ протестантскимъ государствамъ и Москвѣ—и на внутреннюю политику; цѣлью той и другой было—подавить разновѣсіе и усилить католицизмъ.

А. С. Грушевскій. Пинскіе акты XV—XVI в.в. Приложеніе къ сочинен. «Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества» (продолженіе, стр. 17—64). Здѣсь напечатаны дальнѣйшіе 34 документа (№ XII—XLVI).

Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 2.

«Къ исторіи Карпатской Руси». Проф. *И. П. Филевича* (продолженіе, стр. 65—80). Здѣсь разсматриваются событія послѣ 15 окт. 1848 г., при губернаторѣ В. Залескомъ, затѣмъ шефѣ, вскорѣ намѣстникѣ Голуховскомъ. По минист. распоряженію 29 октября преподаваніе въ гимназіяхъ и Львовскомъ университетѣ вводилось на польскомъ языкѣ: «Руска Рада» добилась распоряженія—о нѣмецкомъ преподавательскомъ языкѣ. 29 марта 1849 г. она же подала петицію о раздѣлѣ Галичины; (проэктъ Палацкаго - о федераціи этнографическихъ группъ Австріи—также требовалъ объединенія всей Карпатской Руси). Вопросъ о раздѣлѣ встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны представителей политическихъ націй въ парламентѣ, бюрократіи и особенно Голуховскаго.

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета, № 1.

Въ «Приложеніяхъ» продолжаются печатаніемъ «Протоколы засѣданій предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ» (стр. 1—64). Въ настоящей книжкѣ помѣщены протоколы 5-ти засѣданій (18—22-го) и въ видѣ приложеній къ нимъ доклады Данилевича (2), Алякритскаго, Ветухова (матеріалы Комитета о кобзаряхъ и лирникахъ), Дринова, Халанскаго, сообщеніе Спѣсивцева, замѣтка Еленева.

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 3.

Ѳ. Т. Критико-библіографическая замѣтка (о книгѣ) проф. А. С. Лебедева: Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности (стр. 472—494). Давъ общую сочувственную характеристику настоящаго изслѣдованія и указавъ архивы (духовнаго вѣдомства Харьковской и Курской губ.), матеріалъ которыхъ авторъ разработалъ, рецензентъ въ детальномъ, обширномъ разборѣ указываетъ неправильности и пробѣлы изслѣдованія. Послѣдніе произошли отъ того, что авторъ не использовалъ матеріала архивовъ московскихъ, петербургскихъ и кіевскихъ. Разборъ еще не законченъ.

Всемірный Вѣстникъ, № 2.

Въ отдѣлѣ журнальное обозрѣніе помѣщенъ сочувственный отзывъ о январской книжкѣ нашего журнала, именно о статьяхъ—г. *Василенка* «Іос. Макс. Бодянскій», Б. Гринченка «А. Е. Крымскій» и Л. С. Личкова «Къ вопросу объ экономическомъ изслѣдованіи юго-западнаго края».

Вѣстникъ Европы, № 3.

А. Романовичъ-Славатинскій. „Моя жизнь и академическая дѣятельность 1832—1884 г.г.“. Воспоминанія и замѣтки. (стр. 168—214). Въ этой книжкѣ помѣшены 6-ая и 7-ая главы воспоминаній, при чемъ 7-ая глава посвящена краткому описанію заграничнаго путешествія автора въ 1860 году и потому не представляетъ для насъ интереса; въ главѣ-же 6-й идетъ рѣчь о жизни автора въ Кіевѣ, въ качествѣ молодого ученаго, готовящагося къ занятію профессорской кафедры, затѣмъ преподавателя въ университетѣ и наконецъ адъюнкта. Въ этой

главѣ встрѣчается много интересныхъ характеристикъ университетскихъ профессоровъ и другихъ общественныхъ дѣятелей г. Кіева конца 50-хъ годовъ.

Этнографическое Обозрѣніе 1902 г. № 1.

Пѣсня про Морозенка. Н. Д-винъ. (стр. 115—116). Въ коротенькомъ предисловіи авторъ передаетъ впечатлѣнія отъ засѣданія этнографическаго отдѣленія 19-го августа 1902 г. во время Харьковскаго археологическаго съѣзда, гдѣ приняли участіе кобзари и лирники, и говоритъ, что исполненіе пѣсенъ ими «заронило въ душу слушателей новую искру любви къ народной поэзіи и ея носителю—народу». Во время этого засѣданія бандуристомъ Терентіемъ Пархоменкомъ исполнена была дума о Морозенкѣ, текстъ которой авторъ и помѣщаетъ цѣликомъ.

Въ отдѣлѣ „*Критика и библіографія*" помѣщены отзывы о книгахъ: 1) *Б. Д. Гринченка* «Литература украинскаго фальклора» и 2) *В. Гнатюка* «Угроруськи духовни вирши» (стр. 133—134).

Літературно-Науковий Вістник, № 4-й.

Зміст: Неначе з Енеіди (про селянські розрухи).—*Галина-Комарівна*, Поезіі въ прозі: І. Дві. II. То був сон.—*Сергій Ефремов*, Нерви. оповідане.—*Арсен Рущенко*, Сестри, оповідане (конець буде). Дрібні малюнки: VI. Зелена сукня, *Ів. Липи.* VII. Чоботи, Жаб... VIII. Жерело, *М І. Вдовиченка.* IX Дві стрічі. *А. Чайківського* Юлій, *Зайеръ*, Jnultus, переклав *М. Мочульский.*

Д. Мордовець, Про незабутне (докінчене)—Др. І. *Луценко,* Роля високоі температури въ хворобах і чи треба іі понижати?—*М. Вороний*, Сергій Васильківський, артист-маляр. Із чужих літератур: II. Словінська література в 1902 році.—*К. Квітка*, Дещо про вірменську нар. музику. М. П., Фр. Рігер,—*П. Грабовський*, Автобіографія.—Наукові листки: IV. Найновійші видання Бібліографічного Інституту у Липску й Відні, д-ра *Ів. Копача.* V. З королівськоі бібліотеки старого Вавилону —Дискусиі: III. Критика Sui generis, *С. Ефремова.* Хроніка й бібліографія.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ 83 № «Приазовскаго Края» находимъ прекрасную статью г. Н. Ященка «М. И. Глинка подъ вліяніемъ малорусской пѣсни». Въ 1838 г. для набора пѣвчихъ въ придворный хоръ Глинка совершилъ поѣздку въ Малороссію. Украинскія пѣсни и думы послужили матеріаломъ и вмѣстѣ съ украинской природой были источникомъ вдохновенія при созданіи оперы «Русланъ и Людмила». Своимъ характеромъ пѣсенное украинское творчество напоминало Глинкѣ сочиненія Бетховена: малорусскія пѣсни по своему строенію имѣютъ болѣе сходства съ нѣмецкимъ пѣсеннымъ складомъ, нежели съ великорусскимъ.

Въ 86 № «Полтавскаго Вѣстника» напечатана большая статья г. Василія Федоровича. «Театръ въ деревнѣ». Авторъ призываетъ искреннихъ доброжелателей народа къ организаціи сельской молодежи для участія въ народныхъ спектакляхъ; отмѣчаетъ затрудненія, какія тормозятъ развитіе народнаго театра. Въ нашей деревнѣ театръ, въ которомъ принимала бы участіе сельская молодежь, возможенъ только на украинскомъ языкѣ. «Между тѣмъ, именно малорусскіе спектакли представляютъ наибольшія затрудненія для разрѣшенія ихъ». Затѣмъ рѣчь идетъ о помѣщеніяхъ, театральной обстановкѣ и репертуарѣ народнаго сельскаго театра.

Въ 100 № «Кіевской газеты» напечатанъ докладъ С. А. И. общему собранію Кіевскаго Общества грамотности «О народныхъ развлеченіяхъ». Докладчикъ рекомендуетъ смѣшанныя развлеченія, по нѣмецкому образцу, указываетъ настоятельную необходимость правильной и болѣе широкой организаціи обществъ хорового украинскаго пѣнія.

Статьи объ Александрѣ Николаевичѣ *Пыпинѣ*—по поводу пятидесятилѣтія его научной дѣятельности—находимъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: въ 7683 № «Южнаго края»—ст. проф. Н. Ѳ. Сумцова—здѣсь отмѣчены съ глубокой признательностью и труды А. Н. по изученію Малороссіи—въ 71 № «Волыни», въ 82 № «С-Петербургскихъ вѣдомостей», въ 2115 № «Южнаго Обозрѣнія», въ 1776 № «Приднѣпровскаго Края».

Въ 7692 № «Южнаго Края» помѣщена статья о Н. А. Сергѣевѣ—Харьковскомъ уроженцѣ—художникѣ украинской природы, попутно упоминаются и другіе знаменитые земляки—художники Г. И. Семирадскій, И. Е. Рѣпинъ, С. И. Васильковскій.

Замѣтки, болѣе или менѣе обширныя, о предстоящемъ юбилеѣ Н. В. Лисенка появились въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ:— «Волынь», № 71, В. Мировця, «Кубанскія Областныя вѣдомости», № 67, Влад. Страшкевича, «Биржевыя вѣдомости», № 175, «Полтавскій вѣстникъ», № 94, г. Л. П.

Одинъ изъ членовъ международнаго конгресса историковъ въ Римѣ польскій историкъ Александръ Яблоновскій представилъ секціи исторической географіи свой историческій атласъ украинскихъ провинцій, принадлежавшихъ въ XVI ст. польскому государству. Атласъ, пользующійся заслуженною извѣстностью въ польскомъ научномъ мірѣ, возбудилъ интересъ среди членовъ секціи оригинальностью метода и техникой исполненія. Съ особеннымъ вниманіемъ отнесся къ атласу парижскій ученый Галлуа. («Кіевск. газ.», № 95).

Въ 379 № «Вѣстника Юга» помѣщена замѣтка «Роковыны Т. Г. Шевченка», излагающая впечатлѣніе отъ бывшаго въ г. Екатеринославѣ 16 марта литерат.-муз. вечера.

Въ 399 № «Вѣстника Юга» напечатана замѣтка «Къ исторіи открытія Екатеринославской ученой архивной комиссіи».

Въ *83 №* «Кіевской Газеты» помѣщена замѣтка «Къ предстоящему юбилею Н. В. Лисенка».

Въ 383 № «Вѣстника Юга» помѣщена рецензія о брошюрѣ Е. Чикаленка. Розмова про сельске хазяйство. 5-та кныжка. Садъ. О той же книжкѣ находимъ отзывъ въ 77 № «Волыни» и въ 83 № «Кіевской газеты».

Въ 1765 № «Приднѣпровскаго Края» находимъ статью «Музей имени А. Н. Поля», въ которой данъ обзоръ всѣхъ отдѣловъ и болѣе интересныхъ коллекцій этого музея.

Въ 77 № «Волыни» находимъ сочувственный отзывъ г. М. К. о недавно вышедшемъ сборникѣ «Дубове лысте. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша». Авторъ характеризуетъ литературную дѣятельность Кулиша; дѣлитъ содержаніе альманаха на 5 отдѣловъ, отмѣчаетъ лучшія произведенія въ немъ, приводитъ въ подлинникѣ стихотвореніе М. Чернявського «Писля похорону», подчеркиваетъ и внѣшнія достоинства сборника.

Въ 377 № «Вѣстника Юга» г. А. Петрищевъ помѣстилъ прекрасную статью «По поводу одного недоразумѣнія». Разрѣшено издавать въ Тифлисѣ газету «Шаркы Русь» на адербейджанскомъ нарѣчіи—языкѣ кавказскихъ татаръ, составляющихъ всего 1% населенія имперіи. Газета грузинская, армянская, татарская и т. д. есть та лабораторія, гдѣ общеимперское принимаетъ форму, удобопонятную для каждаго отдѣльнаго племени, и потому является необходимой даже изъ чисто-государственныхъ соображеній. Между тѣмъ, народность, составляющая почти $^1/_4$ всего населенія имперіи, какъ бы исключена изъ государственнаго обихода. «Хотѣлось бы надѣяться, что вопросъ о малорусской печати будетъ разрѣшенъ скоро, разрѣшенъ такъ, какъ это подсказывается исторіей, интересами общегосударственной солидарности,—наконецъ, просто здравымъ смысломъ».

Въ № 67 «Кубанскихъ областныхъ вѣдом.» изложено содержаніе рѣчи г. Хаханова о роли кавказовѣдѣнія въ развитіи исторической, лингвистической и этнологической наукъ.

Въ 379 № «Вѣстника Юга» помѣщена обширная статья г. Ков.-Кол. «Малорусскій Университетъ», сокращенное изложеніе статьи г. Славинскаго «Малорусскій Университетъ во Львовѣ» (см. «Міръ Божій», кн. 2, стр. 69—78).

Въ 77 № «Волыни» данъ отзывъ о брошюрѣ Б. Гринченка «Хто робыть, той и мае. Оповидання про Джемса Гарфильда».

Въ 2109 № „Южнаго Обозрѣнія", въ замѣткѣ «Памяти А. А Андріевскаго» сдѣланъ призывъ къ одесскому обществу—почтить память А. А. А-го участіемъ въ постановкѣ памятника ему и учрежденіи стипендіи его имени.

Въ 382 № «Вѣстника Юга» помѣщена біографія и характеристика Кобзаря Т. М. Пархоменка.

Въ 97 № «С.-Петербургскихъ вѣдомостей» напечатана замѣтка г. Влад. Котовича «Пока лѣсъ шумитъ». Авторъ дѣлаетъ краткій обзоръ исторіи волынскаго Полѣсья, доказываетъ, что жители его— самые чистые въ этнографическомъ отношеніи представители русскаго племени, и призываетъ къ этнографическому изслѣдованію Полѣсья.

Въ 79 № «Волыни» помѣщенъ переводъ съ украинскаго разсказа Ивана Франка «Исторія одного тулупа».

Въ 90-мъ № «Полтавскаго Вѣстника», въ замѣткѣ «Къ лекціи Эварницкаго» дана характеристика научной дѣятельности и перечень трудовъ лектора.

Въ 89 № «Полтавскаго Вѣстника» помѣщенъ интересный разсказъ свящ. М. Ко—нова «Дідъ Петро». Рѣчь идетъ о чтецѣ псалтири надъ покойными и вмѣстѣ, такъ сказать, благочестивомъ сельскомъ знахарѣ.

Грамотность этого убѣжденнаго до фанатизма знахаря сказалась въ его складныхъ заговорахъ «молитовкахъ на церковный ладъ».

Въ 395 № „Вѣстника Юга" помѣщена статья Г. Ков.-Кол. «Изъ новостей малорусской литературы». Авторъ даетъ сочувственную ре-

цензію о беллетристическихъ произведеніяхъ и отмѣчаетъ историко-литературныя статьи, напечатанныя въ I—III кн. нашего журнала за 1903 г., констатируя неотложную необходимость періодической украинской прессы.

Въ 93 № „Полтавскаго Вѣстника" находимъ въ отдѣлѣ «Литературное Обозрѣніе» подробный; съ массой обстоятельныхъ выдержекъ. пересказъ беллетристическихъ произведеній, помѣщенныхъ въ мартовской книжкѣ нашего журнала.

Новыя украинскія изданія. „Nova reforma" сообщаетъ, что во Львовѣ съ апрѣля будетъ издаваться новый украинскій еженедѣльникъ съ примирительной программой по отношенію къ полякамъ.

Въ Вѣнѣ вскорѣ появится первая книжка двухнедѣльнаго русинскаго журнала на нѣмецкомъ языкѣ «Ruthentische Revue". Основатели журнала-депутаты Романчукъ и Яворскій, редакторъ д-ръ Косъ. («Кіевская Газ.», № 105).

Предполагаемый альманахъ. Украинская „академічна" молодежь, сгруппированная въ товарищество „Січ" въ Вѣнѣ, задумала издать альманахъ, или сборникъ беллетристическихъ произведеній самаго младшаго поколѣнія нашихъ писателей. Приводимъ въ сокращеніи ея возваніе. „Каждому хорошо извѣстно, какое благодатное вліяніе на молодого автора долженъ имѣть моментъ, когда произведенія его являются предъ широкой публикой, ждутъ отъ нея отвѣта, оцѣнки. Чувствуя эту необходимость, мы хотимъ дать нашимъ товарищамъ возможность стать предъ forum publicum съ тѣмъ, что они лелѣяли въ своемъ умѣ, воспитали въ сердцѣ. Съ другой стороны, мы хотимъ дать нашему обществу характеристичную картину того, что думаетъ, что чувствуетъ, чѣмъ живетъ, чѣмъ хочетъ жить самое младшее поколѣніе литераторовъ... Что касается программы или содержанія сборника, мы то думаемъ помѣстить въ немъ самый богатый, наилучшій матеріалъ, дать слово какъ можно большему кругу нашихъ молодыхъ литераторовъ. Хотимъ посвятить сборникъ исключительно „красній літературі": стихотворе-

ніямъ рифмованнымъ и бѣлымъ, разсказамъ, очеркамъ, эскизамъ и т. д., краткимъ драматическимъ произведеніямъ—въ цѣломъ видѣ или въ отрывкахъ. Просимъ молодыхъ, начинающихъ авторовъ прислать свои лучшія еще ненапечатанныя произведенія.

Подписная цѣна нашего сборника 2 кор. 30 сот. Чистый доходъ отъ изданія поступитъ частью на „запомоговий фонд" тов-а „Січ", частью на «фонд видавничий". Срокъ присылки рукописей —до 1 іюня 1903 г. Рукописи адресовать: Johann Bryn, Wien, XVIII. Stangasse 54. Деньги: Johann Borusowski, Wien, VIII. Lerchenfelderstrasse 58.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бартошевський Іван. Проповіди недільні. 2-е видане У Львові, 1903. Ціна 4 кор.

Буря на мори. Оповидане. № 28. У Кыиви, 1903. Стор. 72, ціна 7 коп.

Всегорев. Варвара, історично-релігійна драма в 4 актах з прольогом епильогом Стор. 270. Випуск 37-й «Бібліотеки для рускої молодежи» під редакцією Ю. Насальского в Коломиі.

Гостинець чемним діточкам. Видане черновецкоі філіі тов. «Руска школа», 26 ст. Ціна 5 сот.

Гринченко Б. Хто робыть, той и мае. Оповідання про Джемса Гафильда. Выд. благотворительного общества и зданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ. У Петербурги, 1903. Ц. 6 коп.

Е. А. Про касы задаткови системи Шульце Деліча и Райфайзена для ремѣсниковъ и селянъ и про организацію селянъ на подставѣ тыхъ касъ, написав А. Д. Жовква, 1903. Ст. 46. Ц. 60 сот.

Етнографічний Збірник, видае етнографічна комісия Наукового Товариства ім. Шевченка, т. XIII. Галицько-руські народні легенды, зібрав Володимир Гнатюк, У Львові, 1902, стор. 290.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка· 1903, кн. I, (Рік XII, т. LI). Львів. стор. 174.

Зміст: Острозька трагедія, розвідка Павла Житецького, ст. 1—24. Кілька грамотъ Володислава Опольского, подав М. Грушевський, ст. 1—8. з історіі нашоі фільольогіі. Три галицькі граматики (Могиль-

ницькй, Левицький, Лозинський), написав др. Осип Маковей ст. 1—5. Miscellanea. Наукова хроніка. Бібліографія. Показчик до т.т. XLV—L записок.

Збірник історично-фільософічної секциї Наукового Товариства імени Шевченка, том V. Матеріяли до культурної історії Галицької Руси XVIII і XIX віку, Зібрані Мих. Зубрицьким, Юр. Кмітом, Ів. Кобилецьким, Ів. Е. Левіцьким і Ів. Франком, видані під редакц, Ів. Франка. У Львові 1902, стор. 334.

В. П. Карповъ. Харьковская старина. Изъ воспоминаній старожила. Съ портретомъ автора (1830—1860 г.г.). Цѣна 1 руб. 25 коп.

Карскій Е. О. Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени. Спб. 1903. 16 стр.

Кузъменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ скалося. Оповиданне. № 31. У Кыиви, 1903. Стор. 26, ціна 2 к.

Левицькый М. За колiивщыны. Оповидання. (За Падалыцею). № 27. У Кыиви, 1903. Стор. 60, цина 5 к.

Левицкый Иванъ. Рыбалка Панасъ Круть. Оповиданне. У Кыиви, 1903. № 30. Цина 5 коп.

Матушевскій Ф. Посѣтители могилы Т. Г. Шевченка. Оттискъ изъ журн. «Кіевская Старина». Кіевъ, 1903. Стр. 27.

Мырный Панасъ. Кныжка перша творивъ. Оповидання, прыповисти та инша дрибныця. У Кыиви, 1903. Стор. 445.

Мырный Панасъ. Лыхый попутавъ. Оповиданне. У Кыиви, 1903. Стор. 49, цина 5 коп.

Д-ръ Олесницкий Ярослав. Австрійске право прасове і его реформа. (Відбирок з «Час. правн. і екон.» т. IV і V), ст. 39.

Памятки українсько-руської мови і літератури, видае Археографічна Комісия Наук. Тов-а ім. Шевченка, том III. У Львові, 1902. Апокріфи і легенди з українських рукописів зібрав, упорядкував, і пояснив д-р. Іван Франко. Апокріфи новозавітні. Б. Апокріфічні діяння апостолів. Стор 428.

Про українських козаків, татар та турків. (Наука і Розвага. Народна Бібліотека. Ч. 2. Додаток до «Приятеля» ч. 4, 1903 р.). Видавництво української молодіжи. Чернівці, 1903. З друкарні тов. „Австрия“ ст. 32. Ціна 10 сот.

Перетцъ В. Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. Спб. 1903. XXIV—570 стр. цѣна 3 р. 50 к. Изданіе Императорской академіи наукъ.

Россія, полное географическое описаніе нашего отечества. Изданіе А. Ф. Девріена въ С.-Петербургѣ. Томъ VII-й. Малороссія. (Описаніе губерній: харьковской, черниговской и полтавской). Со 100 политипажами, 40 діагр., картогр., схемат. профил., 1 большой и 10 мал. картами. Составили: В. Г. Карповъ, А. Я. Пора-Леоновичъ, Ф. А. Виноградовъ, Я. Ф. Ставровскій, Е.К. Замысловская, В. В. Морачевскій, И. М. Малышева.

Цѣна 2 руб. 50 коп., въ мягкой папкѣ 2 руб. 75 коп., въ переплетѣ 3 руб.

Тихий Стефан. Як робити тестамент? Коломия, 1903. Накладом редакц. „Поступу". Стр. 34.

Уайт Андрю. Розвій астрономічних поглядів. З англійского переклав Іван Петрушевич. Стор. 94, ціна 45 сот.

Франко Ів. Абу-Касимові капці. Накладом руского товариства педогогічного. Львівъ, 1902. Ціна 60 сот.

Хроніка україньско-руського Наукового Товариства імени Шевченка, у Львові, рік 1903, вип. I, ч. 13.

Часопись правнича і економічна. Т. т. IV і V під редакц. д-ра Станислава Дністрянського Накладом Тов-а ім. Шевченка. Стор. 294.

Зміст: 1) д-ръ Зобків. Емфітев За греко-римского права; 2) д-ръ Стан. Дністрянский: звичаеве право а социяльні звязки; 3) д-ръ Юл. Заяцъ: usus fructus nominis; 4) Мих. Новаковский: сплата ратами в обороті торговельнім; 5) д-ръ Олесницкий: Австрийське право прасове і его реформа; 6) Вол. Старосольский. Причинки до теориі соціольогіи; 7) Зацерковний. Причинки до правничоі терминольогіі; 8) Ів. Чорнявский. З судейскоі практики. Хроніка, оцінки і реферати.

Щурат В.— Гімназияльна пропедевтика фільозофіі. Замітка по поводу анкети краевоі ради шкільноі. Львів. 1903 Стор. 20.

Яновсъка Л. Дзвинъ до церкві склыкае, та самъ у ій не бувае. (Лисова квитка). Комедія на 4 діи. Прысвячуеться М. К. Заньковецькій. У Кыиви, 190. Стор. 90, цина 15 коп.

Ярошинсъка Е. Повістка для молодіжи. Накл. Рус. Тов. педагогічного. Львівъ, 1902. Стр. 56. Ціна 24 сот.

Всѣ двадцать один томъ историческихъ монографій и изслѣдованій **Н. И. Костомарова** въ предлагаемомъ изданіи будутъ размѣщены въ восьми книгахъ такъ:

ВЪ ПЕРВУЮ КНИГУ войдутъ томы *I-й, II-й и III-й*, содержащіе въ себѣ: *I-й томъ:* Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси.—Двѣ русскія народности.—Черты народной южнорусской исторіи.—Мистическая повѣсть о Нифонтѣ.—Легенда о кровосмѣситетѣ.—О значеніи Великаго Новгорода.—Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права?—Великорусскіе религіозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ: Матвѣй Башкинъ и его соучастники. Ѳеодосій Косой.—Иванъ Сусанинъ. *II-й томъ*: Иванъ Свирговскій; украинскій казацкій гетманъ XVI вѣка.—Гетманство Выговскаго.—Бунтъ Стеньки Разина.—По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ «Сельское духовенство». *III-й томъ:* Куликовская битва.—Ливонская война.—Южная Русь въ концѣ XVI вѣка. (Подготовка церковной уніи.—Бунтъ Косинскаго и Наливайки.—Унія).—Литовская народная поэзія.- Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи.

ВО ВТОРУЮ КНИГУ войдутъ томы *IV-й, V-й* и *VI-й*, составляющіе монографію «Смутное Время Московскаго Государства въ началѣ XVII столѣтія».

ВЪ ТРЕТЬЮ КНИГУ войдутъ томы *VII-й* и *VIII-й*, составляющіе монографію «Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада. (Исторія Новгорода, Пскова и Вятки).

ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ КНИГУ войдутъ томы *IX-й, X-й* и *XI-й* составляющіе монографію «Богданъ Хмельницкій».

ВЪ ПЯТУЮ КНИГУ войдутъ томы *XII-й, XIII-й* и *XIV-й*, содержащіе въ себѣ: *XII-й томъ*: Начало единодержавія въ древней Руси.—Гетманство Юрія Хмельницкаго.—Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ.—Исторія раскола у раскольниковъ.—Воспоминаніе о молоканахъ. *XIII-й томъ*: Преданія первоначальной русской лѣтописи въ соображеніяхъ съ русскими народными преданіями въ пѣсняхъ, сказкахъ и обычаяхъ.—Личность царя Ивана Васильевича Грознаго.—О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Димитрія.—Личности Смутнаго Времени.—Кто виноватъ въ Смутномъ Времени?—Великорусская народная пѣсенная поэзія. *XIV-й томъ*: Аѳанасій Филипповичъ.—Петръ Могила передъ судомъ изслѣдователей нашего времени.—Богданъ Хмельницкій—данникъ Оттоманской Порты.—

О козакахъ.—Царевичъ Алексѣй Петровичъ.—Павелъ Полуботокъ.—Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица.—Самодержавный отрокъ.

ВЪ ШЕСТУЮ КНИГУ войдутъ томы *XV-й* и *XVI-й*, содержащіе въ себѣ: *XV-й томъ:* «Руина». Историческая монографія. 1663—1687 г.г (Гетманство Бруховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича). *XVI-й томъ*: Мазепа и Мазепинцы.

ВЪ СЕДЬМУЮ КНИГУ войдутъ томы *XVII-й* и *XVIII-й*, составляющіе монографію подъ заглавіемъ «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» и

ВЪ ВОСЬМУЮ КНИГУ войдутъ томы *XIX-й*, *XX-й* и *XXI-й*, содержащіе въ себѣ: *XIX-й томъ:* Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ.—Старинные Земскіе Соборы. *XX-й томъ:* Очеркъ торговли Московскаго Государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. *XXI-й томъ:* Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества.
